

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ,
ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ»

Новосибирск, 2011 г.

УДК 1+3+9
ББК 63+66+87
А 43

А 43 «Актуальные вопросы философии, истории и политологии»:
материалы международной заочной научно-практической
конференции. Часть II. (10 марта 2011 г.) – Новосибирск: Изд.
«ЭНСКЕ», 2011. – 152 с.
ISBN 978-5-91711-030-1(2)

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Актуальные вопросы философии, истории и политологии» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной философии, истории и политологии.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям в области практической философии, истории и политологии и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития данного направления науки.

ББК 63+66+87

ISBN 978-5-91711-030-1(2)

Оглавление

Секция 2: История	6
ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.И. ГЕРЬЕ Кузьмичева Ольга Вячеславовна	6
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-Х ГГ. XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ БАШКИРСКОЙ АССР)	14
Мигранов Марат Сагарьярович ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ТЕАТРА, ЭСТРАДЫ И КИНЕМАТОГРАФА НА КУБАНИ	20
Нежигай Элеонора Николаевна ИСТОРИОГРАФИЯ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ НА ЮГЕ УКРАИНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 – 1944 гг.): ИСТОРИОПИСАНИЕ ВРЕМЁН ВОЙНЫ	31
Нефёдов Дмитрий Валерьевич БОРЬБА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ С АНАРХИСТСКИМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ УКРАИНЫ В 1918-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ	37
Николаев Игорь Евгеньевич «УКРАИНИЗАЦИЯ» В РОССИЙСКОЙ АРМИИ ВЕСНОЙ- ОСЕНЬЮ 1917 ГОДА В ИСТОРИКО-МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	43
Пархоменко Владислав Анатолиевич РАЗВИТИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ ЮЖНОГО УРАЛА В 1929-1941 ГГ.	47
Руслякова Елена Владимировна ПОСТРОЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЛОГОВОГО АППАРАТА В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ	51
Торубаров Юрий Сергеевич ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ «ПОАЛЕЙ-ЦИОН» НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛЬСКО- СОВЕТСКОЙ ВОЙНЫ В 1919-1920 ГГ.	55
Федянина Юлия Владимировна ВЗГЛЯДЫ ДЕКАБРИСТОВ НА СУЩНОСТЬ И НАЗНАЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВА	59
Цымрина Татьяна Валерьевна	

СЕРДЕЧНЫЙ СОСЕД ЛУЧШЕ ДАЛЬНЕЙ РОДНИ: РОЛЬ СОСЕДСКОГО ОКРУЖЕНИЯ В ЖИЗНИ МИГРАНТОВ ИЗ ЗАКАВКАЗЬЯ В МОРДОВИИ Шевцова Анна Александровна	69
Секция 3: Политология	74
САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В ЭПОХУ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА Бетильмерзаева Марет Мусламовна	74
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАБАРДИНО- БАЛКАРИИ Джантуева Фатима Рашитовна	78
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ Зайцев Александр Владимирович	82
КОНЦЕПЦИЯ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ В ТРУДАХ ЗАПАДНЫХ УЧЁНЫХ Ж. Д'АСПРЕМОНТА, Д. БИТАМА И Ю. ХАБЕРМАСА Ивановская Божена Александровна	87
ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Кокорхоева Дугурхан Султангиреевна	99
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПАРТИИ ВЛАСТИ С ОППОЗИЦИОННЫМИ ПАРТИЯМИ В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВА Косогов Евгений Владимирович	105
К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ Севостьянов Дмитрий Валерьевич	112
РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПОВ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В «ДЕКЛАРАЦИИ О ЛИКВИДАЦИИ ВСЕХ ФОРМ НЕТЕРПИМОСТИ И ДИСКРИМИНАЦИИ НА ОСНОВЕ РЕЛИГИИ И УБЕЖДЕНИЙ» Таранюк Жан Петрович	117
ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖИ Торохова Наталья Евгеньевна	123
Мясников Дмитрий Александрович	

ЭНИГМА ЗАРОЖДЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ НАУЧНЫХ РАЗРАБОТОК СОВРЕМЕННЫХ СИНОЛОГОВ	129
Халяпина Наталья Владимировна	
УКРАИНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ, ПРИНЦИПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ	141
Чаплинская Татьяна Николаевна	
ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО РАДИКАЛИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (90-Е ГОДЫ XX ВЕКА)	147
Шажожева Наталия Анатольевна	

СЕКЦИЯ 2: ИСТОРИЯ

ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.И. ГЕРЬЕ

Кузьмичева Ольга Вячеславовна

*аспирант, Московский государственный областной
университет*

E-mail: olgkuzmichyova@yandex.ru

Владимир Иванович Герье (1837-1919) - профессор Московского университета, один из крупнейших дореволюционных российских историков. Широко образованный ученый, талантливый профессор и писатель, он является вместе с тем замечательным общественным деятелем.

1870-90-е гг. - расцвет деятельности В.И. Герье на преподавательском, общественном и научном поприще.

Его преподавательская деятельность заслуживает особой оценки.

Чтобы дать более полную и объективную характеристику Герье-педагога, рассмотрим его личностные качества, влиявшие на преподавательскую деятельность, содержание курсов, методику, стиль преподавания, взаимоотношения с обучаемыми.

На протяжении более полувека он занимался педагогической деятельностью. Решающее влияние на становление Герье как ученого оказали работы его учителей – Т. Н. Грановского, П. Н. Кудрявцева и С. М. Соловьева.

По существу глубже и сильнее сказалось влияние последнего на В.И.Герье [13, с. 74—111].

Проводимые профессором Герье занятия были полезны и содержательны, студенты тщательно вели конспекты его лекций, литографировали их. Лекции профессора были направлены, прежде всего, на формирование интереса к научным знаниям. Первая его лекция прошла успешно – студенты «не проронили ни одного слова, сочувственно следя за лекцией» [17, с.81].

Занятия Герье всегда учитывали новейшие научные достижения исторической науки – он «работал над лекциями» [16, с.559].

Герье сетовал на «недостаток у нас научных учебников по многим отраслям», «непригодность многих переводных книг и учебников». В связи с чем, «вследствие молодости нашей науки...в России главным питомником науки был профессорский труд, главным учебным средством – профессорские лекции», и как результат –

«большая часть сведений и серьезного научного интереса, накопившихся в России... – не столько результат книг и учебников, сколько личного, профессорского труда и влияния» [12, с.706, 692, 707].

Его курсы оставляли в сознании студентов глубокий след, так как они несли отпечаток научной основательности историка, хотя внешне были не столь выразительными. Один из его первых слушателей писал: «Его лекции... производили лучшее впечатление в чтении, а слушать молодого профессора было несколько утомительно: чувствовалась какая-то сухость, педантичность» [6, с.163]. В преклонном возрасте его лекции стали монотонны и вызвали сонливость: Владимир Иванович «читал ровным и негромким голосом, очень литературно и просто» и, все же, его «особая манера читать» «действовала изумительно усыпляющее» [16, с.559]. Но так считали не все. Например, М.Гершензон высказывал мнение в противовес выше написанному: «Каждая лекция Герье - праздник. Я бы, кажется, не устал слушать Герье пять часов подряд» [14, с.13].

Следует отметить особенность Герье как педагога. Он обладал даром сразу выделить в аудитории способных и талантливых студентов, в своем преподавании ориентировался на них. А к нерадивым и плохо занимающимся студентам он был очень суров и непримирим, пытаясь воспитывать и дисциплинировать «стадо первокурсников-разгильдяев». С хорошо работающими студентами профессор был мягок, он не только заботился о знаниях избранных учеников, но и принимал личное участие в их судьбе [16, с.560].

При всех достоинствах преподавания Герье никогда не был популярен среди студентов. Они его занятия не любили и по возможности избегали. У М.Н.Милюкова первая же встреча с ним в аудитории оставило резко отрицательное впечатление. Лектор будто бы задался целью унижить слушателей, доказать им, что они дураки и невежды. Вообще он боялся, чтобы кто-нибудь не узнал того, чего он не рекомендовал и не знает. Когда студент проявлял самостоятельность и делал выводы, не соответствовавшие мнению Герье, он обрушивался на несчастного с язвительной и уничижительной критикой [22, с. 69,70]. Причиной был тому его особый нрав.

«Характер Герье-профессора и Герье-историка был строптивый, капризный и язвительный. Тяжелый он был человек... Робели перед Герье чрезвычайно не только студенты, но и такие его ученики, которые уже сами занимали кафедры» [19, с.192].

При всем этом следует отметить, Герье относился к ученикам строго, но по-отечески.

На протяжении полувековой преподавательской деятельности он прочитал огромное количество лекционных курсов, охватывающих почти все важнейшие эпохи всеобщей истории. Профессор не читал лекций разве что по истории Древней Греции. Только в самом начале своей академической деятельности, в 1870-1872 г.г., он излагал часть истории, которая тогда называлась средневековой [26, с.225].

В 1865 г. В. И. Герье начал чтение лекций в Московском университете.

Лекционные курсы в то время были авторскими и, следовательно, неповторимы, уникальны. Студенты тщательно конспектировали лекции, старались размножить их. В.И.Герье никогда не стремился издавать свои лекции в виде книг, хотя в 1865 г. В.И.Герье напечатал в качестве введения к своему первому университетскому курсу небольшой «Очерк развития исторической науки». «Очерк» этот содержит обзор ряда религиозно-исторических, историко-философских, социологических и исторических построений и заканчивается критикой «Истории цивилизации в Англии» Бокля [10, с.6]. Они так и остались в виде рукописей или в форме отредактированных профессором стеклографированных студентами записей.

В 1860-е г.г. работы отечественных историков всеобщей истории носили в основном обобщающий характер (в частности труды М.Н.Петрова и В.В.Бауера). Однако это были первые в русских университетах самостоятельные систематические курсы новой истории [4, с.415]. В.И.Герье был первым русским историком, попытавшимся анализировать историю нового времени как единый поступательный процесс развития европейского общества. На этом основании его называли «первым пионером и вместе с тем основателем русской научной школы в области новой истории» [2, с.137; 3, с.130].

В лекционных курсах В.И.Герье основное внимание уделял истории идей и политических учреждений [21, с.102].

Вопросы и проблемы, которые В.И.Герье затрагивал в своих исследованиях и преподавательской деятельности, разноплановы. В частности, необходимо назвать такие – проблемы переходного периода от средних веков к новому времени, о роли личности в истории [см. 8], противостояние двух разных моделей государственности, двух политических систем в период польского династического кризиса и «войны за польское наследство» [см.7] вопросы истории Франции XVIII в. (главным образом, Великой французской революции).

В свои курсы он первым стал вводить такие вспомогательные дисциплины как археология, историческая география.

Особое внимание он уделял так называемым «медальным» сочинениям как самостоятельной научной (конкурсной) работе.

Отдельно нужно сказать о такой форме практических занятий как семинар, который Герье считал средством сблизиться с аудиторией.

Он первым в Московском университете, да и в России, начал проводить семинары по истории. Это новшество приживалось с трудом.

Опыт проведения семинариев был заимствован у немецких коллег, в частности занятия Л.Ранке, во время заграникомандировки Герье.

Семинар заключался в чтении студентами докладов, основанных на изучении первоисточников, по разным вопросам всеобщей истории. Также на семинарах студенты постигали основы работы с источниками, обсуждали новую литературу и написанные ими рефераты.

Впоследствии по его примеру стали использоваться как форма подготовки историков его коллегами В.О. Ключевским и А.Н. Шаховым, а также его учениками Н.И. Кареевым, П.Г. Виноградовым, М.С. Корелиным и Р.Ю. Виппером. Семинары Герье соответствовали последовательности читаемых курсов. Так, в начале 1870-х гг., когда Герье читал курс по истории раннего средневековья, студенты на его первых семинарах изучали источники по средневековой истории и работы таких историков-медиевистов, как Ф. Гизо, Ф.К. Савиньи, Г. Зибель, Г. Вайц, Фюстель де Куланж и др. В конце 1870-х гг., когда Герье читал одновременно лекции по истории Древнего Рима и истории Великой французской революции, студенты, занимавшиеся в его семинарах, подразделялись на три подгруппы. В младшей производился разбор «Истории» Тита Ливия и составлялись рефераты о римских политических учреждениях. В средней - студенты читали и анализировали работы современных авторов по древнеримской истории. В старшей писали и обсуждали сочинения, составленные на основе памятников французской революции. При всей незатейливости своей структуры, семинары Герье прививали студентам навыки работы с источниками и на конкретных примерах знакомили их с различными методологическими приемами исследования [5, с.430].

Герье вспоминал, как на первом семинаре после вводного слова он передал сидевшему против него студенту текст «Германии Тацита» и предложил перевести указанную фразу. Студент Лебедев в ответ на

это протяжно возразил: «Я не желаю». Наступило тягостное молчание, ставившее профессора в неловкое положение, которое он прервал словами: «Ну, так пожелайте». Это было рискованно, но привело к благополучной развязке. Лебедев стал впоследствии магистром средневековой истории [5, С. 432-433].

Для способных студентов в 1870-е годы у себя на дому Герье организовал своеобразный научный кружок – «Вечерний семинарий». Здесь (в Гагаринском переулке) в домашней обстановке обсуждали научные проблемы студенты, молодые преподаватели, слушательницы Высших женских курсов. Здесь зародилось ядро будущей «русской школы», связанное неформальным общением студентов разных курсов – Кареева и Виноградова, Виппера и Корелина [18, с.129].

«Школа Герье – это не только школа семинаров, где шлифовалась работа с источниками, но и школа научно-педагогическая, заключающаяся в извлечении научной информации, постоянном общении учителя и ученика, в придании проблемности и общественной значимости специальной работе историка, что накладывало отпечаток в выборе тем и постановки проблем исследования» [26, с.228].

По мнению П.Г.Виноградова, Герье своими семинариями придал «серьезное научное направление всему делу», представлял «широкий простор собственной инициативе участников и свободе мнения» [см.24].

Так, семинары Герье – прообраз научной школы, где осуществлялась преемственность исторического знания, передача научно-исследовательского опыта, навыков педагогической работы, а также искусства руководства семинаром, система и методы его проведения.

В начале 1870-х годов Герье возглавил кафедру всеобщей истории Московского университета, заведующим которой он оставался тридцать лет.

За время его руководства этой кафедрой уровень преподавания всеобщей истории в Московском университете заметно вырос, как считали студенты-современники. Отличалось его преподавание систематичностью, охватом всех периодов истории, включая новую, расширение региональных рамок (история Востока), изучением и преподаванием ранее запретных тем (Французская революция).

В 1871 г. были восстановлены Специальные классы Лазаревского Института, куда был приглашен Герье. С 1872 г. он стал читать Новую историю. Окончательно Герье покинул Специальные Классы в 1902 г. [15, с.444-447].

С ноября 1872 г. открылись первые в России систематические высшие женские курсы. Герье много лет руководил этим первым в России высшим учебным заведением для женщин, которое в народе называли «вторым Московским университетом», а еще чаще – курсами Герье. Герье был учредителем этих первоначально частных, существовавших на пожертвования московской общественности курсов, автором их устава и программы, а со времени их открытия - и директором.

Открытие Высших женских курсов – дело, за которое историк болел всей душой.

«Необходимо дать русским девушкам возможность высшего образования. Мысль эта приходила ко мне еще во время собственного студенчества. Она стала укореняться во мне во время моего преподавания истории в старших женских классах женского пансиона Брокгауза и так сказать, выложилась в определенный образ, когда я давал уроки племяннице друга Грановского А.В.Станкевича» [см.23].

В.О.Ключевский писал о роли Герье в жизни ВЖК: «Вы были первый русский педагог, который отнесся с полным доверием к уму русской женщины, признал, что он безопасно может подняться на высоту высшего образования ... Вы не только доверились уму русской женщины, Вы решились помочь ей самой уверовать в свой ум, в свою способность к высшему образованию» [20, с.179]. К середине 80-х гг. Герье сумел превратить Высшие женские курсы в сплоченный коллектив единомышленников.

15 мая 1888 г. курсы закрылись. На торжественном заседании царила грустная атмосфера. Одна из курсисток писала: «Закрывали окно, через которое лился широкими лучами свет науки, освеща и облагораживая женскую душу» [25, с. 144].

Но Герье оптимистично заявил собравшимся: «Высказанное Вами сегодня горячее участие в постигшей Курсы судьбе представляется мне несомненным и драгоценным залогом того, что дело высшего женского образования не погибнет, но с торжеством выйдет из печальных недоразумений, мешавших его дальнейшему развитию, и окончательно упрочится» [11, с.50-51]

И он, несмотря на официальное закрытие курсов, продолжал их работу под видом публичных лекций.

Значение Высших женских курсов Герье как нельзя точно отражено в следующих словах: «Если бы Владимир Иванович не сделал больше в жизни ничего, все равно его имя осталось бы в памяти, ибо он основал учебное заведение, которому было суждено внести весомую лепту в подготовку российского учительства» [1].

Талант В.И. Герье-педагога очевиден. Благодаря своему учителю – Герье, в науку вошли имена таких ученых, как Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, М.С. Корелин, С.Ф. Фортунатов, П.Н. Ардашев, Р.Ю. Виппер, Е.Н. Щепкин, П.Н. Милуков, А.А. Кизеветтер.

Влияние Герье на учеников не ограничивалось стремлением «школить» их, но носило более широкий характер на формирование их личностей.

Герье заботился не только о получении научных знаний своих учеников, их карьере, но и о материальном их благополучии – о назначении им стипендий, присуждении премий, обеспечивал заказами на переводы, организовывал им платные уроки. Ученики впоследствии в ответ выражали благодарность профессору в письмах.

Герье был поистине мастером своего дела. Широта исторических взглядов Герье, умение и упорное стремление развивать самостоятельность мышления студентов – привлекали учеников. Герье всегда оставался верен своим взглядам, требовательным к себе и окружающим, строгим. К своим профессорским обязанностям и к любому делу относился ответственно, серьезно, с чувством долга. Весь его труд был на благо просвещения России.

В заключение хотелось бы привести слова ученика Владимира Ивановича – Виноградова П.Г.: «Если ваши ученики нуждались не только в поучении, но и в поддержке, то они могли рассчитывать на Вас, как на каменную гору». «Вы никогда не щадили себя, отстаивая других. За все это многочисленные ученики Ваши будут Вам всегда благодарны» [см.24] И, действительно, имя В.И.Герье потомки вспоминают с благодарностью.

Список литературы:

1. Боброва Л. А. Высшие женские курсы профессора Герье в Москве (1872–1888 гг.) // Тр. Моск. гос. ист.-архив. ин-та. Т. 16. М., 1961
2. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в.ч.1., Л.,1929
3. Бутенко В.А. Наука новой истории в России // Анналы, 1922, №2
4. Вебер Б.Г. Начало университетского преподавания новой истории в России (М.Н.Петров, В.В.Бауэр). Появление специальных исследований (В.И.Герье, И.В.Луцицкий) // Очерки истории исторической науки в СССР. - М., 1960. – Т.II. – Гл.VII.

5. Воспоминания В.И.Герье. Детство. Учение до получения кафедры // История и историки. М., 1990
6. Высотский Н.Г. Из далекого прошлого//Вести воспитания.1910.№ 7.
7. Герье В.И. Борьба за польский престол в 1733 году: Историческая диссертация. — М., 1862
8. Герье В.И. Лейбниц и его время. - СПб., 1868-1871. - Т. 1-2
9. Герье В.И. Воспоминания В.И.Герье// История историки. М., 1990.
10. Герье В.И. Очерк развития исторической науки – М., 1866
11. Герье В. И. Речь при закрытии Высших Женских Курсов // Владимир Иванович Герье и МВЖК. Мемуары и документы. — М., 1997
12. Герье В.И. Свет и тени университетского быта // Вестник Европы. 1876. Кн. 2.
13. Герье В. И.. Сергей Михайлович Соловьев // Исторический Вестник, 1880, т. I
14. Гершензон М.О. Письма к брату. М.,Л., 1927
15. Гордлевский В.Герье как историк Востока.1837-1919//Новый Восток, 1922, кн.1
16. Готье Ю.В. Университет // Московский университет в воспоминаниях современников. М.: Современник, 1989
17. Из вступительной лекции всеобщей истории // Московские университетские известия. 1865. №3
18. Кареев Н.И. Пережитое и прожитое. Л., 1990
19. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881-1914. М., 1997
20. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983
21. Косминский Е. Столетие преподавания истории средних веков в Московском университете // Историк-марксист. 1940. Кн.7 (83). С.102Милуков М.Н. Воспоминания. М., 1991
22. НИИ ОР РГБ. Ф.70. К.32. Ед.хр.3. Воспоминания. Гл.3 Возникновение ВЖК, 1918 Л.3
23. НИИ ОР РГБ. Ф.70. К.68. Ед.хр.9
24. Тимонова С.К. Два слова в память десятилетия МЖК //Владимир Иванович Герье и МВЖК. Мемуары и документы. — М., 1997
25. Цыганков Д.А. Профессор Московского университета В.И.Герье (1837-1919)//Новая и новейшая история, 2002, №5

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-Х ГГ. XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ БАШКИРСКОЙ АССР)

Мигранов Марат Сагарьярович

аспирант БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа

Ee-mail: atey26061@mail.ru

Послевоенный период занимает особое место в советской истории. Неоднозначный и противоречивый, он привлекает повышенное внимание научной общественности. С одной стороны, это было время стабилизации режима, почивающего на лаврах победителя в Великой Отечественной войне. Победоносное завершение последней стало, по мнению правящих кругов, неоспоримым свидетельством правильности избранного пути развития страны и, тем самым, серьезно укрепило позиции большевистской партии. В этом смысле брошенная А. А. Ждановым фраза о том, что «победу одержали не те, у кого урны на улицах», явилась наиболее ярким выражением мнения советского руководства. Между тем, с другой стороны, все это происходило на фоне больших перемен в общественном сознании населения, подчас кардинально противоречащих общегосударственному и общепартийному курсу. «Избалованное» в годы войны определенными идеологическими послаблениями, вызванными необходимостью сплочения антигитлеровской коалиции, советское общество испытывало жизненную насущность в дальнейшем развитии «демократического импульса». С послевоенным периодом связывались надежды на смягчение политического режима, экономические преобразования. Однако всем этим социальным устремлениям не суждено было сбыться, они оказались не более чем иллюзией.

Между тем, долгие годы в нашей стране объективное изучение общественных настроений оставалось фактически невозможным. В советский период факт наличия несогласных с генеральным курсом партии мнений старательно замалчивался, в официальных докладах звучали совершенно иные, радужные для властей оценки. Другое дело – внутривластные документы, предназначенные исключительно для служебного пользования. Они детально описывали все ходившие слухи и настроения, и уже на их основании принимались соответствующие решения. Однако, для науки сама проблема общественного сознания, по сути, была закрытой. Ситуация изменилась лишь с 80-90-х гг. XX столетия. Наука к этому времени

освободилась от довлевшего над ней идеологического пресса, к тому же в руках историков оказались новые источники. В результате появились серьезные исследования в данной сфере [2, 3, 8, 9, 10, 12]. Однако, все они зачастую обходили стороной процессы, происходившие на территории Башкирской АССР. Именно этим и определяется актуальность и новизна нашей научно-исследовательской работы. Мы поставили своей целью в свете новых источников объективно рассмотреть проблему общественных настроений в советском социуме. При этом, в фокус исследования попал период первых послевоенных лет (1945-1948 гг.), получивший в российской историографии название «брожение умов», а территориальные рамки охватили регион современного Башкортостана. Следует отметить, выбор подобных хронологических границ объясняется рядом факторов: это был период восстановления страны, ее экономики от последствий военного лихолетья. В целом, данные процессы завершились именно к 1948 г. Кроме того, как считает исследователь Е. Ю. Зубкова, 1948 г. можно считать поворотным и в смысле развития политических процессов, когда от превентивных идеологических кампаний И. В. Сталин перешел к практике широких репрессий [8, с. 26].

В основу работы легли материалы фонда 122 ЦГАОО РБ, в частности, это многочисленные жалобы и заявления в Обком партии, его отделы, а также секретарям ОК ВКП (б); письма и просьбы трудящихся, адресованные в местные и центральные газеты и журналы (в том числе в «Правду»); делопроизводственная документация (справки, докладные записки, служебная информация, сводки отделов ОК ВКП (б), запросы и ответы на них, письма в ЦК партии). Кроме того, была проведена работа с опубликованными источниками, содержащимися в таких сборниках документов, как: «Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР, 1945-1953 гг.», «Советская жизнь, 1945-1953 гг.» и «ЦК ВКП (б) и региональные партийные комитеты, 1945-1953 гг.» [22, 24, 25]. При этом, особый интерес вызвали материалы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) и сводки МГБ (в частности, материалы перлюстрации частной переписки рабочих г. Черниковск [11]). Большая работа была проведена с публикациями последних лет (среди них особо следует выделить исследования Е. Ю. Зубковой, считающейся одним из главных специалистов в данной области).

В результате анализа указанных источников, а также историографического наследия проблемы мы пришли к ряду важных выводов. Прежде чем их изложить, необходимо сделать ряд

замечаний. Во-первых, результаты исследования основаны на материалах, касающихся Башкирской АССР, а потому они могут быть обобщены на всю территорию СССР лишь с рядом допущений и конкретизаций, учитывающих специфику того или иного региона. Во-вторых, говорить о наличии антисоветских по своему характеру настроений и мнений в советском обществе анализ источников не позволяет. Такая оценка скорее является политической и носит тенденциозный характер. Факты, выявленные нами, требуют характеризовать подобные мнения как нежелательные для властей в условиях «холодной войны», но, при этом, направленные не против партии как таковой, не против государственной системы, а требующие улучшения социальных условий жизни. В связи с этим понятие «антисоветские» настроения следует заключать в кавычки и воспринимать как условное обозначение, являющееся порождением рассматриваемой эпохи.

В рассматриваемый период Советский Союз оставался аграрно-индустриальной державой с преобладанием сельского населения. В таких условиях власть, естественно, стремилась контролировать настроения, распространявшиеся в деревне. Почвой для недовольства крестьян были тяжелые условия труда и жизни. В годы войны были введены повышенные нормы выработки по трудодням, за их невыполнение предполагалась уголовная ответственность. Следует отметить, крестьянство понимало необходимость самоотверженного труда в условиях противостояния с агрессорами. Между тем оно питало и надежды на серьезное улучшение жизни с наступлением мирного времени. Однако, постановлением правительства от 31 мая 1947 г. практика военных лет была сохранена и на последующие годы [23, с. 153, 159-166]. Ещё более тяжёлым ударом по крестьянству стали засуха и голод 1946-1947 гг. [1, 4, 7], со всей ясностью показавшие уязвимость колхозной системы, вскрывшие её кризис и неспособность правительства адекватно реагировать на последний. Естественно, всё это сказывалось на общих настроениях в деревне. О них мы можем судить по многочисленным жалобам и заявлениям, поступавшим в Башобком партии, а также по письмам, адресованным в местную и центральную печать. Анализ указанных источников позволяет говорить о том, что главной проблемой, волновавшей сельское население в данный период, было решение насущных вопросов колхозного быта. Крестьяне в своих обращениях рисовали картину развала коллективного хозяйства, издевательств местных властей. Так, из письма колхозницы в редакцию газеты «Правда» мы узнаем следующее: «В колхозе голод, беспорядок, развал всей отрасли

хозяйства, недоверие к районным руководителям, прокурору, НКВД, райисполкому и райсовету... Многие колхозы страдают от халатностей и беспечности руководителей...» [17, л. 52]. Один из работников Давлекановского зерносовхоза в личном письме с горечью писал: «...питание дома плохое, живу на иждивении жены-чернорабочей, помощи ниоткуда не получаю...» [19, л. 3]. Доведенные до отчаяния, рабочие совхоза «Спартак» писали следующее: «Знаете или не знаете, что у нас здесь делается. Что директор... и комендант... бомбили всю постройку, разорили половину свиноводов... Может быть, вы сами им разрешаете воровать и продавать государственное семенное зерно... Может, вы это дело скроете, потому что... вас медом да салом замазал... Если вы будете эти дела скрывать, то вы получите от Сталина не такую медаль, что на груди носят, а другого сложения, то есть в тюрьме вам места будет мало, если вы будете скрывать...» [6, л. 8].

Нежелательные настроения и слухи распространялись и в городской среде. Тяжелые условия труда и быта, нестабильное продовольственное и промтоварное снабжение, нерешенный жилищный вопрос являлись той почвой, на которой произрастало общественное мнение. В Башобком поступали многочисленные письма и жалобы, авторами которых выступали рабочие заводов, учителя, семьи действующих или погибших фронтовиков, демобилизовавшиеся воины, врачи, работники искусства и т.д. «...Я чувствую себя крайне плохо... Я и мои два ребенка не имеем обуви, одежды. Квартира холодная, отсутствует топливо», - писала в Торговый отдел ОК ВКП (б) начинающий композитор [14, л. 39]. «В настоящее время положение критическое, доизобретался до инвалидности второй группы – нетрудоспособен. Возможность работы временно исключена, а, следовательно, нет выхода из положения. Получаю 300 гр. хлеба, картофеля нет, зарплаты, соцстраха не имею... Положение семьи тяжелое, топливом, теплыми вещами не обеспечены...», - обращался за помощью в Торготдел конструктор-изобретатель, бывший научный сотрудник Академии наук УССР, эвакуированный в Уфу [15, л. 299]. Большое место в жалобах трудящихся занимала критика в адрес директоров заводов, на которых возлагалась ответственность за сложившееся положение. «На заводе № 161 зарплата выплачивается нерегулярно, рабочие не имеют возможности выкупить по карточкам свои продукты, а дирекция завода не оказывает помощи, не увольняет с завода, а увольняют только тех, кто вступает в сожительство с замдиректора завода... и начальником производства», - писала «комсомолка завода № 161» [18,

л. 34]. Еще более резкие формулировки звучали в жалобе на руководителей Бокситовых рудников, адресованной секретарю Башкирского обкома ВКП (б) Игнатьеву: «...На руднике... [начальство] занимается очковитирательством и обманом. Снабжают рабочих очень плохо, спекулируют продуктами и покрывают эти спекуляции за счет помощи фронтовикам, которых совсем не снабжают и ничем не помогают...»[5, л. 90]. Нередко подобная ситуация вызывала у трудящихся апатию и мысли о суициде. «...Честно проработавши семнадцать лет на заводе. И в настоящее время нахожусь на грани душевной депрессии, то есть еще немного такого состояния и я буду вынужден или стать уголовным преступником или что-либо сделать с собой. Дальше оставаться в таком положении нет сил...», - писал рабочий завода № 26 г. Уфы [20, л. 69]. «...Это может привести к нехорошим последствиям. Ведь есть уже совсем недавние случаи, когда молодые рабочие повесились прямо в цехах завода», - вторил ему другой рабочий того же завода [21, л. 70].

Таким образом, анализ источников позволяет сделать следующие выводы. В первые послевоенные годы в советском обществе стали распространяться нежелательные для властей настроения. Однако, характеризовать их как антисоветские не представляется возможным. В своих письмах, заявлениях население не выступало непосредственно против властей, против советской системы как таковой (даже анализ сводок МГБ, основанных не перлюстрации частной переписки, говорит об этом). Напротив, изученные материалы свидетельствуют о том, что в лице верховной власти, партии и прежде всего И.В. Сталина люди видели гаранта своих прав. «...Когда в моей жизни создавались тяжелые положения и все попытки выйти из них не давали положительных результатов, и я становился беспомощным самому себе помочь, я обращался к партии ВКП (б) и всегда бывал понят и не оставлен...», - писал секретарю Башобкома Игнатьеву оставшийся без работы и средств к существованию инвалид Великой Отечественной войны [16, л. 145]. Нередко трудящиеся посвящали «отцу народов» свои поэтические произведения. Главными же виновниками происходящего в их глазах выступало «местное начальство», а требования были направлены на улучшение социальных условий жизни, решение непосредственных бытовых проблем. Между тем, учитывая обострение международных отношений в тот период, состояние «холодной войны», подобные настроения, естественно, становились нежелательными для властей,

таящими скрытую угрозу, а потому и характеризовались как антисоветские.

Список литературы:

1. Аксенов Ю. О простых решениях непростых проблем/ Ю. Аксенов // Коммунист. - 1990. - № 6. - С.10-18.
2. Аксютин Ю. Послевоенные надежды / Ю. Аксютин // Родина. - 1993. - № 12. - С.41-43.
3. Аксютин Ю. Сталинизм: послевоенные утопии и реалии / Ю. Аксютин // Трудные вопросы истории. - М.: Наука, 1991. - С.166-205.
4. Волков И.М. Засуха, голод 1946-1947 гг. / И.М. Волков // История СССР. - 1991. - №4. - С.13-18.
5. Жалоба на руководителей Бокситовых рудников // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 593. Л. 89-92.
6. Заявление в Башобком от рабочих совхоза «Спартак» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 721. Л. 8-9.
7. Зима В.Ф. Голод в России 1946-1947 гг. / В.Ф. Зима // Отечественная история. - 1993. - №1. - С. 35-52.
8. Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека. 1945-1948 годы / Е.Ю. Зубкова // Отечественная история. - 1998. - №3. - С.25-39.
9. Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека. 1945-1948 годы / Е.Ю. Зубкова // Отечественная история. - 1998. - №4. - С.99-108.
10. Зубкова Е.Ю. Земля слухом наполнилась... / Е.Ю. Зубкова // Родина. - 1998. - №8. - С.5-9.
11. Информация Министерства государственной безопасности СССР о положении дел на машиностроительном заводе г. Черниковска Башкирской АССР (по данным перлюстрации частной переписки) от 5 июля 1946 г. // Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР, 1945-1953. / Сост. О.В. Хлевнюк, И. Горлицкий, Л.П. Кошелева, А.И. Минюк. – М.:РОССПЭН, 2002. – С. 287- 288.
12. Карпенко И.А. Сводки Управления МГБ по Ленинграду как исторический источник о настроениях послевоенного общества/ И.А. Карпенко // Клио. - 2006. - № 1. - С.62-66.
13. Письмо в редакцию газеты «Правда» инвалида Великой Отечественной войны // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 580. Л. 55-59.
14. Письмо в торговдел ОК ВКП (б) // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 554. Л. 39-40.

15. Письмо в торговдел ОК ВКП (б) от эвакуированного научного сотрудника АН УССР // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 555. Л. 299-300.
16. Письмо инвалида Великой Отечественной войны секретарю ОК ВКП (б) Игнатьеву // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 555. Л. 145-149.
17. Письмо колхозницы в редакцию газеты «Правда» // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 506. Л. 52-54.
18. Письмо комсомолки завода № 161 г. Уфы в Обком ВКП (б) // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 593. Л. 32-37.
19. Письмо работника Давлекановского зерносовхоза матери // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 721. Л. 3-5.
20. Письмо рабочего завода № 26 г. Уфы в Обком ВКП (б) // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 593. Л. 69.
21. Письмо рабочего завода № 26 г. Уфы секретарю Башобкома ВКП (б) Игнатьеву // ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 593. Л. 70.
22. Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР, 1945-1953 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, И. Горлицкий, Л.П. Кошелева, А.И. Минюк. - М.:РОССПЭН, 2002. – 656 с.
23. Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945-март 1953): сборник документов [Текст] / В.П. Попов. - М.: Прометей, 1993. - 204 с.
24. Советская жизнь, 1945- 1953 гг. / Сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, А.И. Минюк. - М.: РОССПЭН, 2003. – 720 с.
25. ЦК ВКП (б) и региональные партийные комитеты, 1945- 1953 гг. / Сост. В.В. Денисов. - М.: РОССПЭН, 2004. – 494 с.

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ТЕАТРА, ЭСТРАДЫ И КИНЕМАТОГРАФА НА КУБАНИ

Нежизгай Элеонора Николаевна

к.и.н., доцент КСЭИ, г. Краснодар

E-mail: club99@mail.ru

Новая эпоха в истории художественной культуры, искусства театра и кино, связанная с приходом к власти большевиков, в идейном плане началась с декларативных заявлений о том, что «искусство принадлежит народу», и что «каждый художник, всякий, кто себя

такowym считает, имеет право творить свободно, согласно своему идеалу, независимо ни от чего». [8, с.70]

Многие представители творческой, в том числе, театральной интеллигенции, имея смутные представления о планах новой власти, восприняли заявления советских руководителей как стимул к свободной творческой деятельности. Рядом с профессиональным театром возникло множество кружков, клубов, домов культуры, хоров. Формировались и росли, как грибы, новые творческие театральные союзы: союз артистов частного балета, Московское общество «Музыка и драма», Всероссийский провинциальный союз артистов, Международный союз артистов и цирка, Объединенный профсоюз работников сцены и др. При этих обществах и союзах, как правило, были свои театры или театрализованные кафе с самым разнообразным репертуаром.

Следует заметить, что правительственные органы, на первых порах, с поразительной благожелательностью отзывались на любую инициативу не только государственных организаций и коллективов, но и отдельных мастеров искусств. Все новые творческие идеи субсидировались, по возможности, для всего находились помещения и средства. [10, с.89]

Однако, в скором времени выяснилось, что далеко не все творческие коллективы соответствуют основным принципам новой идеологии. В изменившейся социально-политической обстановке наибольшую живучесть старого репертуара и образов демонстрировали эстрада и академические театры. Некоторая часть художественных коллективов пребывала в полной растерянности. Наблюдая за развитием событий, Ленин говорил, что «коммунисты не должны стоять, сложа руки, и давать хаосу развиваться, куда хочешь». [8, с.70] С необходимостью наведения порядка в творческой среде соглашался и Луначарский. Он вступает в диалог с театром от имени и на стороне революции: «Революция сказала театру: «Театр, ты мне нужен. Ты мне нужен не для того, чтобы после многих трудов и боев, я, революция, могла отдохнуть на удобных креслах в красивом зале и развлечься спектаклем. Ты мне нужен не для того, чтобы я просто могла свежо посмеяться и «отвести душу». Ты мне нужен, как помощник, как прожектор, как советник». И выступая далее уже от имени человека, облеченного властью и широкими полномочиями признает, что «Советской власти действительно придется, скрепя сердце, вмешаться в театральную жизнь, дабы внести сюда железную дисциплину извне». [11, с.6]

Эти высказывания дополняются вполне конкретно сформулированными Восьмым съездом РКП(б) требованиями: «Кинематограф, театр, концерты, выставки и т.п. необходимо использовать для коммунистической пропаганды, как непосредственно, то есть через их содержание, так и путем сочетания их с лекциями и митингами». [13, с.22]

Таким образом, была определена идеологическая основа деятельности всех зрелищных предприятий. Организационное же их оформление проходило на фоне складывания административно-командной системы управления с ее «чрезвычайными законами, номенклатурным принципом подбора и расстановки кадров, с увеличением управленческого аппарата в целом, а в нем - контрольных и карательных органов и с организацией всеобщего административного надзора». [10, с.109]

В феврале 1919 года была предпринята первая попытка решить вопросы, связанные с организацией театрального дела с участием профессиональных актерских союзов и представителями столичных театров. Пытаясь учесть все нюансы этой сложной в художественном, политическом, экономическом отношении проблемы, они не смогли принять окончательного решения. После этого, в июле 1919 года, в кругу, гораздо более узком (Ленин, Луначарский, Ф.И. Шаляпин и Заведующий Отделом государственных театров Петрограда И.В. Экскузович), разрабатывается «Декрет об объединении театрального дела». Принятый малым Совнаркомом, и обсуждавшийся в Театральном Отделе Народного Комиссариата Просвещения и Центральном Комитете Всероссийского союза работников искусств он, тем не менее, был отменен. Окончательный вариант декрета, был принят Совнаркомом и подписан Лениным лишь 26 августа 1919 г.[8, с.69]

23-й пункт этого декрета гласил: «Цирки, как предприятия, с одной стороны доходные, с другой стороны демократические по посещающей их публике и особенно нуждающиеся в очищении от нездоровых элементов и в художественном подъеме их программ, а также всякого рода эстрады администрируются наравне с неавтономными театрами». Как видим, этот документ определил судьбу не только театров, но и всех зрелищных заведений. Для нас он интересен еще и тем, что содержит прямое свидетельство о зрительских вкусах, в нем явственно обозначено пристрастие «демократической публики» (очевидно представителей рабоче-крестьянского сословия и людей невысокого общественного

положения) к зрелищам, не требующим особого умственного и душевного напряжения.

Формулировка «всякого рода эстрады» указывает на особую распыленность данного рода зрелищ, на основании чего можно предположить возникновение дополнительных трудностей в области идейно-художественного контроля их репертуара. Действительно, эстрада, собиравшая своих поклонников в многочисленных кафешантанах, небольших театриках и ресторанах обладала особой живучестью коммерческого духа, и более, чем другие виды искусства испытывала на себе влияние старого мира, «часто становясь трибуной мещанства, враждебных революции сил». [12, с.31]

«Декрет об объединении театрального дела» содержал также указание о том, что для неавтономных театров обязательными являются административные и художественные распоряжения Центротейатра. В отношении всех театров, признанных полезными и художественными государство брало на себя их субсидирование. Этим явственно обозначились два метода воздействия на зрелища: помимо прямого административного давления предусматривалось гораздо более действенное - экономическое.

Принятые центральной властью решения по реорганизации театрального дела начинают незамедлительно проводиться в жизнь во всех регионах России.

На Кубани их осуществление несколько задержалось в силу объективных причин, связанных с окончательным установлением здесь Советской власти лишь в марте 1920. Но уже 9 апреля 1920 г. вышло постановление Кубано-Черноморского Областного Ревкома о национализации наряду с прочими частными заведениями, всех театральных, кинематографических и цирковых помещений и их имущества, и о передаче последних с 12 апреля в ведение Подотдела искусств. [1, л.29]

Наряду с этим, велись поиски новых форм внутритеатрального управления. В силу различных обстоятельств, принципы формирования аппарата управления к началу двадцатых годов не были одинаковыми для всех театров страны. В одних структура и аппарат управления строились на коллегиальных, выборных началах, в других руководители назначались в директивном порядке, третьими руководили объединенные дирекции, в четвертых функции управления осуществлялись одновременно представителями различных ведомств.[8, с.72]

На Кубани, все то же постановление от 9 апреля 1920 г. предписывало всем театрам немедленно образовать комитеты внутреннего распорядка из 5 человек: 3 - от художественного

персонала и 2 - от технического. Только что образованным коллективным директориям надлежало в 3-х дневный срок представить в Подотдел Искусств подробные сведения о деятельности театра и его коллективе. Обязательным было составление подробной описи всего инвентаря, списка личного состава с указанием амплуа, времени поступления на службу и размера оклада, плана театра, цирка, кинематографа, репертуара за последний сезон, сведений о средней посещаемости за последний месяц и о валовом сборе.

Таким образом, настоящее постановление объявляло все театры, кинематографы и цирковые помещения и их имущество достоянием государства. Их использование было возможно лишь с разрешения Подотдела искусств.[1, л.29] Последний, впрочем, получил гораздо более широкие полномочия - право распоряжаться рабочей силой зрелищных предприятий, трудом каждого актера, режиссера, представителя технического персонала. Подобное стало возможным на основании декрета Совета Рабоче-крестьянской обороны об учете сценических и театральных работников от 7 апреля 1919 г., которым предписывалось в 3-х дневный срок со дня опубликования постановления без различия пола и возраста явиться для регистрации в Подотдел Искусств. Кроме этого, 21 апреля того же года было принято распоряжение о подаче театрами подробных сведений о личном составе. Это не давало ни малейшей возможности кому-либо избежать регистрации, не вступая в конфликт с новой властью, которую на Кубани олицетворял Заведующий Подотделом искусств Герцман.

Сосредоточие в одних руках столь широких полномочий, негативно сказывалось на выполнении служебных обязанностей, давая повод как для многочисленных ошибок, связанных с недостаточной компетентностью исполнителя, так и для прямых злоупотреблений служебным положением.

Подписавший немало ордеров на реквизицию имеющихся у граждан и учреждений всех музыкальных инструментов, тот же Герцман, не озаботился элементарным учетом «имущества национализированных театров, цирка, кинематографов... не принял мер к сохранению имущества, сделавшегося достоянием государства, не наладил отчетность в подведомственных учреждениях».[1, л.40] Кроме этого, были установлены факты незаконного отбирания театральных костюмов из кустарных мастерских, вопреки декрету о мерах содействия кустарной промышленности от 6 мая 1919 г. Так, два сундука с лучшими конфискованными костюмами безо всяких описей и расписок получателя были отправлены в г. Грозный. Получение ряда предметов из Советского нотного-музыкального магазина под личную

расписку Заведующего Подотделом искусств не было зафиксировано ни в одном документе. Перешедшее в распоряжение Подотдела имущество Консерватории, цирка, театров, фотоателье не было занесено ни в одну из отчетных книг. Большая часть имущества цирка «Колизей» безо всякого контроля позже была передана одному из частных коллективов.[7] Все эти и множество других нарушений были выявлены в ходе ревизии, проведенной Рабоче-крестьянской инспекцией, Кубано-Черноморского Подотдела Искусств. На основании вышеизложенных претензий, заведующий Герцман был отстранен от занимаемой (с 1 апреля по 5 июня 1920 г.) должности и предан суду Ревтрибунала.

Трудно объяснить все эти нарушения только лишь безграмотностью руководителя и его неумением вести дела. Но в любом случае, этот эпизод явился лишь частью большой и серьезной проблемы кадров в первое послереволюционное десятилетие. Слишком мало было опытных административных руководителей. Лица, направленные на руководящие посты в театры из других отраслей, зачастую прибегали к грубому администрированию. Многим из них не доставало опыта, специальных знаний, ясного понимания задач идейно-художественных, эстетических, воспитательных, поставленных перед театрами и другими зрелищами новой властью. Крайне низкий образовательный и культурный уровень руководителей, выдвинутых из рабочих, наделенных достаточными полномочиями создавал ряд дополнительных проблем, болезненным образом отражающихся на подчиненных им учреждениях и людях. «Нужны, разумеется, не недели, а долгие месяцы и годы, чтобы новый общественный класс и, притом, класс доселе угнетенный, задавленный нуждой и темнотой, мог освоиться с новым положением, осмотреться, наладить свою работу, выдвинуть своих организаторов», - писал Ленин. [8, с.71] Однако, не только некомпетентность руководителей осложняла работу многих театральных коллективов. Настоящей проблемой, особенно в провинциальных городах, было низкое исполнительское мастерство многих актеров. Преследуя цель воспрепятствовать пышно расцветшей халтуре, Центральные и местные власти издают постановления о закрытии ряда зрелищ, художественная сторона деятельности которых не выдерживала никакой критики. Однако, зачастую, обвинение в низкой художественности служило лишь поводом к закрытию и старых сложившихся коллективов, снискавших признание определенной части публики, но чьи постановки не отвечали новым требованиям

идеологического характера. Многие из них закрывались в общем порядке без обоснования причин.

Из июньского 1920 г. протокола Заседания коллегии Областного Отдела Народного Образования (Оботнароба): «Считать возможным существование в Области артистических коллективов высокой художественности и, признавая существующие (в Екатеринодаре) коллективы цирка, театра «Арс», совершенно не отвечающими этим требованиям, (а так же) все уже существующие коллективы распустить».[4] «Все кинематографы г. Екатеринодара за исключением кино им. Ленина закрываются с уплатой содержания служащим за 2 недели. Здания кинематографов используются для курсов, съездов, совещаний и конференций, 3 передвижные труппы рабоче-крестьянского театра, Украинская труппа, оперный театр по постановлению коллегии распускаются. Новый набор провести после регистрации в Комиссии, состоящей из представителей Подотдела Искусств и Рабиса».[2, л.202] «Считать общество «Кноп-Театр» на положении коллектива, подлежащим самому тщательному контролю Подотдела Искусств. По сформировании Пролеткульта предоставить последнему право влить в себя общество «Кноп», реформировать или ликвидировать его вовсе».[4] Политика закрытия Оботнаробом зрелищ была связана и с наделением его функциями контроля за репертуаром. Причем, механизм контроля на данном этапе не получил еще своего строгого организационного оформления. Это произошло немного позднее, а пока он был представлен деятельностью инструкторов-режиссеров, одновременно являющихся театральными администраторами. Такая практика получила распространение на Украине, и судя по документам, и в Кубано-Черноморской области. Зачастую такие руководители, будучи людьми малокультурными прибегали в своей работе к грубому администрированию, вызывавшему справедливое возмущение большей части актерского коллектива. Характерный в этом отношении эпизод подробно описан в Протоколе экстренного собрания месткома 1-ой Советской Драматической труппы им. Луначарского и приложенном к нему заявлении одного из членов правления (Ковалева). Копии этих документов для разбирательства были направлены в Кубано-Черноморский ревком, Отдел Народного образования, Совпроф, Профсоюз Рабис и Парком. В них говорилось о возмутительной грубости Управляющего театром Дымарского, который присутствовал при разговоре актеров Протопопова и Соколовской. Соколовская выражала сожаления по поводу внесенных в репертуар изменений, в связи с которыми резко сокращалось

количество репетиций пьесы, чей художественный успех во многом определялся именно этим обстоятельством. «Играть эту пьесу с трех репетиций нельзя», - сетовала она. На что Дымарский ответил: «Если эта шпана не будет играть с трех репетиций, то я вас всех разгоню и мобилизую, или настою, чтобы играли с трех репетиций. Вообще же, как работает эта труппа, так работают только негодяи». «Шпаной» Дымарский окрестил собрание Месткома театра и весь его коллектив, направивший в ответ на эту выходку администратора жалобу с требованием «принять меры против разгулявшегося Дымарского».[2, л.248]

Чем закончилась эта история нам не известно, это всего лишь эпизод, характеризующий обстановку, в которой приходилось работать театрам, и которая развивалась не в сторону послабления диктата в области художественного творчества.

Все частные коллективы, избежавшие закрытия или получившие разрешение на свою деятельность, в соответствии с вышедшим в августе 1920 г. положением Оботнароба «О всякого рода зрелищах, устраиваемых по частной инициативе отдельных лиц или передвижных коллективов» были обязаны испрашивать предварительно разрешение на устройство вечера путем подачи заявления Заведующему театральной секцией с указанием характера вечера, репертуара и фамилий лиц или учреждения, в распоряжение коих поступает сбор. Программу следовало представлять «с приложением всего литературного и музыкального материала, как непосредственно связанного с первой частью, так и предлагаемого на бис». Последнее заключение, определяющее судьбу концерта или спектакля давала художественно-репертуарная комиссия. На основании этого, окончательную санкцию на выступление налагал Зав. Подотделом искусств, которой к тому же обязан был следить за отчислением со зрелища 20% Государственного налога, вносимого в Подотдел».[6]

Особое внимание обращалось на то, чтобы при открытии театров были даны «гарантии отсутствия в них предпринимательского начала». В «Вестнике театра» было опубликовано распоряжение, которое указывало, что зрительный зал должен быть отделен от буфета. Установка столиков и подача пищи и напитков в зрительный зал не допускалась. Это положило конец существованию многочисленных кафе-театров и кафешантанов.[12, с.24]

Для усиления идеологической работы в ноябре 1920 г. был учрежден Главный политико-просветительный комитет Республики (Главполитпросвет) при Наркомпросе. В феврале 1921 г. произошла

реорганизация Наркомата просвещения, поэтому ТЕО Наркомпроса, осуществлявший организационное управление театрами, с ноября 1920 г. был передан в Главполитпросвет на правах отдела.[8, с.21]

Реагируя на эти изменения, Кубано-Черноморский отдел народного образования, 14 февраля 1921 издает приказ об административном прикреплении к Облполитпросвету Подотдела искусств, который теперь именовался Подотделом искусств и художественной агитации. [5]

Важным шагом на пути формирования общепартийной системы руководства идеологией и культурой стало создание в структуре ЦК РКП(б) отдела агитационно-пропагандистской работы (Агитпропотдел). С момента его образования, в июне 1920 г., он полностью охватил и объединил всю агитационно-пропагандистскую и культурно-просветительную работу всех ведомств - Наркомпроса, Госиздата, Центропечати, Политуправления Красной Армии и т.п. Он был наделен большими полномочиями в координации и направлении деятельности всех государственных, общественных организаций культуры и существенным образом влиял на работу зрелищных предприятий.[10, с.105]

Таким образом, в период с 1919 по 1921 гг. были изданы основные постановления, включившие все зрелищные предприятия и органы, их контролирующие в систему нового государства, выдвинувшего свои требования к искусству.

В этот же период состоялись первые опыты общения актеров с новым массовым зрителем.

В 1918 г. Театральный отдел Наркомпроса мобилизовал тысячу артистов театра, эстрады и цирка, сформировав из них 36 групп, которые должны были разъехаться по фронтам в агитпоезде им Ленина, в поездах Военного издательства и в других специально оборудованных поездах.

Многие артисты, имевшие сложившиеся репертуар и определенную зрительскую аудиторию, зачастую испытывали некоторое замешательство, выступая перед красноармейцами в боевой обстановке. Об этом вспоминает А.Г. Алексеев. «В Ростове,- пишет он, - мы перешли в политотдел и стали вместо иронически-эстетического театра солдатским театром. И паек солдатский получали, и зритель появился новый, а что играть для него - не знали. Поначалу все оставалось по-прежнему: пели какие-то изысканные старинные песни и романсы, рассказывали инсценированные новеллы Бокаччо, (а бойцы удивлялись нашему бесстыдству!), показывали ожившую игрушку «Катеньку», а бойцы смеялись - взрослые, с игрушками

балуются! Но вскоре получили мы через политотдел не очень интересные, но грамотные и на современные темы написанные пьески, нашли и песни, и сатирические рассказы». Комедийный театр Кавказского фронта пользовался большой популярностью среди бойцов и командиров. На его представлениях побывали М.Н. Тухачевский, К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, с артистами фронтового театра встречались А.В. Луначарский, Д. Бедный.[12, с.59]

Но первоначальному непониманию артистов и зрителей не стоит удивляться. Концерты и спектакли на фронте для многих красноармейцев, недавних выходцев из станиц и деревень, в большинстве своем были первым общением с искусством. Поэтому утверждение в их массе бывших драматических театров было нелегким процессом. Гораздо больше понимания находили выступления эстрадных артистов.

Мобильная форма концерта в боевых условиях давала большой эффект, чем театральные спектакли, для которого требовались реквизит, декорации, костюмы, сцена и т.д. Эстрада могла обслуживать бойцов на опушке леса, в укрытии и пр. Кроме того, в коротком выступлении эстрадника можно было остро и выпукло, в сатирической форме осветить наиболее злободневные темы, занимавшие умы зрителей. И самым важным для красноармейцев была возможность присоединиться к исполнению знакомой песни, чаще всего этими песнями были «Дубинушка», «Интернационал». Многие такие концерты заканчивались или начинались митингами.

Можно сказать, что такое стихийное включение зрительской массы в выступления профессиональных артистов, стремление выразить свои эмоции, желание создать репертуар, близкий своим интересам, послужили началом развития непрофессионального «самодеятельного театра», чья работа выливалась в «инсценировки», «живую газету», «литмонтаж». Те же истоки, на наш взгляд, имели и массовые театрализованные представления, оформлявшие новые советские праздники. На этой же основе формировался репертуар будущей советской эстрады.

Не меньшее значение в деле поднятия боевого духа и укрепления Красной Армии придавалось работе кинематографистов. В декабре 1919 г. Первый Всероссийский съезд политработников принял решение об упорядочении показа фильмов в армии и о создании кинопрокатных бюро при политотделах фронтов и военных округов. С 1918 г. на экраны регулярно выходят хроникальные тематические выпуски, посвященные военным действиям, армейские сюжеты входят в номера периодических киножурналов «Кино-неделя», «Хроника». В сентябре, когда война была на исходе,

руководство художественной работой в Красной Армии было передано из политпросветов в ведение Наркомпроса, в составе которого создается военный отдел, ведающий кинематографом, театром и музыкой. Этим «дело развлечения» Армии и просвещения бойцов было сосредоточено в одних руках.[9, с.8]

На Кубани соответствующий приказ 10 июля 1920 г. издал Реввоенсовет IX Кубанской Армии: «В настоящее время, когда наша армия покончила в самом главном свои боевые задачи и является в состоянии почти неподвижности, является нерациональным вести параллельную работу отделами политорганов и отделом народного образования, тем более что дело просвещения трудовых масс лежит главным образом на отделах народного образования...

Отделы народного образования, являясь единым хозяином и распорядителем театров, концертных залов, кинематографов обязаны предоставить красноармейцам через соответствующие политотделы 40-50% мест во всех перечисленных увеселительных заведениях».[2, л.178] Из этого видно, что даже без учета остальных категорий лиц (членов рабочих профсоюзов, школьников, воспитанников детских домов и др.), получивших вскоре право льготного посещения кинотеатров, основную массу посетителей зрелищных заведений составили представители демократических слоев.

Таким образом, период с 1917 по 1920 гг. явился наиболее важным не только в оформлении идейно-организационных основ деятельности зрелищных предприятий, но и в формировании новой зрительской аудитории, приспособлении к ее вкусам репертуара.

Список литературы:

1. Государственный архив Краснодарского Края (далее ГАКК).Ф.Р-158. Оп.1. Д.11. Л.29,40.
2. ГАКК. Ф.Р-158. Оп.1. Д.19. Л.178, 202,248.
3. ГАКК. Ф.Р-158. Оп.1. Д.180. Л.6.
4. ГАКК. Ф.Р-158. Оп.1. Д.248. Л.289.
5. ГАКК. Ф.Р-365. Оп.1. Д.4. Л.92.
6. ГАКК. Ф.Р-365. Оп.1. Д.13. Л.52.
7. ГАКК. Ф.Р-990. Оп.1. Д.180. Л.6.
8. Безгин И., Орлов Ю. Театральное искусство: организация и творчество. Очерки истории отечественного театрального дела. Киев, 1986.
9. Из истории кино. Документы и материалы. М., 1985.
10. Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны! М.,1997.

11. Луначарский А.В. Революция и кризис театра// Вестник театра. 1919. №1.
12. Русская Советская эстрада. 1917-1927.М.,1976.
13. Советский театр. Документы и материалы. Л., 1968.

ИСТОРИОГРАФИЯ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ НА ЮГЕ УКРАИНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 – 1944 ГГ.): ИСТОРИОПИСАНИЕ ВРЕМЁН ВОЙНЫ

Нефёдов Дмитрий Валерьевич

*аспирант кафедры истории Украины
ННУ имени В.А. Сухомлинского, г. Николаев*

E-mail: dmitr-nefyodov2@yandex.ru

Актуальность статьи состоит в том, что в современной исторической науке отсутствуют обобщающие исследования по историографии движения Сопротивления на Юге Украины. Целью данной статьи является освещение военной историографии, т.е. анализ научных и публицистических работ по вопросу подпольно-партизанского движения в Южной Украине, которые датируются 1941 – 1944 годами. Актуальность данного исследования ещё раз подтверждается тем фактом, что в 2001 году Указом Президента Украины установлен ежегодный государственный праздник – «День партизанской славы» (22 сентября). Таким образом, государство поставило наивысшую оценку всенародной борьбе в тылу оккупационных войск Третьего рейха и стран-сателлитов.

Поставленная нами проблема уже получила определённое освещение в научных работах. Среди них необходимо выделить статьи Е. Горбурова, П. Соболя, историографические обзоры диссертационных исследований [3]. Однако, комплексный анализ именно историографического аспекта отсутствует. Научная литература по данной проблеме только частично стала предметом анализа, что характерно для исследовательской, но не историографической постановки вопроса.

Привлечение нами публикаций 1941 – 1944 гг. даёт возможность проследить и зафиксировать момент зарождения, постепенного развития и обогащения историографии движения Сопротивления на Юге Украины, потому что историописание времён войны стало первым этапом в хронологическом развитии нашей темы.

Уже в первые дни войны началось освещение деятельности партизан и подпольщиков на Юге Украины. Сначала это была газетная публицистика, которая не претендовала на научный статус. Но, несмотря на это, публицистика времён войны ценна для современного исследователя. Не только тем, что она содержит большую фактографическую информацию. По мнению известного украинского историографа В.В. Стецкевича, важно ещё и то, что она давала также оперативную и первичную оценку событиям, отражала авторское видение как отдельных событий войны, так и всей войны в целом [20]. Следовательно, газетную периодику можно использовать не только как исторический, но и как историографический источник. Среди местной и региональной газетной периодики необходимо выделить несколько статей в газете «Южная правда». Уже на семнадцатый день войны – 8 июля 1941 года в упомянутой газете опубликована статья «В поддержку Красной армии – мощное народное ополчение!», которая стала призывом к населению Юга Украины организовывать и развивать партизанское движение. Написанная в агитационно-пропагандистской форме статья повествовала о «появлении партизанского движения там, где хозяйничают фашистские разбойники» [2]. 28 июля 1941 года в «Южной правде» напечатана статья И. Садовского «Разведчики и партизаны» [18], в которой сообщалось про действия партизан, взаимосвязь военной разведки и партизанских формирований, помощь последних в предоставлении необходимой информации. Однако в условиях секретности материал подан без конкретики: не указаны места описываемых событий, фамилии и имена. Примеры партизанских атак на немецкие войска изображены в центральной статье «Южной правды» за 6 августа 1941 года, которая имеет название «Славные партизаны, усиливайте натиск на врага!» [19]. Однако статья также написана в агитационно-пропагандистском духе.

Необходимо сказать, что в данный период задание освещения героических подвигов украинских партизан и подпольщиков взяли на себя центральные газеты Советского Союза. За годы Великой Отечественной войны «Правда» опубликовала более 30 передовых и редакционных статей, и более 500 корреспонденций, посвящённых заданиям партизанской борьбы в тылу врага [10, с. 20]. Несмотря на то, что не все статьи имели отношение к событиям в южном регионе, данные публикации несли большое агитационно-пропагандистское влияние на всё население страны, в том числе и на южный регион УССР. В «Правде» за 11 июля 1941 года находим следующее: «Партизанская война является не только войной отрядами. Это война

каждого двора, дома, поголовная война всех мужчин и женщин, всего населения против насильников и грабителей, что забрались на нашу родную землю. Это война не знает и не должна знать пощады к врагу, ко всему, чем он владеет, что может укрепить его силы» [13]. В статье «Партизанская война против немецких фашистов на Украине» [1], напечатанной в «Правде» 25 июля 1941 года секретарь ЦК Компартии Украины М. Бурмистренко описал первые боевые действия проведённые партизанами, операции в тылу вражеских войск, рассказал о жестокости немецко-фашистских оккупантов. В начальный период войны, когда героически сражалась Одесса, когда на смерть стояли защитники легендарного Севастополя, необходимо было обеспечить поддержку регулярным частям Красной армии, создать в тылу вражеских войск крайне неблагоприятные условия, сорвать план «молниеносной войны». Важная роль в этом отводилась партизанам и подпольщикам. «Правда» в статье от 15 декабря 1941 года призывала: «Партизаны и партизанки! Не давайте врагу вывозить вооружение, снаряжение, боеприпасы, топливо, обмундирование и продовольствие. Рвите связь между частями врага. Нападайте на штабы, на узлы связи, на ремонтно-восстановительные мастерские, на автомобильные колонны. Устраивайте засады!» [16]. Необходимо отметить статью секретаря ЦК ЛКСМ Украины Я.А. Хоменко «Народные мстители» в газете «Комсомольская правда» [27], статьи А. Довженко «Украина в огне» [8] в газете «Известия», П. Панча «Пламя народной борьбы» [12], В. Иванова «Генерал Орленко и его народ» [9]. Интерес представляют статьи «главного диверсанта Украины» - начальника Украинского штаба партизанского движения Т.А. Строкача «Боевые действия украинских партизан» [22], «Партизанская весна на Украине» [23], «Новые удары украинских партизан» [24].

Вместе с публицистикой вопрос подпольно-партизанского движения уже в годы войны начал освещаться в научной плоскости. АН УССР в связи с оккупацией была эвакуирована в Уфу. Уже в 1943 году в первой книге научных записок Института истории и археологии АН УССР напечатана статья М.И. Супруненко «Из опыта полугодовой борьбы советских партизан против немецких оккупантов» [25]. В этом же году при содействии издательства ЦК КП(б)У напечатана работа Т.А. Строкача «Партизаны Украины» [21], в которой поданы ведомости про взаимодействие партизанских отрядов с регулярными частями Красной армии, показан вклад партизан Украины в победоносные операции советских вооружённых сил. В 1942 году в издательстве АН СССР вышел сборник документов «Партизанская война советского народа против немецких оккупантов» [14]. В нём

опубликованы протоколы некоторых партийных собраний партизанских отрядов, выступления Сталина, М.И. Калинина и др. В этом же году в Уфе в результате плодотворной работы украинских учёных вышел сборник статей, в котором необходимо выделить статью М. И. Супруненко «Украина накануне и в Великой Отечественной войне против немецко-фашистских оккупантов» [26]. В Ташкенте вышел сборник статей, посвящённых партизанскому движению в Украине [15].

Первые статистические данные, которые освещали количество уничтоженных партизанскими отрядами солдат противника, боевые операции, деятельность подполья начали публиковаться в 1944 году. Война катилась на запад и среди большого количества газет и журналов, которые начали выходить после освобождения Украины, необходимо отметить газеты «Свободная Украина», «Правда Украины», журналы «Украина», «Днепр», «Отчизна», возобновили свою работу местные и региональные периодические издания. Вышел сборник материалов, разоблачающих преступления немецко-румынских захватчиков на территории Одесской области [17].

Книги и статьи о партизанском движении и подпольной борьбе в тылу вражеских войск заняли основное место среди изданий военных лет. Они составили в 1942 году 32,9 % всей книжной продукции, а их тираж – 147956 тыс. экземпляров. В годы войны изменился и подход к издательскому делу. Для первого периода характерной особенностью было издание небольших по объёму брошюр – инструктивных, агитационно-пропагандистских, научно-популярных. Об этом свидетельствует тот факт, что средний объём книг снизился с 4,5 печатного листа до 2,1 [10, с. 17]. С июля 1941 по август 1944 года на оккупированную территорию Украины перенаправлено 700 тысяч экземпляров журналов, брошюр, 25 миллионов экземпляров газет, 564 наименования листовок тиражом свыше 238 миллионов экземпляров [10, с. 211], в которых руководство страны излагало программу борьбы, ставило перед народными массами очередные задачи по развитию партизанского движения. Однако необходимо сказать, что недочётом книг, сборников, брошюр и статей военных лет является необоснованное авторами резкое завышение числа участников движения Сопротивления. Безусловно, движение Сопротивления носило всенародный характер, однако данная фальсификация военных лет вскоре привела к завышенной цифре в 500 тысяч партизан и подпольщиков, которые якобы действовали на территории Украины. На самом же деле их число не превышало 200 тысяч.

Таким образом, можно сделать вывод, что первый историографический период (1941 – 1944 гг.) является судьбоносным для дальнейшего развития историографии движения Сопротивления в годы Великой Отечественной войны на Юге Украины, потому что именно тогда были заложены основные концепции изучения данного вопроса. Возникновение позитивных и негативных тенденций в дальнейшем явилось прямым следствием влияния первого историографического периода.

Список литературы:

1. Бурмистренко М. Партизанская война против немецких фашистов на Украине / М. Бурмистренко // Правда. – 1941. – 25 июля.
2. В поддержку Красной армии – мощное народное ополчение! // Южная правда. – 1941. – 8 июля.
3. Горбуров Є. Г. Рух Опору в період Великої Вітчизняної війни в українській історіографії // Наукові праці. – Миколаїв, 2002. – Вип. 4. Історичні науки. – С. 109 – 118.
4. Горбуров Є.Г. Рух Опору німецько-румунським окупантам в роки Великої Вітчизняної війни на території Миколаївщини (історіографія питання) // Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. IV Миколаївська обласна краєзнавча конференція. – Миколаїв, 2002. – С. 271 – 273.
5. Соболев П. Історіографія підпільно-партизанського руху на території Миколаївщини в роки Великої Вітчизняної війни (1941 – 1944 рр.) // Історія України. Маловідомі імена, події, факти: Зб. ст. – К., 2004. – Вип. 26. – С. 68 – 84.
6. Горбуров Є. Г. Рух Опору і націоналістичне підпілля на Півдні України та в Криму в період окупації. 1941–1944 рр. : дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 – Миколаївський держ. ун-т. – 2003. – С. 13 – 47.
7. Слободяннюк М. А. Антифашистський рух Опору в Південній Україні (1941–1944 рр.) : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 – Дніпропетровськ, 2002. – С. 15 – 53.
8. Довженко А. Украина в огне / А. Довженко // Известия. – 1942. – 31 марта.
9. Иванов В. Генерал Орленко и его народ / В. Иванов // Известия.– 1942.– 24 декабря.
10. Красюк А.И. Страницы героической летописи. Вопросы историографии партизанского движения в годы Великой

- Отечественной войны / А.И. Красюк. – Киев-Одесса: Высшая школа, 1984. – 159 с.
11. Нема́тый В.Н. В борьбе за срыв грабительских планов фашистской Германии / В.Н. Нема́тый. – К.: Политиздат Украины, 1982. – 230 с.
 12. Панча П. Пламя народной борьбы / П. Панча // Известия. – 1942. – 1 октября.
 13. Партизанская война // Правда. – 1941. – 11 июля.
 14. Партизанская война советского народа против немецких оккупантов: Сборник документов. – М.: Изд-во АН СРСР. – 1942. – 125 с.
 15. Партизанское движение на Украине. – Ташкент, 1942.
 16. Партизаны и партизанки! // Правда. – 1941. – 15 декабря.
 17. Про злочинства, заподіяні німецько-румунськими загарбниками в Одесі і районах області. – К., 1944.
 18. Садовский И. Разведчики и партизаны / И. Садовский // Южная правда. – 1941. – 28 июля.
 19. Славные партизаны, усиливайте натиск на врага! // Южная правда. – 1941. – 6 августа.
 20. Стецкевич В.В. Воєнно-мобілізаційна кампанія в Україні у перший період війни (червень 1941 р. – липень 1942 р.): Історіографія проблеми / В.В. Стецкевич. – Кривий Ріг: Видавничий центр КТУ, 2009. – 367 с.
 21. Строкач Т.А. Партизаны України / Т.А. Строкач. – Укрвидав ЦК КП(б)У. – 1943. – С. 32-34.
 22. Строкач Т.А. Боевые действия украинских партизан / Т.А. Строкач // Красный флот. – 1942. – 10 марта.
 23. Строкач Т.А. Партизанская весна на Украине / Т.А. Строкач // Красная звезда. – 1943. – 12 мая.
 24. Строкач Т.А. Новые удары украинских партизан / Т.А. Строкач // Труд. – 1943. – 30 апреля.
 25. Супруненко М.И. Из опыта полугодовой борьбы советских партизан против немецких оккупантов / М.И. Супруненко // Научные записки Института АН УРСР. – Кн. 1. – Уфа. – 1942.
 26. Супруненко М.И. Украина накануне и в Великой Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков: Сборник документов. – Уфа – 1942.
 27. Хоменко Я.А. Народные мстители / Я.А. Хоменко // Комсомольская правда. – 1941. – 27 февраля.

БОРЬБА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ С АНАРХИСТСКИМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ УКРАИНЫ В 1918- ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ

Николаев Игорь Евгеньевич

*к. и. н., доцент кафедры истории Украины
ННУ им. В.А. Сухомлинского, город Николаев,
E-mail: igor_nikolaev75@mail.ru*

Одним из ключевых принципов дальнейшего развития демократии, становления правового государства, является наличие политических партий, которые отображают интересы и потребности максимально большего числа граждан. Это особенно актуально для нас сегодня, когда в период решения острых внутривнутриполитических противоречий, именно идейный и политический плюрализм есть одним из гарантов дальнейшего становления гражданского общества на территории постсоветского пространства.

Среди первых исследователей заявленной проблемы были, в первую очередь, бывшие анархистские политические деятели, современники тех событий, среди которых необходимо выделить П. Аршинова [1]. Историки советского периода, освещая указанную тему, делали упор на окончательной победе большевиков и марксистской идеологии. Либерализация общественно-политической жизни во второй половине 1980-х годов привела к значительной активизации научных исследований закрытых ранее проблем. Вопросу ликвидации большевиками политической оппозиции и установлению однопартийной системы в Украине в 20-е года XX столетия посвящена монография А. Брындака, где речь идет также о борьбе с анархистскими группировками [2]. Необходимо отметить исследование Н. Шитюка [3], в котором историк анализирует репрессивную политику советской власти против представителей политических партий и объединений Юга Украины. Впрочем, несмотря на наличие значительного количества опубликованных работ, в современной историографии существует потребность в комплексном изучении формирования тоталитарной системы, неотъемлемой частью которой является политическая гегемония большевистской партии.

Окончательный приход к власти большевиков означал отказ правящего режима от открытой политической борьбы, установлению диктатуры пролетариата, единым выразителем интересов которого считалась большевистская партия.

Общественная атмосфера того периода характеризовалась преобладанием крайних политических лозунгов. Они возникли под влиянием утомленных войной солдатских масс и усилились недовольством населения политической нестабильностью в стране. Радикальные идеи побеждали взвешенный подход к ситуации. Партийная борьба, достигнув своего пика, переросла в качественно новое состояние - гражданскую войну.

В первые месяцы после октябрьского переворота анархо-большевистским отношениям в целом была присуща взаимная лояльность. Анархисты действовали легально, свободно выпуская партийную литературу. Но, уже летом 1918 года проявилось противоречие между большевиками и анархистами.

Первый съезд Коммунистической партии большевиков Украины, который состоялся в июле 1918 года, заявил о недопустимости соглашений с анархистами, вместе с тем, лидер украинских большевиков В. Затонский заявлял, что с анархистами приходится считаться, так как в Украине их намного больше, чем в России. Вместе с этим он подчеркивал: «Мы достаточно видели разных Марусь Никифоровых, которые стояли на платформе советской власти и принесли нам столько вреда... Нам нужно быть подальше от таких друзей...». [4]

Брестский мир расколол анархистов. Среди них появились приверженцы советской власти, некоторые из них вступили в ряды Красной Армии - А. Железняк, А. Мокроусов, Д. Фурманов, Э. Берг. Сотрудничали с большевиками анархистские группировки, возглавляемые А. Карелиным, А. Аникстом.

Следует учитывать, что до ноября 1920 года на Юго-Востоке Украины действовала анархистская армия Н. Махно. На подконтрольной Н. Махно территории функционировало крестьянское самоуправление, реализовывался принцип равного землепользования. Наибольшего размаха преобразования принимают в период союза Н. Махно с красными (осень 1920 г.).

В этот период на контролируемых сторонниками Н. Махно территориях главную роль в принятии решений играют общие собрания, большинство в которых принадлежало сторонникам анархистов. Так, 25 ноября 1920 года на собрании были приняты положения «О свободном трудовом Совете», избираемом на беспартийной основе крестьянами и рабочими, подконтрольный воли избирателей через систему наказаний. 7 ноября этого же года - собрание рабочих и служащих Гуляй-Поля утвердило решение

относительно развития кооперации. Вводится самоуправление на предприятиях. [5]

О влиятельности анархистского движения свидетельствует организационная поездка одного из руководителей ЧК Украины К. Карлсона на Азовское побережье, осуществленная летом 1920 года. На протяжении которой, была выявлена полная дезорганизация местных органов большевистской власти. В то время, под властью махновцев находилось несколько волостей, а экипажи Азовской флотилии были «охваченные анархистскими расположениями духа». [6] Чтобы положить конец этому явлению большевики вынужденные были перевести сюда лояльно настроенные матросские отряды с Севера России.

Вместе с этим, партии анархистской ориентации, вытесненные из России, находили себе пристанище в Украине, где власть большевиков еще не была достаточно крепкой. Как вытекало из отчета «О секретно-оперативной деятельности ЧК в Украине», составленного в 1921 году: «...партии анархистско-авантюристичного окраса, выметенные железной метлой из Советской России, собрались в Украине, где им позволяет держаться слабость и неорганизованность местной власти...» [7].

Украинским анархистам принадлежала одна из ведущих ролей в создании дееспособных анархистских образований. В ноябре 1918 года в Курске была основана группа «Набат», утвердившая решение об учреждении единой конфедерации анархистских организаций Украины. Ее оформление завершилось в апреле 1919 года в Елизаветграде. Именно здесь была образована Украинская Конфедерация анархистских групп «Набат».

Влившись в повстанческое движение украинских крестьян (махновщину), лидеры конфедерации во главе с В. Волиным и П. Аршиновым на страницах газет «Голос Махновцев» и «Набат», выходивших в Харькове, всячески пропагандировали «анархические идеалы» Н. Махно и его соратников, призывая к сопротивлению Советской власти.

Известный анархист Лев Черный, сплотив вокруг себя сторонников, образовал «Свободную ассоциацию анархистов», действовавшую в Киеве. Ассоциация публиковала издание «Свободная коммуна» и «Крестьянская община». В дальнейшем, по данным ЧК, эта организация в 1921 году превратилась в мощную анархобандитскую группу, занимавшуюся грабежами, которую ликвидировали в начале 1922 года. [8]

Более умеренная по отношению к Советской власти часть анархистов, во главе с Лева, основала в 1921 году Союз Анархистов-Позитивистов в Одессе.

О дальнейшей деятельности анархистов Юга Украины после установления Советской власти есть лишь отрывистые сведения со сводок ЧК, впоследствии ГПУ. После разгрома в России в ноябре 1919 года анархистской подпольной организации «Равенство и воля», их украинские отделения в Харькове, Киеве, Одессе и Екатеринославе продолжили работу.

Для уничтожения «анархо-бандитов» была создана Особая ударная группа ВЧК по борьбе с уголовным и политическим бандитизмом. По воспоминаниям упоминаемого выше П. Аршинова, состав группы вербовался из осужденных к расстрелу боевиков-анархистов, которым в обмен на жизнь ставилась задача уничтожения известного им анархистского подполья. Весной 1920 года Особая ударная перебралась в Одессу, где разгромила анархистское подполье.

Но подполья возродилось осенью 1920 года. Нуждаясь в помощи махновцев против Врангеля, красные разрешили легальную деятельность и пропаганду анархистских организаций. П. Аршинов на базе махновского Культпросвета организовал несколько редакционных коллегий, откомандированных с целью выпуска анархистской печати в крупные города Украины, в том числе в Одессу. [9]

Отчет Одесской ГУБЧК за период 1 января - 1 ноября 1921 года освещает картину активной анархистской деятельности в Одессе. Это был период, когда после взятия Крыма большевики нарушили соглашения с Махно и стали уничтожать все анархистские организации.

В отчете упоминается Одесская анархистская федерация, состоявшая из неопределенного количества групп. Отдельно в ее состав входила группа анархистов-набатовцев, сформировавшихся вокруг аршиновской редколлегии. Также чекистами была ликвидированная анархистская группа железнодорожных грузчиков, возглавляемая бывшим членом «Черного флага», а теперь депутатом горсовета В. Дубиным (Крикливым). [10]

Своей главной заслугой в борьбе с анархизмом за отчетный период чекистами отмечается ликвидация «анархо-бандитской» группы Александровича, коменданта управления Юго-Западной железной дороги. В ее состав входила охранная команда железной дороги в количестве 35 человек. По мнению правоохранителей группа выполняла «анархо-махновские задачи». Также в отчете упоминается

арест членов Одесской анархической федерации «в момент ликвидации махновщины».

В феврале 1921 года в Одессе против анархистов была проведена спецоперация, по итогам которой было арестовано 30 лиц. Несмотря на это отдельные члены анархистских групп продолжали деятельность. Как правило, основной упор делался на получение литературы и установление связи с Центром. Но таким образом они быстро попадали в поле зрения чекистов.

Так в сентябре 1922 года Николаевские анархисты сделали попытку связи с Центром для получения свежей литературы и ознакомления с рекомендованной руководством тактикой дальнейшей деятельности анархистов. К городу поступил журнал «Почин», что издавался в Москве известным анархистом Александром Атабекиным. Но, все номера его были конфискованы. [11]

14 мая 1924 года несколько николаевских анархистов начали сбор денег для связи с московскими единомышленниками, и получения оттуда литературы, впрочем, сотрудниками ОГПУ эти попытки были пресечены. [12]

Параллельно проводилась и репрессивная политика. Еще осенью 1920 года «набатовцы» предприняли попытку созвать анархистский съезд в Харькове, но сразу попали под пресс репрессивно-карательной системы.

Был арестован почти весь Секретариат Харьковской организации «Набат» (Эйхенбаум, Готман, Рубан, Таратура, Доленко и прочие). Ликвидирована организация анархистов в Киеве (арестованы ее руководители Аккерман, Гонсе, Гофман). Кроме этого лишены воли анархисты Полтавской и Ровенской ассоциаций. [13]

Необходимо отметить, что проведенные мероприятия принесли определенный результат. Согласно Отчету ГПУ за январь-июнь 1922 года: «Больших анархистских группировок не зафиксировано. Выявляются лишь отдельные лица. В Полтаве разоблаченные три малочисленных анархистских кружка: анархисты-синдикалисты, анархисты-коммунисты и анархисты-федералисты...». Впрочем, одиночные случаи деятельности приверженцев идей анархизма фиксировались и в дальнейшем. [14]

Таким образом, можно утверждать, что необходимость борьбы с общим врагом ситуативно сближала анархистов с большевиками. Впрочем, это сотрудничество было непродолжительным. Захватывая власть, большевики уничтожали любую оппозицию, в том числе анархистов.

Фатальной для дальнейшей деятельности анархистских объединений стала смерть главного руководителя и теоретика движения П. Кропоткина в 1921 году, расколовшая верхушку организации на несколько частей.

Среди анархистов все острее стояло вопрос о кризисе движения, его перерождении, желании строить новую страну вместе с большевиками. Часть анархистов отправилась в эмиграцию. В конце концов, небольшая группа приверженцев анархии старалась проводить активную работу в стране, но быстро попадала в поле зрения компетентных органов. Это привело к тому, что уже к середине 1920-х лет даже одиночные анархистские организации Украины прекратили свое существование.

Список литературы:

1. Аршинов П. История махновского движения.- Москва,- Терра, 2003.- 115 с.
2. Бриндак О. Ліквідація більшовиками політичної опозиції та встановлення однопартійної системи в Україні в 20-ті роки ХХ століття. – Одеса: Астропринт, 1998. – С. 133-135.
3. Шитюк М. Масові репресії проти населення Півдня України в 20-ті-50-ті роки ХХ століття.- Київ: Тетра, 2000.- С. 193-221.
4. Савченко В. Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование — Харьков: Фолио; М: ООО «Издательство АСТ», 2000. — С. 87.
5. Государственный Архив Службы безопасности Украины (далее ГА СБУ).- Дело. 260.-Стр. 32-34.
6. ГА СБУ.- Дело. 266.- Стр. 78-80.
7. ГА СБУ.- Дело. 33.- Стр. 29-30.
8. ГА СБУ.- Дело. 729.- Стр. 81-82.
9. ГА СБУ.- Дело. 729.- Стр. 94-96.
10. ГА СБУ.- Дело. 1254.- Стр. 52-54.
11. Государственный архив Николаевской области. - Ф.1. - Оп.1. - Дело. 158. - Стр. 103-105.
12. Там же. - Стр. 107.
13. ГА СБУ.- Дело. 425.- Т.1 - Стр. 102-104.
14. ГА СБУ.- Дело. 254.- Стр. 65-66.

«УКРАИНИЗАЦИЯ» В РОССИЙСКОЙ АРМИИ ВЕСНОЙ-ОСЕНЬЮ 1917 ГОДА В ИСТОРИКО-МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Пархоменко Владислав Анатоліевич

к.и.н., доцент кафедры истории Украины ННУ имени В.А.

Сухолинского, г. Николаев, Украина

E-mail: dmitr-nefyodov2@yandex.ru

В данной публикации автор хотел бы раскрыть процесс «украинизации» в армии весной-осенью 1917 года через призму историко-мемуарной литературы.

Февральская революция способствовала активизации национальных движений на территории Российской империи. Не осталась в стороне и действующая армия, в которой по данным В. Винниченко служило до 3 млн. украинцев, и где в 1917 году началась «украинизация» военных частей.

Центром создания подобных формирований вначале стал Киев. Там, 16 мая 1917 года был создан «Украинский Военный клуб имени гетмана Полуботка», развернувший агитацию за выделение из тыловых гарнизонов солдат-украинцев и формирование на их основе национальных подразделений. Этот процесс, который вскоре охватил и действующую армию получил название «украинизации».

Один из лидеров Украинской Центральной Рады В. Винниченко писал, что революция пробудила национальные чувства украинского народа и «украинец-солдат стал требовать утверждения своего национального сознания в определённых организационных формах» [1, с. 126].

14 апреля 1917 года на Киевском распределительном пункте мобилизованные солдаты из Черниговской и Полтавской губерний заявили, что отправятся на фронт, при условии, если будут организованы в 1-й Украинский козацкий полк имени Б. Хмельницкого. Центральная Рада поддержала их требование.

Важную роль в организации военных формирований сыграли Всеукраинские военные съезды. Первый съезд начал свою работу 5 мая 1917 года в Киеве. На нём присутствовало около 700 делегатов от тыловых и фронтовых частей российской армии [1, с. 139]. Делегаты приняли решение о создании 1-го Украинского полка имени Б. Хмельницкого в составе 3,5 тысяч человек и координационного органа по формированию национальных частей – Украинского генерального военного комитета, который возглавил военный чиновник С. Петлюра.

Второй съезд открылся 5 июня 1917 года. Было представлено 2 тысячи делегатов от 1,4 млн. военнотружачих-украинцев. Участник съезда Н. Галаган вспоминал, что съезд вызвал негативную реакцию в штабе Киевского военного округа, и делегатов от возможных эксцессов охранял 1-й Украинский Богдановский полк [3, с. 234]. Винниченко в своих мемуарах отмечал, что к работе съезда отрицательно отнеслись Киевский совет рабочих депутатов, а также еврейские и польские организации. Так, представитель польской общественности заявил, что их польский съезд собирается «чтобы всадить штык в грудь немца, а украинский – чтобы всадить нож в спину великой российской революции» [1, с. 254].

И на фронте, и в тылу солдаты-украинцы стихийно проявляют национальное самосознание. Так, ещё 3 марта 1917 года в Одессе полковник М. Омелянович-Павленко будучи начальником II-го юнкерского училища вывел его на манифестацию под украинским «сепаратистским» флагом, чем немало удивил одесситов [9, с. 61]. На фронте – полковой адъютант Н. Галаган по собственному почину собрал 300 солдат-украинцев на манифестацию 18 апреля 1917 года. Украинский национальный флаг, портреты Т. Шевченко и И. Франко оказали соответствующее воздействие на нижних чинов, и к концу шествия количество манифестантов возросло до 1000 человек [3, с. 220]. За это Н. Галагана командование перевело в 18-й Заамурский пограничный полк, стоявший в прифронтовой полосе. Но там узнав, что Галаган пострадал за «украинство» полковая украинская организация выбрала его делегатом на II-й Всеукраинский военный съезд [3, с. 232].

В июле в Киеве были сформированы 2-й украинский имени П. Полуботка и 3-й украинский имени М. Грушевского полки, которые тут же отправлены на фронт. В условиях разложения российской армии украинизированные части, тогда ещё сохраняли относительную боеспособность.

26 июля часть 1-го украинского полка им. Б. Хмельницкого также отбыла на фронт. Вместе с полком на передовых позициях оказался и прапорщик Н. Галаган. В своих воспоминаниях он отмечал, что генерал 10-й дивизии Милеант считал Богдановский полк самым боеспособным и поручал ему «демонстрациями» тревожить противника, за это соседние разложившиеся части постоянно грозили «богдановцам» расправой [3, с. 250]. Богдановским полком командовал полковник Ю. Капкан, по мемуарам Галагана, человек авантюрного склада. Так, когда полковой священник после молебна провозгласил здравницу будущему гетману Украины и взглянул при

этом на Капкана, тот стал радостно кланяться на все стороны, звеня громко шпорами [3, с. 254].

К осени 1917 г. на Юго-Западном фронте был также украинизирован 34-й армейский корпус генерала П. Скоропадского (будущего гетмана). Главнокомандующий российской армии генерал Л. Корнилов открыто заявил Скоропадскому, что он за украинизацию его корпуса, так как это отвечает военным интересам, а с Центральной Радой разбираться будут потом [10, с. 64].

Российский высший генералитет, по словам А. Деникина, по-разному отнёсся к идее формирования украинских частей: М. Алексеев – против, А. Брусилов – разрешил. «Была надежда, что национальные части могут стать здоровым ядром для укрепления фронта» [4, с. 334]. Сам же Деникин считал формирование национальных подразделений в российской армии «шкурничеством» [4, с. 340].

О корпусе П. Скоропадского с похвалой отзывался будущий министр иностранных дел гетманского правительства Д. Дорошенко. Он писал, что эта часть стала «последней опорой порядка среди всеобщего развала фронта в конце 1917 года» [6, с. 90].

В ноябре 1917 года именно этот корпус обезоруживал большевистские части, двигавшиеся с фронта на Киев. Но лидеры Центральной Рады опасались, как бы Скоропадский не двинул своё 60-тысячное формирование против них. Будущего гетмана отправили в отставку. «И прекрасная боевая часть, строго-украинская по своему национальному составу, быстро разложилась и уже к концу 1918 года перестала существовать» [6, с. 90].

В ноябре 1917 г. после провозглашения III Универсала создаётся Военное министерство УНР и формирование украинских частей ускоряется. Так, в Одессе организована гайдамацкая дивизия, в Николаеве и Херсоне – гайдамацкие курени, в Екатеринославе и Харькове – украинские полки. На Северном фронте в районе Риги сформирован украинский гусарский полк имени Мазепы. На Румынском фронте под юрисдикцию УНР перешли две кавалерийские дивизии и т.п. По воспоминаниям Д. Дорошенко в Киеве из местного гарнизона были созданы «две гвардейские, названные по исторической традиции «сердюцкими» дивизии» [5, с. 199]. В них – восстановлена строгая дисциплина и введена новая униформа.

Сколько же украинских формирований было в распоряжении Центральной Рады? Современники называли разные цифры от 400 тысяч до 1,5 млн. военных [8, с. 29]. Даже если взять минимальную цифру, то 400 тысяч штыков смогли бы отразить большевистское

нашествие в январе 1918 года. Однако, как известно, Центральная Рада оказалась в итоге без армии.

И сторонники Рады, и её политические оппоненты, в мемуарах, как правило, называют одни и те же причины – отказ от регулярной армии (3 января 1918 г. был принят закон о создании «народной милиции») и большевистская агитация, разложившая украинские формирования.

Тот же В. Винниченко был противником создания регулярных вооружённых сил и выступал за «народную милицию». Сам он писал, что Центральная Рада занималась декларациями, а не делами и украинские полки теряли весь свой энтузиазм, переходили в «нейтралитет» к наступающим большевикам [2, с. 156].

П. Христюк указывал на некомпетентность в вопросах военного строительства социал-демократа Петлюры и его непрофессионального окружения [11, с. 120].

О том, что Центральная Рада своей политикой не могла увлечь за собой армию, писал и Дорошенко: «Появились большевики и бросили в солдатскую массу более элементарные и заманчивые лозунги... Защищать Центральную Раду оказалось некому, и умирать за неё пошла лишь интеллигентная молодёжь, гимназисты и студенты» [6, с. 71]. Трагедия на станции Круты в январе 1918 года подтверждает эти слова.

Участник тех событий В. Кучабский отмечал, что в украинских частях «порыв прошёл, а командиры не могли стать вождями... в декабре 1917 г. украинское войско разбежалось» [7, с. 42]. В январе 1918 г. находящиеся в Киеве 5 украинских полков насчитывали всего 478 штыков [7, с. 57]. Далее Кучабский в мемуарах с горечью пишет о том, как украинцы разоружали украинцев. Так, в Броварах украинский имени Наливайко полк, насчитывающий 1400 штыков и разложенный большевиками, готов был выступить против Центральной Рады. 1 февраля 1918 г. его окружила и разоружила всего лишь сотня сечевых стрельцов, в которой служил В. Кучабский [7, с. 55]. И всё это происходило в условиях начавшегося наступления на Киев советских войск.

Таким образом, «украинизация» в армии в 1917 году из-за недальновидной политики не была использована Центральной Радой в государственном строительстве. Имеющийся военный потенциал был растерян, что и предопределило поражение Украинской Народной Республики в борьбе с большевиками в январе 1918 года.

Список литературы:

1. Винниченко В. Відродження нації / В. Винниченко. – К.: Видавництво політичної літератури України, 1990. – ч.1. – 348 с.
2. Винниченко В. Відродження нації / В. Винниченко. – К.: Видавництво політичної літератури України, 1990. – ч.2. – 328 с.
3. Галаган М. З моїх споминів (1880-ті – 1920 рр.) / М. Галаган. – К.: Темпора, 2005. – 656 с.
4. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. – Минск: Харвест, 2002. – 464 с.
5. Дорошенко Д. Історія України 1917 – 1923 роки / Д. Дорошенко. – Ужгород: Свобода, 1932. – т. 1. – 452 с.
6. Дорошенко Д. Война и революция на Украине / Революция на Украине по мемуарам белых. – М.-Л.: Государственное издательство, 1930. – С. 64 – 98.
7. Кучабський В. Від першопочинів до Проскурівського періоду / Історія січових стрільців. – К.: Україна, 1992. – С. 12 – 201.
8. Мазепа І. Україна в огні й бурі революції / І. Мазепа. – Прага: Український Соціологічний Інститут, 1941. – Т. 1. – 212 с.
9. Омелянович-Павленко М. Спогади командарма (1917 – 1920). / М. Омелянович-Павленко. – К.: Темпора, 2007. – 608 с.
10. Скоропадський П. Спогади: кінець 1917 – грудень 1918 / П. Скоропадський. – К.-Філадельфія: Б.в., 1995. – 493 с.
11. Христюк П. Замітки і матеріали до історії Української революції / П. Христюк. – Прага: Український Соціологічний Інститут, 1921. – т. 2. – 200 с.

РАЗВИТИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ ЮЖНОГО УРАЛА В 1929-1941 ГГ.

Руслякова Елена Владимировна

соискатель ОГУ, г. Оренбург

E-mail: ruslyakowa@mail.ru

Развитие здравоохранения в целом и в сельских районах Южного Урала в частности, являлось одним из факторов улучшения и увеличение продолжительности жизни крестьянства. Была создана сеть стационарных больниц, амбулаторий и фельдшерско-акушерских пунктов с бесплатным медицинским обслуживанием, количество которых с каждым годом росло, а также увеличивалось число врачей и

среднего медперсонала. Например, в этот период времени в Оренбургском округе (в 1934 Оренбургская область, а с 1938 по 1957 переименована в Чкаловскую) стационарных больниц увеличилось с 18 до 97 или в 5,3 раза; в Челябинской с 34 до 108, что в 3,2 раза больше; в Курганской области в 1929 г. насчитывалось 14 больниц, а в Башкирской АССР с 54 до 112, т.е. увеличилось в 18 раз. Продолжало расти число фельдшерско-акушерских пунктов. В Оренбургской области выросло с 31 до 575, в Челябинской с 155 до 588, в Курганской с 32 до 606 (вместе с трахоматозными и венерологическими пунктами), а в Башкирии с 66 до 978. При этом, увеличилось число врачей и среднего медперсонала. По Оренбургскому и Челябинскому округам за 1929 год данных нет, а на конец 1940 г. число врачей в Чкаловской области составляло 600, среднего медперсонала 3532, в Челябинской – 1345 и 8219 соответственно. В Башкирии число врачей увеличилось с 97 до 1100, или в 11 раз, среднего медперсонала с 483 до 5683, т.е. в 11 раз. В Курганской области количество среднего медперсонала, на конец 1940 г. составило 438 человек [2, л. 334; 10, с. 193-194; 12, с. 138-139; 8, с. 134; 15, с. 66]. Увеличение количества медучреждений и численности квалифицированного персонала в нем было связано с политикой, проводимой государством по улучшению качества медицинского обслуживания.

Несмотря на рост количества лечебных заведений, больницы снабжались неудовлетворительно, был дефицит в медикаментах, инструментах, также не хватало перевязочного материала, белья. Жительницы села Буранное Оренбургской области сетовали, что несмотря на то, что «...потрачено немало средств на оборудование родильного дома, женщины не получают должной медицинской помощи» [9]. К 1941 году в Челябинской области в год выделяли всего по два комплекта постельного белья, не хватало коек, здания больниц часто не соответствовали должному уровню [1, л. 87]. Не всегда больницы соответствовали медицинским нормам, в палатах была антисанитария и масса клопов, не было тёплой воды [9].

Активное участие женщин в социалистическом строительстве было невозможно без создания условий, позволяющих сочетать труд и материнство, поэтому, уже в первые годы существования Советской власти, государство проводило работу по охране труда, материнства и младенчества (метмлада). Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров в постановлении от 27 июня 1936 г. запретил производить аборт, в нем говорилось: « ... в условиях социализма, где отсутствует эксплуатация человека человеком и где

женщина является полноправным членом общества, а прогрессирующее повышение материального благосостояния трудящихся является законом общественного развития, можно серьезно поставить борьбу с абортами, в том числе и путем запретительных законов» [5, с. 53]. Запрет на аборт практически не был воспринят в деревне, так как государство могло контролировать мед. персонал, работавший в государственных учреждениях городов и крупных деревень, но не деревенских повитух, которые традиционно выполняли роль врачей и акушеров [6, с. 88].

Значительное внимание уделялось снижению женской и детской смертности, особенно велика была смертность детей до одного года. Так, в Курганском округе за 1928 год в возрасте до одного года умерло (в относительных величинах на 1000 жителей своего возраста и пола) 201,30 детей, среди них – 25,14 девочек, 30,97 мальчиков, а родилось 57,07 детей. В Челябинском округе смертность детей до одного года составила 218,89 человек, из них – 24,21 девочек, 29,45 мальчиков, а родилось на этот период 61,13 детей [15, с. 31,33]. Высокая смертность была результатом распространения заразных заболеваний, несвоевременная помощь больным, больницы часто располагались в районных центрах или крупных селах, а в маленьких деревнях часто не было даже фельдшера, нехватка родильных коек и родильных домов, а также их удаленность, приводило к тому, что у женщин роды проходили дома в антисанитарных условиях, часто происходили родовые травмы и, как результат, могла наступить смерть матери, ребенка или обоих. К 1939 году практически во всех сельских населенных пунктах Южного Урала новорожденных детей до одного года на дому посещали патронажные сестры, открывались районные детские амбулатории, исключение только составили Макушинский, Половинский, Белозерский, Бродокаламский, Полтавский и Каргапольский районы Челябинской области [3, л. 85].

В сельских районах, а особенно, в национальных, очень острой стояла проблема заболеваемости заразными болезнями. Для борьбы с ними в сёла направлялись отряды врачей, они делали прививки против оспы, дизентерии, брюшного тифа, проводили санитарно-просветительскую работу среди населения, кинопередвижки демонстрировали тематические кинокартины. К примеру, такие отряды в Оренбургском округе были направлены в Сорочинский, Буртинский, Домбаровский районы [13, с. 449]. Добровольцы-общественники обследовали санитарное состояние крестьянских изб, сельских общественных зданий (клубов, библиотек и т. Д.). Култармейцы помогали крестьянам навести порядок в избах, учили

навыкам личной гигиены [12, с. 140]. В конце 1920-х в Курганском округе преобладали такие болезни как: легочный туберкулез - 7846 заболевших, малярия - 8970 заболевших, трахома - 5683 больных, сифилис I, II, III стадии - 4230 больных, брюшной тиф - 752 заболевших; аналогичная ситуация сложилась и в Челябинском округе – малярия - 19918 заболевших, легочный туберкулез - 8107 больных, сифилис I, II, III стадии - 1895 больных [15, с. 62-63]. Весной 1934 года в Челябинской области 35 районов из 60 были поражены эпидемией сыпного тифа. В 1935 году в Бижбуланском районе Башкирии 46 % населения болели трахомой [12, с. 137]. Несмотря на снижение заболеваемости сыпным тифом, в середине 1930-х гг. вспышки этой болезни в сельской местности не были редким явлением. К 1941 году число заболевших заразными болезнями уменьшилось, было покончено с опасной болезнью оспой, однако по-прежнему у значительного числа сельского населения отмечались бытовые инфекционные болезни – трахома, сифилис.

Рост сети здравоохранения предполагал и развитие аптечного дела. Так, к 1929 г. в Башкирии насчитывалось 14 аптек в 1938 году [7, с. 245], в Оренбургской области в сельской местности находилось 55 аптек [4, л. 307], в Челябинской области к 1940 году имелось 93 аптеки и 14 аптечных пунктов [1, л. 87].

Активно в этот период открывались различные дома отдыха, курорты и санатории. Так, к 1940 году в Оренбургской области число санаториев круглосуточного пребывания для взрослых и детей, а также число домов отдыха составляло 17 [11, с. 115], они были в Новосергиевке, в Орском районе, в Соль-Илецке, в Челябинской области курорты «Сунгурь», «Медвежье», «Озеро горькое», в Башкирии знаменитые на весь Советский союз санаторий «Янган-Тау», грязелечебница «Красноусольск», кумысолечебница «Юматово».

Таким образом, к 1941 году благодаря проведению различных санитарно-гигиенических мер, произошло снижению заболеваемости заразными и иными болезнями. Однако, несмотря на проделанную государством работу по увеличению медицинских учреждений и пополнению их квалифицированными кадрами, качество медицинского обслуживания было низким.

Список литературы:

1. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р – 1607. Оп. 1. Д. 5. Л. 87.
2. Государственный архив Оренбургской области Ф. 187. Оп. 1. Д. 55. Л. 334.

3. ГУ «ГАКО». Ф. Р – 1607. Оп. 1. Д. 5. Л. 85.
4. ГУ «ГАОО». Ф. 846. Оп.2. Д. 80. Л. 307.
5. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: 1950. 138 с.
6. Маннинг Р.Т. Женщины советской деревни накануне второй мировой войны. 1935-1940 годы. / Р.Т. Маннинг //Отечественная история №5 2001. С. 88-106.
7. Народное хозяйство Башкирской АССР: статистический сборник. Из-во «Статистика». Уфа 1967. 278 с.
8. Народное хозяйство Чкаловской области: статистический сборник. Чкаловское книжное издательство 1957. 139 с.
9. Оренбургская коммуна 11 сентября 1937.
10. Оренбургская область за 25 лет. Статистический сборник. Оренбург 1960. 203 с.
11. Оренбургская область за 50 лет Советской власти. Статистический сборник. Челябинск 1967. 138 с.
12. Попов М.В. Культура и быт крестьян Урала в 1920-1941 годах: монография. /М.В. Попов. Екатеринбург, 1997. 201 с.
13. Пятилетний план хозяйственного и социально-культурного строительства Оренбургского округа (1928/29 – 1932/33г.). Оренбург 1929. 496 с.
14. Уральское хозяйство в цифрах 1930 г. вып. 1. Социальная статистика. Свердловск 1930. 366 с.

ПОСТРОЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЛОГОВОГО АППАРАТА В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Торубаров Юрий Сергеевич

аспирант, Юго-западный государственный университет, г. Курск

E-mail: yura.torubarov@yandex.ru

В соответствии с Конституцией СССР 1936 г. утверждение единого государственного бюджета СССР, а также установление налогов и доходов, поступающих на образование союзного, республиканских и местных бюджетов, было возложено на высшие органы власти и органы государственного управления СССР. [4].

Проведение налоговой политики, являющейся частью всей финансовой политики, было возложено на Министерство финансов СССР и министерства финансов союзных республик. Непосредственное осуществление всей налоговой работы было возложено на налоговый аппарат, организованный в составе финансовых органов (далее финорганов).

Налоговый аппарат состоял из следующих звеньев: Управления налогов и сборов Министерства финансов СССР, управлений налогов и сборов министерств финансов союзных республик, налоговых отделов краевых, областных и городских (в городах с районным делением) финансовых отделов, налоговых инспекций районных и городских (в городах районного деления) финансовых отделов.[2, с.180].

Управления налогов и сборов Министерства финансов СССР и министерств финансов союзных республик, а также налоговые отделы краевых, областных и городских (с районным делением) финансовых отделов являлись организующими и контролирующими звеньями, а налоговые инспекции районных и городских финотделов – основным звеном, непосредственно проводящим всю практическую работу по налогам.

В Курской области бюджетно-финансовой работой, в том числе и налоговой, руководил Областной финансовый отдел (далее Облфинотдел), который был образован 25 июня 1934 г. Облфинотдел являлся отделом Курского облисполкома и одновременно подчинялся Наркомату, а с марта 1946 г. Министерству финансов РСФСР.[1].

Контроль вышестоящие органы осуществляли через свой ревизорский аппарат, который состоял из ревизоров и старших ревизоров в краевых и областных финансовых отделах и ревизоров, старших ревизоров и главных ревизоров в министерствах финансов союзных республик и Министерстве финансов СССР. [2, с.180].

Налоговую работу в селах налоговый аппарат проводил под непосредственным руководством и контролем заведующего районным финансовым отделом (далее зав. райфо).

До 1937 г. вся работа по исчислению и взиманию налогов на селе проводилась сельскими советами. Однако в связи с принятием Сталинской Конституции 1936 г. и новыми политическими, хозяйственными и культурными задачами, поставленными перед исполкомами сельских советов депутатов трудящихся как выборными органами советской власти на селе, исполкомы сельских советов были освобождены от налоговой работы по исчислению и взиманию налогов и сборов.[2, с.181]. Она была возложена на финорганы. Таким

образом, налоговый аппарат стал основным проводником налоговой политики Советского государства не только в городе, но и на селе.

Для организации налоговой работы на селе в штаты районных финансовых отделов (далее райфинотделы) была введена должность налоговых агентов. На них был возложен сбор налоговых и страховых платежей от сельского населения. Во время Отечественной войны, когда объем налоговой работы увеличился, сеть налоговых агентов была расширена, налоговый агент назначен был при каждом сельсовете. Была одновременно введена и должность счетовода-кассира при налоговых агентах, обслуживающих сельские советы с большим количеством колхозных дворов. Однако в связи с постановлением Совета Министров СССР от 9 ноября 1945 г. за № 2855 «Об организации в райфинотделах и инспекциях Госстраха централизованного учета сельских налоговых и страховых платежей» должность счетовода-кассира при налоговых агентах была упразднена, при этом должность счетовода была введена в штаты бухгалтерии райфинотделов.[2, там же].

По положению о налоговой инспекции районных и городских финансовых отделов в состав налоговой инспекции входили: старший налоговый инспектор, участковые налоговые инспекторы, помощники налоговых инспекторов в городах и налоговые агенты в сельских местностях, старший налоговый бухгалтер, налоговые бухгалтеры, счетоводы и делопроизводитель по налогам. [2, с.181].

Налоговый участок в сельской местности охватывал территорию нескольких сельских советов в зависимости от территориального расположения селений и условий связи сельских советов с районным центром.

Сеть налоговых участков в сельском районе была организована в зависимости от количества плательщиков, колхозов, домовладений, предприятий, учреждений, организаций и рынков.

Деление районов на налоговые участки производилось зав. райфо и утверждалось районными исполкомами советов депутатов трудящихся.

Налоговый участок обслуживался участковым налоговым инспектором, а на селе и налоговыми агентами. Число последних устанавливалось в зависимости от количества сельских советов и сельских хозяйств в них.

Весь аппарат налогового участка состоял в штате райфинотдела, где и велось объединенное делопроизводство по району целом.

В заключение хотелось бы отметить, что одним из важнейших принципов построения советского налогового аппарата являлась

экономичность. Аппарат строился таким образом, чтобы расходы на его содержание составляли лишь незначительную долю по отношению к сумме взимаемых им налогов. Соблюдение этого принципа являлось непременным условием налоговой политики Советского государства.

Коммунистическая партия и правительство на всех этапах развития Советского государства добивались того, чтобы максимально сократить расходы на содержание не только налогового аппарата, но и всего государственного аппарата в целом. Так, еще В.И. Ленин в первые годы существования Советского государства постоянно подчеркивал, что Советская власть должна довести до минимума расходы на управление, что в этом заинтересованы как рабочие, так и крестьяне, что создание государством диктатуры пролетариата действительно дешевого правительства имеет величайшее значение для укрепления союза рабочего класса и крестьянства. [3, с.95].

XII съезд РКП(б) в своих решениях указывал: «Крестьянство должно убедиться, что, собирая налоги, рабоче-крестьянское правительство в то же время решительной рукой сокращает всякие непроизводительные расходы и является действительно самым дешевым правительством для страны».[3, там же]. И это вытекало из самой природы Советской власти как власти трудящихся. Трудящиеся массы, находясь у власти, естественно, стремились израсходовать государственные средства, созданные их трудом и тем или иным путем поступившие в государственный бюджет, с наибольшей пользой и целесообразностью и свести до минимума непроизводительные расходы, каковыми являлись расходы на содержание налогового аппарата.

Демократизм и последовательное проведение принципа экономичности при построении государственного аппарата были неразрывны друг с другом.

Необходимость проведения жесткой экономии в расходах на управление диктовалась также и тем, что для проведения социалистических преобразований, восстановления экономики и укрепления обороноспособности страны в послевоенное время Советскому государству требовались колоссальные денежные средства.

Список литературы:

1. Государственный архив Курской области. Путеводитель [Текст]: Ред. кол.: В.Л. Богданов (председатель), М.М. Литвинова, Л.С. Ласочко (ответ. Составитель); Главное

- архивное управление Курской области, Государственный архив Курской области. – Курск, 2005. – 872 с.
2. Налоги и сборы с колхозов и населения. Учебное пособие / Марьяхин Г.Л. – М.: Госфиниздат, 1949 г. – 186 с.
 3. Налоги с сельского населения в СССР. Правовые вопросы. / Пискотин М.И.; отв. ред.: Халфина Р. О. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 191 с.
 4. Текст Конституции СССР 1936 г. / История Советской Конституции в документах. – М., 1957.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ «ПОАЛЕЙ-ЦИОН» НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛЬСКО- СОВЕТСКОЙ ВОЙНЫ В 1919-1920 ГГ.

Федянина Юлия Владимировна

аспирант, РИВШ, г. Минск

E-mail: uliaf@tut.by

Столкновения между польскими войсками и Красной Армией в феврале 1919 г. положили начало войне между двумя государствами. Белорусские земли оказались в центре польско-советской войны. На территории Беларуси к этому времени широкую деятельность развернули политические партии разных направлений.

К началу 1919 г. Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей-Цион» была партией, оказывающей немалое влияние на еврейские массы, проживающие в Белоруссии. Уже 25 февраля 1919 г. в газете «Молот» опубликован призыв к еврейским рабочим записываться в Красную Армию [5]. В мае издан приказ о мобилизации всех, кто может носить оружие и направление их в Минск для отправки в особые еврейские отряды Западного фронта. Всего к этому времени на фронт направлено около 200 человек [4]. 1-6 сентября 1919 г. состоялся IV Всероссийский съезд ЕСДРП «Поалей-Цион». Работа съезда совпала с польским наступлением, поэтому из оккупированных территорий делегатов было мало. Сумели приехать представители Гомельской, Могилёвской, Витебской губерний [3]. На съезде определены ближайшие задачи партии. Во-первых, необходимо развивать широкую агитацию за Красную Армию, увеличение её рядов и обеспечение красноармейцев всем необходимым. Так же обязательно установить контакты с организациями в оккупированных территориях.

При этом требовать, чтобы Советская власть в освобождаемых от оккупации местах считалась с местными условиями и опиралась на местные партии и народные массы, а не на присылаемые из центра ревкомы [3].

Необходимо отметить тот факт, что внутри партии в 1919 г. происходили сложные процессы. Уже в августе 1919 г. из «Поалей-Цион» выделилась Еврейская коммунистическая партия (ЕКП «Поалей-Цион» заявившая о признании диктатуры пролетариата и Советов, как её государственной формы [2, с.201]. Из устава партии ясно, что ЕКП признавая себя частью КПБ, ставила себе те же задачи что КПБ, одной из первых стояла задача распространения идей коммунизма между еврейскими рабочими. Во всех общеполитических вопросах ЕКП «Поалей-Цион» подчиняется решениям КПБ, оставляя за собой самостоятельность в деятельности между еврейскими рабочими массами [1, с.209].

На Гомельской конференции коммунистических фракций, состоявшейся 10-15 августа 1919 г. со стороны ЕКП «Поалей-Цион» провозглашалась идея того, что до этого момента коммунизм выявлялся на еврейской улице разрушительными тенденциями и расколом. Начиная с гомельской конференции, коммунизм становится собирательным моментом еврейского рабочего движения. Лидеры ЕКП «Поалей-Цион» решительно поставили во главу угла своих национальных требований национально-пролетарскую автономию, рассматривая её не как гарантию против национального угнетения, а как гарантию против национального игнорирования [6].

В декларации ко всем еврейским рабочим, провозглашённой в сентябре 1919 г., официально заявляется, что Еврейская коммунистическая партия «Поалей-Цион» - это партия социалистической революции, защищающая интересы еврейского пролетариата. К тому же, руководством ЕКП «Поалей-Цион» утверждается, что единственный путь к социалистическому строю – это диктатура пролетариата в её конкретной форме – власти Советов.

Борьба с польской шляхтой на территории Польши, Литвы, Белоруссии и Украины, где еврейские массы составляют значительную часть городского населения, по мнению руководителей ЕКП «Поалей-Цион» ставит еврейского рабочего в авангарде рабочего класса. Поскольку роль еврейского рабочего возрастает с каждым днём, особое значение приобретает международная связь всех организаций Еврейской коммунистической партии «Поалей-Цион». Таким образом, объясняется необходимость деятельности ЕКП «Поалей-Цион» в Белоруссии [6].

Одной из важнейших обязанностей партии в период наступления польских войск на территории Белоруссии выделялась необходимость всеми силами бороться против оккупационного режима. Следовательно, при ЦК партии, а так же на местах необходимо было создать особые секции для работы среди Красной Армии. Центральная секция должна связаться со всеми товарищами, находящимися в рядах Красной Армии, создать при всех органах прессы особые отделы «Страничка Красноармейца». Центральной секции также необходимо наладить издание брошюр, плакатов для привлечения еврейских масс в ряды Красной Армии, издать все материалы, которые освещают борьбу еврейского рабочего в Красной Армии. На местные секции возлагалась задача связаться со всеми местными красноармейцами, снабжать их литературой на родном языке, создать особые отделы для работы среди евреев-красноармейцев посредством лекций и митингов [6]. Новое наступление польских войск, начавшееся 25 апреля 1920 г., вызвало вполне адекватную реакцию у еврейских социалистических партий. 3 мая 1920 г. Еврейская коммунистическая партия «Поалей Цион» издала воззвание под названием «Добъём последнего врага!» [7].

В виду наступления польских войск и возможности того, что некоторым организациям придётся попасть в полосу оккупации, неоторимо было подготовиться к борьбе против оккупационного режима. С этой целью организации «Поалей Цион» должны были скоординировать свою работу с работой других партий организаций: коммунистами, левым Бундом, левыми социалистами-революционерами.

В июне 1920 г. состоялась II всепартийная конференция «Поалей-Цион». На конференции были представлены организации из Гомеля и Минска. В полном соответствии с резолюцией о национальной политике, принятой в Гомеле в 1919 г., на II всепартийной конференции принято решение о деятельности еврейских советских органов. Для наиболее эффективной работы при комиссариатах просвещения, собесе, военном должны быть созданы центральные и местные еврейские секции, руководящие коллегии еврейских секций должны быть избраны советами трудовых масс, перед которыми они ответственны за свои действия. Пленумы еврейских органов, как в центре, так и на местах выделяют из себя исполнительные комитеты. Контроль над деятельностью еврейских советских органов осуществляют создаваемые беспартийные рабочие конференции. Для решения принципиальных вопросов должны быть созываемы съезды советов еврейских трудовых масс.

В августе 1920 г. лидеры Еврейской коммунистической партии «Поалей-Цион» выступили за возможное объединение с другими еврейскими коммунистическими образованиями. Конечной целью такого объединения будет образование единой Всемирной Еврейской Коммунистической партии. ЕКП «Поалей-Цион» должна взять на себя инициативу объединения.

12 октября 1920 г. в Риге между Польшей, Советской Россией и Советской Украиной был заключён договор о перемирии и предварительных условиях мира. В газете «Молот» была опубликована статья Л. Розенгауза «Два выхода для Белоруссии». Первый выход, по мнению автора, исключить Белоруссию из состава советских республик и остатки её соединить с Советской Россией: но подобный выход служил бы доказательством неискренности политики советской власти и был бы желателен Польше. Второй выход заключается в том, что Белорусская Советская Республика объединит остатки Белоруссии с Витебской и Могилёвской губерниями. Именно во втором разрешении вопроса заинтересован еврейский пролетариат, поскольку границы Белоруссии совпадают с границами бывшей «черты оседлости», в городах этих губерний еврейская масса живёт компактными массами [5].

Таким образом, в условиях польско-советской войны, политическая партия «Поалей-Цион» продолжала оказывать существенное влияние на еврейскую общественность. Сложное политическое положение, в котором оказались белорусские территории в 1919-1920 гг. оказало существенное влияние на стратегию и тактику данной партии. Лидерам «Поалей-Цион» необходимо было выработать свою позицию по отношению к войне. В первую очередь это подразумевало выбор, к какой из двух сторон присоединиться, чтобы защищать и отстаивать свои интересы. Партия «Поалей-Цион» поддержала советскую власть, выступив против польской интервенции, при этом стараясь сохранить свою самостоятельность в руководстве еврейскими рабочими массами. Внутри самой партии, тем не менее, существовали противоречия. Это привело к расколу партии на Еврейскую социал-демократическую рабочую партию «Поалей-Цион» и Еврейскую коммунистическую партию «Поалей-Цион».

Список литературы:

1. Агурский, А.С. Еврейский рабочий в коммунистическом движении (1919-1921) /А.С. Агурский. – Минск: Госиздат, 1926. – 244 с.

2. Круталевич, В.А. История Беларуси: Становление национальной державности (1917-1922 гг.)/В.А.Круталевич. - Минск: Изд. журн. «Право и экономика», 1999. – 388 с.
3. Российский государственный архив социально- политической истории (РГАСПИ). -Ф.272.- Оп.1.- Д.4. Стенограмма заседаний IV Всероссийского съезда ЕСДРП (П-Ц), резолюции, тезисы, доклады.
4. РГАСПИ. - Ф. 272.- Оп.1.- Д.78. Переговоры по прямому проводу членов ЦК ЕСДРП (П-Ц), письма о создании еврейских красных батальонов, военного отдела.
5. РГАСПИ. - Ф. 272.- Оп.1- д.573. Печатные органы ЕСДРП (П-Ц).
6. РГАСПИ.- Ф.272.- Оп.2- Д.1. Резолюции Гомельской конференции коммунистических фракций в России, провозгласившей образование Еврейской Коммунистической организации «Поалей-Цион».
7. Стецкевич, П.Т. Еврейские политические партии и организации на территории Советской Белоруссии(1918 – 1921 гг.)// Грамадскія рухі і палітычныя партыі ў Беларусі (апошняя чвэрць XIX – пачатак XXI ст.):матэрыялы Рэсп. навук. канф., Гродна, 23-24 кастрычніка 2008 г./ ГрДУ імя Я.Купалы;рэдкал.: І.І. Коўкель (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2009.[Электронны рэсурс] – Режим доступа: <http://www.uctopuk.info/politika/3stec.htm> -Дата доступа: 26.01.2011.

ВЗГЛЯДЫ ДЕКАБРИСТОВ НА СУЩНОСТЬ И НАЗНАЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Цымрина Татьяна Валерьевна

*к. и. н., доцент кафедры социологии, истории и политологии
Таганрогского технологического института Южного федерального
университета*

E-mail: tvc71@mail.ru

Вопросы о сущности и назначении государства, об отношениях народа и правительства, об ответственности власти перед народом были важнейшими для русской общественной мысли XIX в. Эти вопросы первыми из русских мыслителей поставили декабристы.

Политические и правовые взгляды П. Г. Каховского исследовал П. Е. Щёголев. Он отмечал, что П. Г. Каховский был сторонником правового государства и считал целью государства благо народа. По мнению П. Е. Щёголева, такой взгляд на отношения народа и власти был характерен для декабристов.[15, с. 137 – 146] Взгляды П. И. Пестеля на отношения народа и власти, на цель существования государства исследовала М. В. Нечкина. Она отмечала, что П. И. Пестель был сторонником народного суверенитета и считал, что правительство существует для народа, а не народ для правительства, поэтому народ и государство не может быть ничьей собственностью. [7, с. 83] Обобщающего исследования взглядов декабристов на сущность и цель существования государства и на взаимоотношения народа и власти в отечественной историографии пока нет.

В качестве источников использовались не только программные документы декабристских организаций, но и судебно-следственные материалы, публицистика, воспоминания, научные труды и художественные произведения декабристов. Так, П. И. Пестель высказал свои взгляды на цель существования государства и отношения народа и правительства не только в «Русской правде» – проекте конституции и программе Южного тайного общества, но и в трактате «Практические начала политической экономии», К. Ф. Рылеев – в думе «Ольга при могиле Игоря» и в показаниях на следствии, М. А. Фонвизин – в статье «Обозрение проявлений политической жизни в России».

П. И. Пестель считал целью существования государства общее благо: «Цель же государственного устройства должна быть возможное благоденствие всех и каждого».[9, с. 4] Из этого следуют основные задачи государства: оборона страны от внешних врагов, содействие развитию производительных сил, просвещение народа, охрана природы. Народ обязан подчиняться власти, но имеет право требовать от неё, чтобы она действовала в его интересах. Равновесие прав и обязанностей народа и власти – необходимое условие нормального существования государства. П. И. Пестель стремился как можно точнее определить права и обязанности центральной и местной власти и меру государственного принуждения. Государство должно быть достаточно сильным, чтобы защитить жизненные интересы нации, но не должно причинять вред своим гражданам. Необходимо исключить возможность узурпации власти, установления личной диктатуры или олигархии. Для этого П. И. Пестель предлагал ежегодно переизбирать 1/5 депутатов Народного веча (парламента)

и 1 члена Державной думы (высшего органа исполнительной власти) и создать Верховный собор – высший контрольный орган. Государство должно выражать интересы всей нации, а не одного класса. «Гражданские общества, а следовательно, и государства, составлены для возможно большего благоденствия всех и каждого, а не для блага некоторых за устранением большинства людей. Все люди в государстве имеют одинаковое право на все выгоды, государством доставляемые, и все имеют равные обязанности нести все тяготы, нераздельные с государственным устройством». [9, с. 57] Если власть оказывает предпочтение одному классу в ущерб другим, общество становится безнравственным. Следовательно, согласование интересов всех классов – необходимое условие нравственного здоровья народа. «Это общее правило: где земледелец – раб, там землевладелец расточителен. А расточительность разоряет земледелие, которое может прогрессировать только при наличии сбережений. Если вы покровительствуете классу фабрикантов и купцов, принося им в жертву земледелие, то их стремление к неумеренной наживе, свойственное их классу, ввиду того, что они сильно рискуют, – а это совершенно незнакомо помещикам, так как их доход более верный, – сообщается всей нации. Благородные чувства, возвышенность характера, патриотизм будут встречаться всё реже. Купец и фабрикант не имеют отечества, только земледелец имеет его. Заработать насколько возможно больше, при случае обмануть, – вот какие чувства станут всеобщими. Только богатый человек сумеет стать талантливым человеком, а народ огрубеет и станет скупым. Но если вы будете уважать права каждого класса граждан, если вы будете оказывать им покровительство без всякого предпочтения, если вы обеспечите им неприкосновенность, возможно более широкую, то задатки добродетели, имеющиеся в сердцах всех людей, разовьются, и ваша нация будет нравственна». [8, с. 45] Гарантеей того, что государство будет выражать интересы всего народа, а не одного класса, П. И. Пестель считал всеобщее избирательное право и равенство граждан перед законом. По мнению К. Ф. Рылеева, власть должна служить народу. Народ имеет право на самозащиту от тирании, вплоть до вооружённого восстания. Народное восстание – неизбежное следствие несправедливости со стороны правительства:

«Погибель хищнику, друзья!
Пусть падёт он мёртвый!
Его сразит стрела моя,

Иль все мы будем жертвой!»
Древлянский князь твердил в лесах...
Отважные восстали
И с дикой яростью в сердцах
На Игора напали.
Дружина хищников легла
Без славы и без чести,
А твой отец, виновник зла,
Пал жертвой лютой мести!
Вот, Святослав, к чему ведёт
Несправедливость власти;
И князь несчастлив, и народ,
Где на престоле страсти.
Но вдвое князь – во всех местах
Внимает вопль с укором;
По смерти ждёт его в веках
Потомство с приговором.
Отец будь подданным своим
И боле князь, чем воин;
Будь друг своих, гроза чужим,
И жить в веках достоин! [11, с. 78]

Народ имеет право сам выбирать для себя форму правления. Лучшим выразителем воли народа К. Ф. Рылеев считал Учредительное собрание: «...никакое общество не имеет права вводить насильно в своём отечестве нового образа правления, сколь бы оный ни казался превосходным, что это должно предоставить выбранным от народа представителям, решению коих повиноваться беспрекословно есть обязанность всякого».[10, с. 175] По мнению П. Г. Каховского, государство существует для народа, а не народ для государства: «Народы постигли святую истину, что не они существуют для правительства, но правительства для них должны быть устроены».[1, с. 502] Граждане должны заботиться о благосостоянии государства, но и государство должно заботиться о благосостоянии граждан, то есть дать им возможность честным трудом зарабатывать себе на достойную жизнь. «Каждый добрый гражданин желает, чтобы правительство было сильно и богато, но и правительство должно стараться раскрыть всевозможные средства народу для приобретения, а сего у нас нет: умножают налоги и сжимают способы промышленности».[1, с. 513] П. Г. Каховский был убеждённым сторонником правового государства. «Чиновники, облечённые доверенностью монарха, должны быть неусыпными стражами закона; одно строгое наблюдение оно мирит

граждан и водворяет спокойствие. Отсутствие закона и справедливости всегда и везде было причиной бедствий народов».[1, с. 501] По его мнению, противоречия в законах и попустительство со стороны правительства порождают произвол чиновников и, как его следствие, должностные преступления: «Отчего нет у нас справедливости в судопроизводстве? 1-ое, законы не ясны, не полны и указ указу противоречащи. 2) Никто из служащих не дорожит своим местом, если оно не прибыльно, гражданская часть унижена, жалование совершенно недостаточно для насущного пропитания; но секретарь, получающий 200 р. в год, – проживает тысячи. Все это знают, все это видят, и правительство равнодушно терпит. Не значит ли это поощрять преступления и водворять разврат? 3) Медленное отправление справедливости уже не есть справедливость! У нас дела тяжёлые длятся апелляциями десятки лет, и очень часто справедливость вознаграждается лишь убытками».[1, с. 508] Источником права он считал волю народа. В конфликте между народом и правительством всегда виновато правительство. «Противно рассудку винить нации перед правительством. Правительство, не согласное с желанием народа, всегда виновно, ибо в здравом смысле закон есть воля народная. Цари не признают сей воли, считают её буйством, народы – своей вотчиной, стараются разорвать самые священные связи природы». [1, с. 504] Отчуждение народа от власти П. Г. Каховский считал недопустимым и опасным как для народа, так и для правительства. Ограничение свободы слова и мысли, вмешательство государства в частную жизнь граждан свидетельствует не о силе, а о слабости власти. «Строгая цензура со всеми способами полиции и таможни никак и нигде не может остановить ни ввоза книг, ни внутренних сочинений; и стоит только какое сочинение запретить, то оно сделается для всех интересным и даже писанное разойдётся по рукам. Во Франции запретится книга, и в самом скором времени в России она явится. Разумноженное шпионство доказывает лишь слабость правительств, и что они сами чувствуют, сколь неправы перед народами. Посредством шпионства прекращаются ли толки и суждения? Меры берутся против мер, и утончаются способы скрывать желания, действия и надежды».[1, с. 506] Доказательством способности русского народа к демократии П. Г. Каховский считал Земский собор. По его мнению, в XVII в. Россия была более свободной, чем в начале XIX в.: «Но и предки наши, менее нас просвещённые, пользовались большою свободой гражданственности. При царе Алексее Михайловиче ещё существовали в важных делах государственные великие соборы, в которых участвовали различные

сословия государства».[1, с. 502] П. Г. Каховский ставил в вину Александру I неисполнение обещаний, данных в первые годы правления, то есть обман народа: «Император Александр многое обещал нам; он, можно сказать, исполински двинул умы народа к священным правам, принадлежащим человечеству. Впоследствии он переменял свои правила и намерения; народы ужаснулись, но уже семена проросли и глубоко пустили корни». [1, с. 502] По мнению П. Г. Каховского, исторический опыт России и Европы свидетельствует о том, что монархам нельзя доверять. По мнению Н. М. Муравьева, народ является единственным источником власти, поэтому государство не может быть собственностью одного лица или семьи: «Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства. Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать *основные постановления* для самого себя».[5, с. 296. Курсив Н. М. Муравьева.] Н. М. Муравьев считал абсолютную монархию несправедливой, противоречащей здравому смыслу, а потому недопустимой в нормальном обществе: «Нельзя допустить основанием правительства произвол одного человека – невозможно согласиться, чтобы все права находились на одной стороне, а все обязанности на другой. Слепое повиновение может быть основано только на страхе и не достойно ни разумного повелителя, ни разумных исполнителей. Ставя себя выше законов, государи забыли, что они в таком случае вне закона, вне человечества!».[5, с. 295] По мнению Н. М. Муравьева, первоначально власть князей была ограничена, так как высшей властью обладало вече. Причинами установления самодержавия он считал монголо-татарское иго и злоупотребление властью со стороны царей: «Вопрос: Кто же установил государей самовластных? Ответ: Никто. Отцы наши говорили: поищем себе князя, который рядил бы по праву, а не самовластью, своевольту и прихотям. Но государи мало-помалу всяким обманом присвоили себе власть беспредельную, подражая хану татарскому и султану турецкому... Причиною тому было нашествие татар, выучивших наших предков безусловно покорствоваться тиранской их власти». [6, с. 331 – 332] Его идеалом было правовое государство, в котором верховная власть ограничена законом. М. С. Лунин различал единовластие, то есть единое государство, в отличие от раздробленного на уделы, самодержавие – неограниченную монархию, и тиранию – злоупотребление властью, систематический правительственный террор против народа. Единое государство он считал необходимым условием нормального развития нации, а

самодержавие – абсолютным, ничем не оправданным злом. Тиранию М. С. Лунин рассматривал как логическое следствие абсолютной монархии: «Корнем зла было самодержавие. Оно сбивает с толку, приписывая неограниченную способность человеку, который законами природы во всем ограничен».[4, с. 125] Неограниченная власть боится общественного мнения и потому стремится подчинить его себе. «Правительство же не может терпеть ничего независимого в своем домостроительстве. И потому мнение для него: или камень преткновения, или тростник. Куда ни кинь, все клин».[4, с. 122] Это ведёт к отчуждению власти от народа и делает её неспособной решать стоящие перед страной проблемы. «...русское правительство лишено средств, коими государства с представительным образом правления располагают для распознавания истины и направления своих действий сообразно с нею».[2, с. 158] Вместе с тем М. С. Лунин был сторонником сильного, дееспособного государства и противником всевластия дворянства. Пагубность такого государственного устройства он доказывал на примере Польши: «Административный хаос и моральная анархия, истощая жизненные силы Польши, всегда служили предвестниками ее распада».[2, с. 163] Таким образом, М. С. Лунин был сторонником правового государства и считал целью государства благо народа. По мнению М. С. Лунина, в России правительство с самого начала не соответствовало своему назначению. Добровольное призвание варяжских князей он считал маловероятным. По его мнению, более вероятным был насильственный захват ими власти в Новгороде. М. С. Лунин допускал также приглашение варягов в качестве военных наёмников для защиты Новгорода и последующий захват ими власти: «Добровольное подданство народа своим врагам утверждают на свидетельстве монаха, писавшего в конце XI столетия. Очевидно, что добрый инок, по простоте или из собственных видов, обновил одну из сказок, которые потомкам Рюрика нужно было распространить, чтобы склонить умы на свою сторону и придавать законность своему владычеству. Когда нет исторических источников и предания недостаточны, напрасны будут догадки. Год прибытия нордманов, кажется, не противоречит летоисчислению. Их водворение может объясниться только двумя предположениями. Мнение, что, призванные для защиты, они владели краем, похоже на правду; оно согласно и с обычаями времени, и с хитрым воинственным характером морских королей. Можно также принять мнение, что второе нападение их было удачнее первого, и что право завоевания было началом их владычества. Последнее, кажется, вернее, потому что ближе к обыкновенному ходу событий».[4, с. 122] Доказательством того, что

варяги пришли к власти без согласия народа, М. С. Лунин считал восстания восточнославянских племён против варяжских князей: «События этого времени ознаменованы бунтом древлян, полочан, радимичей и других племен и мщением, которое правительство излило на них».[4, с. 123] Он ставил в вину князьям раздробление государства на уделы. По его мнению, князья Рюриковичи не сделали для народа ничего и не смогли защитить Русь от монгольского нашествия. Не князья, а народ освободил Русь от ордынского ига. По мнению М. С. Лунина, московские князья стремились только к усилению своей личной власти. Тиранию Ивана Грозного он считал логическим следствием самодержавия: «Самодержавие, только что восстановленное в первоначальном виде своим, доставило русским царя Бешеного (Иоанна IV), который 24 года (1560 — 1584) — купался в крови подданных». [4, с. 124] Вместе с тем М. С. Лунин отмечал существование на Руси демократических традиций. Лучшим доказательством способности русского народа к самоуправлению он считал Новгород и Псков. Московские князья, хотя и стремились к самодержавию, вынуждены были считаться с мнением народа и признавать его право на участие в управлении государством. Так, в 1550 г. Земский собор принял новый Судебник, в 1566 г. высказался за продолжение Ливонской войны, в 1598 г. избрал царём Бориса Годунова. Его деятельность М. С. Лунин оценивал положительно, так как, во-первых, он был избран Земским собором, во-вторых, стремился к просвещению России. Причину его падения М. С. Лунин видел в противодействии со стороны бояр. Обещание Василия Шуйского никого не наказывать без вины и суда и судить преступников совместно с боярами М. С. Лунин рассматривал как первый шаг к ограничению самодержавия. По его мнению, возможность преобразования России в правовое государство не осуществилась вследствие внутренней смуты, нападения Польши и Швеции, а также потому, что Василий Шуйский не был избран Земским собором, и многие не считали его законным царём. Михаил Романов был избран на престол Земским собором, поэтому управлял государством совместно с ним и с Боярской думой. Земский собор решал важнейшие вопросы внутренней и внешней политики. По мнению М. С. Лунина, он мог бы стать полноценным парламентом, если бы его полномочия и сроки созыва были чётко определены законом. М. С. Лунин ставил в вину Петру I прекращение созыва Земского собора, игнорирование мнения народа и отстранение его от участия в управлении государством. Следствием этого М. С. Лунин считал преобладание частнопроводного начала над публично-правовым, власть лиц, а не

государственных учреждений. Это вызвало борьбу за власть между придворными группировками. М. С. Лунин одобрял намерение Верховного тайного совета ограничить самодержавие при избрании на престол Анны Ивановны. При Анне Ивановне реальная власть принадлежала её фавориту И. Бирону. Он опирался на новые гвардейские полки: Измайловский и Конногвардейский. Офицерами в них были иностранцы. Это свидетельствовало о полном отчуждении власти от народа и о несоответствии её своему назначению. М. С. Лунин отмечал, что во второй половине XVIII – начале XIX в. правительство отвергало все попытки мирного преобразования России в правовое государство. Это делало революцию неизбежной. [3, с. 148]

Н. И. Тургенев считал главной задачей государства защиту прав граждан, основной обязанностью власти – издание законов и контроль за их исполнением. Государство, в котором законы не действуют, обречено на гибель. «Говорят – и никто в этом не сомневается, – что государства, где всякого рода беспорядки усиливаются, где доходы государственные издерживаются самым недостойным образом: на удовлетворение подлости, искательства, лести; где нет правосудия, нет защиты правому, оправдания невинно страждущему, – говорят, что такие государства или правительства таких государств идут к гибели, к уничтожению».[13, с. 203 – 204] По мнению Н. И. Тургенева, власть должна выражать интересы всего народа, а не только аристократии. Аристократическое правление он считал худшим из возможных и полагал, что оно неизбежно приведёт к революции: «Если сотворить аристократическую власть, не сотворя демократической, то государство надолго будет несчастно. Доказательство сему, что когда аристократическая сила во Франции, в особенности французские парламенты усилились, то власть демократическая не могла иначе возникнуть, как посредством ужаснейшей революции».[13, с. 190]

М. А. Фонвизин ставил в вину Петру I то, что он больше заботился о внешнем могуществе государства, чем о благе народа: «При Петре Великом уже более не собиралась земская дума – это хоть слабое выражение народной самостоятельности, везде и всегда противной властолюбивым самодержцам. Дума могла бы быть препятствием в задуманных Петром Великим преобразованиях. Но и в этом гениальный царь не столько обращал внимание на внутреннее благосостояние народа, сколько на развитие исполинского могущества своей империи. В этом он точно успел, приготовив ей то огромное значение, которое ныне приобрела Россия в политической системе Европы. Но русский народ сделался от этого счастливее? Улучшилось

ли сколько-нибудь его нравственное или даже материальное состояние? Большинство его осталось в таком же положении, в каком было за 200 лет».[14, с. 268] Следовательно, он также признавал первичность нации по отношению к государству и считал, что не народ существует для государства, а государство для народа. По мнению А. Е. Розена, государство должно наказывать преступников, но так, чтобы при этом не страдали невинные: «...отдельный разбой, злоупотребление нескольких людей никогда не должны быть причиною таких мер, которые впоследствии могут притеснять или разорять целое население. Взыщите с виновных по закону, защищайте безвинных, которые столько лет со славою служили». [12, с. 328] Поддержание правопорядка – не самоцель, а средство защиты законопослушных граждан от преступников.

Таким образом, декабристы считали целью государства благо народа. По их мнению, источником власти является народ. Власть должна служить ему и нести ответственность перед ним. Декабристы были сторонниками правового государства и полагали, что власть должна выражать интересы всей государствообразующей нации, а не какого-либо одного класса. Классовое государство декабристы считали отклонением от нормы, опасным и для общества, и для самого государства.

Список литературы:

1. Каховский П. Г. Из писем. // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951.
2. Лунин М. С. Взгляд на польские дела г-на Иванова, члена Тайного общества соединённых славян. // Лунин М. С. Сочинения, письма, документы. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1988.
3. Лунин М. С. Разбор Донесения тайной следственной комиссии государю императору в 1826 г. // Лунин М. С. Сочинения, письма, документы. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1988.
4. Лунин М. С. Розыск исторический. // Лунин М. С. Сочинения, письма, документы. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1988.
5. Муравьев Н. М. Конституция. // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1.

- М.: Государственное издательство политической литературы, 1951.
6. Муравьев Н. М. Любопытный разговор. // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951.
 7. Нечкина М. В. Декабристы. М.: «Наука», 1982.
 8. Пестель П. И. Практические начала политической экономии. // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951
 9. Пестель П. И. Русская правда. СПб.: «Культура», 1906.
 10. Показания К. Ф. Рылеева. // Восстание декабристов. Т. 1. М.: ГИЗ, 1925.
 11. Рылеев К. Ф. Ольга при могиле Игора. // Рылеев К. Ф. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.
 12. Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1984.
 13. Тургенев Н. И. Из «Дневников». // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951.
 14. Фонвизин М. А. Обзорение проявлений политической жизни в России. // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР. М.: «Высшая школа», 1990.
 15. Щёголев П. Е. Пётр Григорьевич Каховский. // Былое. 1906. №1.

СЕРДЕЧНЫЙ СОСЕД ЛУЧШЕ ДАЛЬНЕЙ РОДНИ: РОЛЬ СОСЕДСКОГО ОКРУЖЕНИЯ В ЖИЗНИ МИГРАНТОВ ИЗ ЗАКАВКАЗЬЯ В МОРДОВИИ

Шевицова Анна Александровна

к. и. н., старший научный сотрудник МИОО, г. Москва

E-mail: ash@inbox.ru

Базируясь на полевых материалах, полученных в ходе комплексного этнографического обследования мигрантов из

Закавказья в Республике Мордовия (РМ) в 2005–2010 гг. под руководством проф. Л.И. Никоновой (НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ, Саранск), автор исследует факторы этнокультурной адаптации мигрантов в инокультурной среде.

Миграция населения – один из ключевых факторов этнической эволюции, прослеживаемый на протяжении всей истории народов мира [1, с.35], однако происходящим в результате этого изменениям традиционной культуры мигрантов до сих пор не уделяется достаточного внимания. На территории РМ перепись 2002 г. зафиксировала следующую численность населения различных этнических групп: мордва – 283 861 чел. (или 31,9%); русские – 540 717 (60,8%); татары – 46 261 (5,2%); лица других национальностей – 1,7%, в т.ч. армяне – 1 310, азербайджанцы — 672, грузины – 395 чел. [6, с.60]. Официальная численность выходцев из Закавказья в регионе невелика, однако лидеры закавказских диаспор приводят цифры, значительно превышающие эти данные (например, численность армян в РМ на ноябрь 2010 г. – более 5 тыс. чел.). Мигранты предпочитают селиться в городах, вблизи транспортных развязок и ж/д путей, нежели на селе. Мужчин значительно больше женщин. Большинство опрошенных не собирается менять место жительства.

Как известно, оторванная от ареала исконного проживания этническая группа обычно выбирает формы жизнедеятельности, оптимальные для новых условий своего проживания, заимствуя те или иные элементы культуры у окружающего населения и приспособливая собственные. Адаптация – качественно новое состояние мигранта, переход из одного состояния в другое, зависящий от множества объективных обстоятельств (уровень образования, специальность, знание условий городской жизни, особенности личности). Многие мигранты из Закавказья, переселившиеся с к. 1980-х до к. 2000-х гг. в РМ – выходцы из слабоурбанизированных сред, сельской местности, что подчеркивают противопоставляющие себя им наши респонденты, бывшие столичные жители (тбилисцы, ереванцы, бакинцы). Возникает вопрос приживаемости сельских мигрантов к городской среде, их социально-психологической адаптации к новым условиям, возможных негативных реакций местных жителей на вновь прибывающих мигрантов «из села», «снижающих уровень культуры», бытовых конфликтов [5, с.48–51].

Смена места жительства неизбежно влечет за собой необходимость адаптации к новым природным, экономическим, социальным и этнокультурным условиям. Нередко она проходит достаточно болезненно (деадаптационный синдром). Во имя

получения работы, жилья, заработка «добровольный» мигрант готов претерпеть определенные экономические и психологические неудобства, преодоление которых зависит от адаптивных способностей и степени готовности принимающей среды, наличия соответствующей законодательной базы, развитой миграционной инфраструктуры и интеграционных программ на всех уровнях власти.

Основной способ этнической адаптации – принятие норм и ценностей новой социально-этнической среды (культурно-языковых, хозяйственных, политических, нравственных, бытовых), сложившихся форм межэтнического взаимодействия (формальных и неформальных связей, стиля поведения, семейных и соседских отношений), предметной деятельности (способов профессионального выполнения работ или семейных обязанностей).

Исследуя азербайджанскую общину Мордовии, мы спрашивали наших респондентов: «Что помогало адаптироваться на новом месте жительства?». Ответы были как ожидаемые: «Приехали к знакомым, родным, они нам помогли устроиться, найти работу»; «Мы раньше были с Россией одной страной»; «Хорошее владение русским языком»; «Востребованная специальность»; так и на первый взгляд неочевидные: «Стабильность российской жизни, возможность найти работу, если не боишься труда»; «Уверенность в завтрашнем дне»; «Возможность дать детям нормальное образование, востребованное в современном мире», «Дружелюбие соседей, коллег, одноклассников детей» и даже: «Хороший климат, вкусная здоровая вода». Встреченный ответ: «Здесь уважают людей независимо от того, мусульмане они или нет», напоминает о том, что в отличие от многих Европы Россия имеет многовековую традицию взаимоотношений с исламским миром. Среди негативных факторов, мешающих адаптации на новом месте жительства, наши информаторы назвали «бюрократию, косность чиновников, затрудняющих своевременное оформление документов, видов на жительство и т.п.», «холодность, разобщенность людей», «иная вера», «непривычный климат, набор продуктов питания», «кардинально иной тип отношений в семье и между полями, неприемлемый для нашей культуры».

Важнейшую роль в социально-психологической адаптации мигрантов играет микросреда, отношения с новыми соседями, сослуживцами, коллегами, в производственном (учебном) коллективе. Профессиональной адаптации и реализации нередко препятствуют недостаток социальных связей, отсутствие регистрации. Изменить ситуацию призваны свойственные закавказским этносам тесные семейно-родственные связи, стремление помогать родственникам и

землякам. Часто старший брат помогает обосноваться на новом месте жительства, найти работу младшим братьям и их семьям, предоставляя им на первом этапе кров и покровительство. Активно помогают устроиться на новом месте бывшим односельчанам, землякам, родственникам. Вновь приехавшие стараются селиться по соседству, чтобы не терять привычный круг общения, что создает психологически комфортную среду, помогает переносить стрессы [6, с.51].

Связи (гостевание, подарки к праздникам, телефонное общение) поддерживаются и с родственниками или знакомыми, живущими в других населенных пунктах. Наши информанты из числа местных жителей неизменно отмечают эту черту: «Они дружные», «Для родни все сделают». Близкие, практически родственные отношения с соседями и друзьями, участие их в семейных торжествах и ритуалах, характерные для всех закавказских этносов, неоднократно подчеркивалось нашими респондентами обоих полов. И мужчины, и женщины с теплотой вспоминали своих бывших соседей, практически ежедневное общение с которыми шло по принципу «клуба по интересам». Даже в многоквартирных домах жители одного подъезда часто ходили друг к другу в гости, угощали домашней выпечкой, не говоря уже о том, чтобы знать соседей по именам.

Так, в армянских селах и сейчас день выпечки хлеба превращается в своеобразный семейный праздник, «заседание женского клуба». Соседки и родственницы собираются не только для того, чтобы обеспечить свои семьи хлебом, но и посплетничать, «перемыть всем косточки», обсудить новости, присмотреть потенциальных невест сыновьям. Эта социальная функция выпечки лаваша метко определена краснодарским этнографом Ноной Шахназарян как «женское информагентство «Турун-пресс» [4, с.51]. Роль «женского клуба» в РМ во многом взяли на себя беседы соседок за бесконечными чашками кофе. При переезде утварь с собой не брали – только ручную кофемолку, которая есть буквально в каждой семье. «Кофе очень любят женщины, – рассказывает Сирануш Тутунджян. – Большинство из нас в Ереване не работало. Как только мужья уходили на работу, часто по утрам можно было услышать, как одна соседка говорит другой: «Пойдем пить кофе!». Через час, как только расходились, та звала ее нанести ответный визит: «Пойдем снова попьём кофе!». Так и ходили друг к другу, пока не придет время готовить обед для семьи.

По признанию некоторых наших информантов, «здесь в Саранске все не так, никто соседей не знает, едва здороваются», или

«Сколько бы мы ни жили в этом селе, все равно останемся чужаками». Особую роль играет соседское окружение в сельской местности, особенно в пожилом возрасте, когда естественным образом суживаются социальные контакты [2, с.109]. Наши информаторы – пожилые мужчины из Армении, Грузии, Азербайджана – нередко говорили нам, что «в Мордовии не очень принято старикам сидеть на улице, обсуждать спорт, политику, молодежь, урожай, различные дела, как это принято у нас на родине, – все заняты, да и климат не тот». Те же, кому удастся наладить добрые отношения с соседями, ими очень дорожат.

Мы также выявили отчетливую тенденцию к увеличению числа межнациональных браков в среде мигрантов из Закавказья. Обычно это мужчины-мигранты, которые женятся на местных жительницах – русских, мордовках, получая «в придачу» к семейному очагу новые родственные и социальные связи, новые перспективы, в том числе карьерные и деловые, возможность стать «своим» в сложившемся микро-социуме [3, с.70].

Список литературы:

1. Григулевич Н.И. Этническая экология питания. Традиционная пища русских старожилов и народов Закавказья. – М.: ИЭА РАН, 1996. – 163 с.
2. Зарецкая В.А. Потребность в любви в пожилом возрасте. // «Известия Самарского научного центра РАН», том 12, №3(35), 2010. – С.109–115.
3. Корякин К.В. Проблемы адаптации и интеграции мигрантов-армян в Краснодарском крае. // «ЭО», №1–2006. – С.62–72.
4. Космарский, А.А., Шахназарян, Н.Р. Краснодар – Карабах – Москва: опыт диалогической автоэтнографии. // «ЭО», №1–2006. –С.49–61.
5. Кузнецов И.М. Адаптация к этнокультурному многообразию. // «Жизнь национальностей», №3–2010. – С.48–57.
6. Никонова Л.И., Мельник А.Ф. Этнокультурная адаптация мигрантов Закавказья в Республике Мордовия (на примере азербайджанской диаспоры). / [отв. ред. В.А. Юрченков]. – Саранск, 2007. – 176 с.

СЕКЦИЯ 3: ПОЛИТОЛОГИЯ

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В ЭПОХУ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Бетильмерзаева Марет Мусламовна

к. ф. н., доцент кафедры философии ЧГУ, г. Грозный

E-mail: maret_fil@mail.ru

Современный миропорядок ставит нас перед необходимостью оценить свое место и роль в трансформирующейся действительности. Активный и всепроникающий процесс технологической, экономической, политической и, в целом, культурной глобализации способствует созданию своеобразной реальности, которая вызывает напряженность в поиске ориентиров духовного развития. Современная глобализация, будучи многогранным цивилизационным процессом, порождает множество последствий, одним из которых является проблема самоидентификации. В числе причин, актуализировавших проблематику идентичности, многие исследователи называют, с одной стороны, стремление к унификации и универсализации, обусловленное объективными современными реалиями, с другой, обусловленное современными цивилизационными процессами стремление народов сохранить свою социокультурную самобытность.

В философском труде «Путь жизни» Л. Н. Толстой советует: «Для того чтобы человеку хорошо прожить свою жизнь, ему надо знать, что он должен и чего не должен делать. Для того чтобы знать это, ему надо понимать, что такое он сам и тот мир среди которого он живет» [2, с. 5]. Данная мысль Льва Толстого тождественна пониманию предназначения человеческой жизни древними мудрецами. В поисках стабильных оснований для своего бытия человек вынужден обратиться к вопросу, что он собой представляет, «кто – Я?». Идентичность необходимо включает в себя два момента, во-первых, отношения индивида к себе самому, складывающегося из понимания того, что такое он сам, по Л.Н. Толстому, во-вторых, отношение к «Другому». Также через отношение к «Другому» формируется знание о себе.

Одним из важных оснований стабильности человеческого бытия является ощущение себя частью целого. Ощущение себя частью целого в свете собственного бытия проявляется у человека еще в раннем детстве в пору отождествления себя с миром и ощущения себя частью того, кого чаще привык видеть рядом (мама, няня и т.д.).

Соответственно, первоначально человек тождественен миру, а мир – человеку, равно как ничего не зная об этом мире, знает все о нем. Но впоследствии с возрастом осознания себя, первого употребления слова «я» детское сознание переживает кризис. Одной из первых форм идентификации является для ребенка родовая принадлежность, осознание себя человеком: «мы с тобой одной крови: ты и я». И в этой идентифицируемости человек находит первое основание своей бытийной состоятельности.

Началом исследования идентичности считают публикацию работы американского психолога и философа Э. Эриксона «Идентичность: юность и кризис», который предлагает определение индивидуальной идентичности как «ощущения тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве, осознание того факта что твои тождество и непрерывность признаются окружающими» [4, с. 69]. Этим он определяет два уровня идентичности, которые условно можно обозначить как личностно-индивидуальный (что такое он сам) и социальный (отношение к «другому»).

Дискурс о самоидентификации демонстрирует глубинные потребности в стабильности индивидуального и социального бытия – обретения духовной культуры, тех ценностей, которые не укоренены в области изменчивого материального бытия. Человек, сталкиваясь с новыми культурными и социальными процессами, оказывается неспособным сохранять целостность своего личностного мира без четкой ориентации на духовные ценности.

Естественной реакцией человеческой психики в данном случае является поиск некой стабильности, которая смогла бы стать основанием для формирования внутреннего чувства устойчивости и постоянства. Идентификация неизбежно есть «очерчивание границ», создание образа «Другого». Основанием очерчиваемых границ являются категории сходства/различия. Сходство основано на аналогии и симпатии. Аналогия и симпатия – категории, используемые М. Фуко для характеристики мира вещей, могут обеспечить понимание природы идентичности. Аналогия – удивительное столкновение сходств в пространстве, а симпатия приводит в движение вещи в мире, вызывая взаимное сближение самых отдаленных из них. Симпатия скомпенсирована парной ей фигурой – антипатией, которая сохраняет вещи в изоляции друг от друга и препятствует их уподоблению. По М. Фуко, именно равновесие симпатии и соответствующей ей антипатии обеспечивает тождественность вещей, то, что они могут походить друг на друга,

сближаться между собой, не поглощая друг друга и не утрачивая при этом своей неповторимости [3, с. 60-61]. Аналогия, симпатия/антипатия, являясь механизмами идентификации, стимулируют сходство и различие, интеграцию и дифференциацию в становлении человеческого бытия.

Мультикультурализм, с одной стороны, предполагает практику признания и уважения различных культур, рас и этносов. Но мультикультуральность является характеристикой не только современности, известные нам несколько тысячелетий современной цивилизации демонстрируют сосуществование многочисленных культур, которые в той или иной степени принимали или отвергали друг друга. Известная библейская история демонстрирует нам момент зарождения мультикультуральности вследствие уничтожения языкового единства в Вавилоне. «Языки распались и стали несовместимыми друг с другом именно в той мере, в какой прежде всего утратилось это сходство с вещами, которое было первопричиной возникновения языка» [3, с. 72]. Эта история позволяет предположить, что одним из первых оснований культурной идентификации является общность языка. И не столько язык как свидетельство этнической общности, а как феномен культуры, т.е. основание понимания друг друга.

Культурная идентичность предполагает идентификацию с определенной культурной группой, которая располагает общей системой символов и значений, норм и правил поведения. Для понимания культурной идентичности другого народа необходимо учитывать лежащую в основе его мировидения систему ценностей, которая отражена в особых символах.

С другой стороны, мультикультурализм оказывает пагубное воздействие на самоидентификацию, самоопределение не столько отдельной личности, сколько отдельно взятой культуры. Ибо различные культуры на всем протяжении исторического развития испытывали взаимовоздействие: одни культуры, сосуществуя веками, оказывали сильное, другие слабое влияние друг на друга. В этом взаимодействии одним культурам удавалось сохранить свои специфические, характерные лишь для нее особенности, другие ассимилировали, теряя уникальность.

Как отмечают Г.В. Драч и О.М. Штомпель [1, с. 6-7], в многообразных ликах культур и их внутренних различиях просвечивает образ единого человечества. Череди верований, художественных шедевров, философских идей, научных открытий, обычаев свободно komponуются вдоль хронологической оси без

противопоставления архаического и современного, передового и реакционного, развитого и отсталого, без перегородок общественно-экономических формаций и социально-политических различий. В этом случае культура рассматривается изнутри, как самозначащее образование, и ее сердцевиной выступает человек как самозначащая ценность. Культурный мир – это единый космос, в котором слиты человек и окружающая его природа, что влияет на социальную психологию этноса, формирует национальный характер и детерминирует направленность его практической деятельности. Культурная коммуникация в этом случае находится на пересечении амбивалентных устремлений общества: сохранить историческое своеобразие, этический и эстетический потенциал и влиться во всепланетарное и всевременное единство человечества.

Но сегодня многовековое сосуществование различных культур переживает угрозу в связи образованием единого коммуникативного пространства и активным доминированием в общекультурном пространстве массовой культуры. Также причина в том, что ценности массовой культуры, рассчитанные на среднего потребителя, своей доступностью и понятностью способствуют самовыражению и удовлетворяют бытовые потребности носителя. И в такой ситуации очень важно понять, что «гармоническое развитие человека – вот тот фундамент, на котором строится будущее человечества» [1, с. 7]. Для разрешения возникающих проблем необходимо формирование универсально развитого индивида, чья самоидентификация свободна от узости тех или иных социокультурных ограничений, индивида, который понимает и принимает всеобщую самоценность человеческого бытия.

Список литературы:

1. Драч Г.В., Штомпель О.М. Идеи культурологии: традиция, наука, образование. – Научная мысль Кавказа. – 2009. – № 4. – С. 5-10.
2. Толстой Л.Н. Путь жизни. – М., 1993.
3. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. – СПб.: А – cad, 1994.
4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАБАРДИНО- БАЛКАРИИ

Джантуева Фатима Рашитовна

с.н.с. отдела этнополитических исследований КБНЦ РАН, г.Нальчик

E-mail: kob-dfr@mail.ru

Государство и гражданское общество представляют собой взаимозависимые объекты, находящиеся в состоянии постоянного противоборства, но неспособные сегодня обойтись друг без друга. Гражданское общество не может существовать без взаимодействия с правовым государством. Именно данное взаимодействие обеспечивает условия формирования взаимной ответственности всех субъектов политического процесса.

В современной России в значительной мере реализуется патерналистская модель взаимодействия институтов гражданского общества и государства. Последнее поддерживает еще не окрепшее гражданское общество, давая ему стимулы совершенствования. [3, с. 53] Институциональными формами данной поддержки являются: советы при главах регионов по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, инициирование многочисленных гражданских форумов, создание общественных палат и советов, поддержка и финансирование проектов некоммерческих организации и др.

Становление гражданского общества в политическом пространстве современной Кабардино-Балкарии, происходящее при весомом участии государства, приобретает форму конструирования гражданского общества, что выразилось в государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций.

Политическая роль гражданского общества непосредственно связана не с контролем над властью или ее захватом, а с влиянием, проводником которого являются демократические ассоциации и свободная дискуссия в интеллектуальных кругах. Сферы и направления деятельности гражданских организаций чрезвычайно многообразны. Диапазон общественной добровольческой деятельности институтов и организаций гражданского общества чрезвычайно широк. Прежде всего, это защита прав граждан и правовое просвещение, охрана природы и экологическая защита, помощь инвалидам, больным детям, одиноким старикам, жизненное устройство выпускников детских домов, защита прав потребителей,

работа с детьми и подростками из неблагополучных семей и многое другое. Все это создает хорошие предпосылки для укрепления позиций гражданского общества на современном этапе.

В последние годы в Кабардино-Балкарии закрепились различные формы институтов гражданского общества. Это произошло под влиянием законодательных актов, регулирующих деятельность институтов гражданского общества, очерчивающих их роль и функции в российской общественно-политической системе [2].

В обширном перечне институтов гражданского общества КБР преобладают: фонды различного плана — культурные, благотворительные; творческие союзы, объединения и ассоциации (писателей, артистов, художников, журналистов, ученых, предпринимателей и т. д.); национально-культурные организации и центры; родовые (фамильно-родовые).

Принятие закона об Общественной палате РФ [4] и аналогичных законов в субъектах страны, в том числе и в Кабардино-Балкарии, усилило одну из важнейших функций гражданского общества по отношению к государству — функцию общественного контроля и общественной экспертизы. Общественная палата Кабардино-Балкарии призвана обеспечивать взаимодействие граждан, общественных объединений с органами власти и местного самоуправления, осуществлять общественный контроль за деятельностью исполнительной власти, защищать права и свободы граждан. Кроме того, палата наделена правом проведения общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов органов государственной власти и муниципалитетов.

Созданная при Президенте КБР Комиссия при Президенте Кабардино-Балкарской Республики по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека является консультативным органом. Комиссия создана в целях оказания содействия главе региона в реализации его конституционных полномочий в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, содействия развитию институтов гражданского общества в республике, подготовки предложений по вопросам. [7]

Комиссия призвана разрабатывать предложения Президенту по совершенствованию механизмов обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в Кабардино-Балкарской Республике; систематический анализ состояния дел и информирование населения о положении в области соблюдения прав и свобод человека и гражданина в Кабардино-Балкарской Республике.

Процесс формирования гражданского общества не ущемляет прав народов на этнокультурное самоопределение. Осуществление права народов на самоопределение в многонациональной Кабардино-Балкарии всегда являлось важнейшей составляющей ее государственной национальной политики. Эта проблема - стержневая в национальном вопросе.

Национально-культурная автономия позволяет гражданам России, принадлежащим к различным национальным общностям, в том числе малочисленным, дисперсно-расселенным народам, национальным меньшинствам, решать вопросы сохранения и развития своей самобытности, традиций, языка, культуры, образования.[6]

Власти КБР вплоть до 2005 года отдавали явное предпочтение контактам и сотрудничеству с этнокультурными самодетельными организациями — их деятельность поддерживалась и поощрялась, поскольку это укладывалось в русло официальной политики укрепления «мира и согласия в республике». В Кабардино-Балкарии при поддержке властей действовало 18 этнических общественных объединений, в том числе: 11 национально-культурных центров (армянский, белорусский, греческий, грузинский, дагестанский, еврейский, корейский, осетинский, польский, татарский, украинский); общественные организации кабардинского («Адыгэ Хасэ») и балкарского («Алан») народов; общество русской истории и культуры «Вече», Терско-Малкинский казачий округ на территории КБР; региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз армян России»; Союз общественных объединений «Международная черкесская ассоциация», а также еврейская национально-культурная автономия. Основное направление деятельности национально-культурных центров и общественных объединений - сохранение представляемых ими национальных культур, языков, форм и норм социальной регуляции в условиях проживания в КБР. Так, при еврейском, армянском, корейском и осетинском национально-культурных центрах действуют воскресные школы и курсы по изучению родных языков, открытие аналогичных курсов планируется в рамках деятельности греческого национально-культурного центра. Очевидно, что миноритарные группы населения заинтересованы в стабильности социально-политической ситуации в республике, в прочном межнациональном мире и согласии, что учитывалось властями. [5, с. 483]

Установлено, что в условиях консолидации общества и власти наиболее приемлемы партнерские взаимоотношения гражданского общества и современного демократического государства. Для

консолидации демократических процессов необходимо эффективное гражданское общество, обладающее влиятельной ресурсной базой и устойчивыми институтами. Определена возрастающая роль институтов гражданского общества в решении актуальных проблем политической жизни на всех уровнях пространства: национальном, региональном и локальном.

Отношения органов государственной власти и гражданского общества в КБР являются противоречивыми. Взаимоотношения внутри гражданского общества строятся преимущественно по горизонтали, а в государстве – по вертикали. Однако они не изолированы друг от друга. Взаимодействие государства и гражданского общества постоянно генерирует и воспроизводит противоречие, связанное с плюрализмом (многообразием) гражданской сферы и суверенностью государственной власти.

Участие граждан в процессах формирования гражданского общества и государства остается «слабым местом» трансформации в современной обществе. Диалоговые площадки между представителями государственной власти и общественными объединениями закрепляются с большим трудом. Система государственной власти дистанцируется от общества, что вызвано традициями политического администрирования и недоверия к демократическим институтам.

Партнёрские отношения между гражданским обществом и государственной властью выстраиваются, исходя из следующих принципов: принцип качественной изменчивости (государственная власть определяет траектории и стратегии развития гражданского общества, а гражданское общество, в свою очередь, иницирует стратегии государственной политики); принцип преемственности (учёт исторически сформировавшихся форм взаимодействия гражданского общества и государства); принцип солидаризации. Разумное сочетание этих принципов, их соотношение позволит наладить более жизнеспособный диалог общества и власти на современном этапе. [8, с. 35]

Таким образом, гражданское общество разрушает монополию на власть государственных деятелей, уравнивает ее с властью частных лиц и независимых организаций. Гражданское общество по отношению к государству использует весь арсенал компенсаторных средств в виде создания независимых общественных организаций, массовых общественных движений, независимых СМИ. В конечном итоге, это приводит к корректировке, а затем и изменению государственной политики или созданию новых законов, заимствованию властными структурами демократических принципов,

методов по усилению контроля за соблюдением государственными органами и их представителями правовых процедур.

Список литературы:

1. Азизханов А., Социальное партнерство между властью и гражданским обществом // Дагестанская правда 20.05.2009.
2. В Кабардино-Балкарии сделаны серьезные шаги в развитии гражданского общества // Северный Кавказ, 15 мая, 2010 год.
3. Галкина Е.В. Государство как инструмент самоорганизации гражданского общества в современной России // Политика XXI века: преемственность и инновации в России и в мире: Матер. междунар. науч. конф., г. СПб, 23.05. 2008 г. – Ч. 2. – СПб., 2008. – С. 52-57.
4. Закон «Об Общественной палате РФ». Российская газета. 2005. 7 апр.
5. История многовекового содружества Нальчик 2007, с. 516.
6. Мамаев М., Национальные общественные объединения – фактор самоопределения этносов // Народы Дагестана, 24 мая, 2009 г.
7. Оразаева Л., В Кабардино-Балкарии необходим общественный контроль над властью // www.kavkaz-uzel.ru
8. Умников В.Н. Взаимоотношения гражданского общества и государства как системный индикатор развития нации, - М., 2008, 62 с.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ

Зайцев Александр Владимирович

к.ф.н., доцент КГУ им Н.А.Некрасова, г.Кострома

E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru

Институты общества не создаются по указке «сверху» или по повелению власти. Для их возникновения необходим ряд объективно существующих предпосылок и условий появления на свет. Так начавшийся процесс демократизации России вызвал объективно необходимый переход от монологической формы политической коммуникации между государственной властью и нарождающимся гражданским обществом к их диалогическому взаимодействию.

Если политический монолог олицетворял вертикальную и односторонне направленную модель административно-пропагандистской трансляции информации с верхних уровней политической власти вниз, к обществу, к массам, то диалоговая модель – это двухсторонний коммуникативный процесс между равноправными партнерами. Политический монолог – это субъект-объектная коммуникация, в то время как диалоговая коммуникация – это субъект- субъектное, или intersubjectное, взаимодействие власти и гражданского общества. Главное же «отличие диалоговой модели состоит в том, что она предполагает своеобразное «горизонтальное равенство» участников информационного обмена, в противоположность «вертикальному» принципу «руководства-подчинения», присущего модели «вещания» [2, с.142]. Такой диалог «обеспечивает саморазвитие гражданского общества, пронизывает сферу политики по вертикали и по горизонтали. При этом механизм взаимодействия государственной власти и гражданского общества... зависит от понимания участниками диалога содержания современного политического процесса, его информационной и идеологической компоненты» [4, с.154].

Воплощение в политическую практику новой коммуникативной парадигмы началось в России после проведения в Кремле первого Гражданского форума в ноябре 2001 года, ставшего первой подобной встречей представителей общественности с высшим руководством страны и началом нового диалогового этапа во взаимодействия власти с гражданскими структурами. Это мероприятие явилось первой общероссийской «площадкой для определения путей диалога гражданского общества и власти, а также поиска возможностей влияния гражданского общества на ход реформ в России» [1, с.4]. Таким образом, именно на Форуме был дан своеобразный старт прединституциональной фазы в развитии диалога между властью и гражданским обществом, поскольку фактически именно он «спровоцировал» гражданскую инициативу общества и в дальнейшем «позволил диалогу развиваться по выстраиванию взаимодействия некоммерческого сектора и власти и превращении этого взаимодействия в эффективное» [1, с. 4].

О задачах привлечения гражданского общества к взаимодействию с органами власти всех уровней неоднократно говорилось в президентских посланиях Федеральному Собранию РФ. Эта же задача прописана и в Концепции административной реформы, а в Программе социально-экономического развития России на среднесрочную перспективу появился специальный раздел, посвященный

развитию институтов гражданского общества. Законодательно были закреплены публичные слушания на региональном и местном уровнях, расширены возможности участия общественности в решении вопросов градостроительства, управления жилищным фондом, бюджетным процессом, организацией государственных и муниципальных закупок и так далее. В современную практику диалогового взаимодействия все более входит общение граждан с властью при помощи интернет-технологий, а также специальных сайтов государственных и муниципальных учреждений, а также взятый курс на создание так называемого «электронного правительства».

В 2005 году был принят федеральный закон РФ «Об общественной палате РФ» и, сначала на федеральном, а затем и на региональных и местных уровнях, были созданы соответствующие общественные формирования, призванные стать диалоговыми площадками для взаимодействия некоммерческих организаций (НКО) и структур власти. Вслед за этим появился общественный совет при президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и защите прав человека.

Пока однозначной оценки созданных по инициативе государства этих общественных формирований нет. Однако, неоспоримо одно: пока в России естественным путем еще не сформировались самостоятельные и сильные институты гражданского общества, способные на равноправный диалог с властью, пока не заработали механизмы саморегуляции общества, такое государственное выстраивание форм и способов взаимодействия политических и неполитических общественных структур с властью, способствует процессу институционализации и социального, и гражданского, и собственно политического диалога. Тем более что, как считает один из исследователей, «гражданская «готовность» россиян к участию в равноправном диалоге с органами государственной власти» сегодня находится на весьма низком уровне, а «правовые условия такого диалога... создаются успешнее и скорее, чем «вызывают» его политико-культурные предпосылки»[6, с.440]. Массовая политическая культура российского общества, сформированная в рамках монологовой модели политической коммуникации, сохраняет верность веками складывавшейся политической традиции и весьма трудно адаптируется к диалоговому взаимодействию с властью.

Не смотря не на то, что в коммуникации власти и гражданского общества наблюдается процесс постепенной диалогизации их взаимодействия друг с другом, данная тенденция пока еще не приобрела стабильного и устойчивого характера, не вылилась в

трансформацию диалога в полноценный институт гражданского общества. Более того, некоторые исследователи полагают, что как и ранее «процесс политической коммуникации в современной российской действительности носит однонаправленный характер. В большинстве своем политическая информация спускается сверху вниз от органов государственной власти к обществу в виде законов, указов, постановлений, распоряжений и т.д. А это, в свою очередь, затрудняет диалогичность политической коммуникации, так как отсутствует немаловажный элемент обратной связи»[3,с.65].

Вряд ли можно согласиться со столь категоричным утверждением. Институционализация диалоговой коммуникации действительно идет непросто, но и довольно существенные позитивные сдвиги в этом вопросе тоже налицо, тем более в сфере взаимодействия гражданского общества и публичной политики. А «ведь публичная сфера политики – это прежде всего институционализация политических диалогов, не только их легитимация, но их обязательность, непреложность и – что не менее важно – явленность и дискурсивность» [5,с.259]. Внедрение диалога в практику политической коммуникации народа и властных структур требует терпения и времени, «подстегивание» этого процесса в ожидании быстрой смены объективно сложившейся парадигмы политической культуры и коммуникативной практики во взаимодействии общества и власти недопустимо.

Как и каждый институт общества, политический диалог должен обладать внутренней структурой. Поскольку в отличие от монолога диалог – это субъект-субъектное коммуникативное взаимодействие, то в его структуре присутствуют по крайней мере два субъекта двухстороннего информационного обмена. Один из них первоначально выступает в роли адресанта (актора, реципиента), в то время как другой субъект является адресатом коммуницируемой информации. Затем происходит смена ролей и коммуникативный диалоговый процесс продолжается. Важное место в структуре диалога занимают средства массовой коммуникации, передаваемая ими информация и аудитория, наблюдающая за ходом диалога и постепенно включающаяся в процесс диалога.

Как институт гражданского общества диалог между властью и обществом должен выполнять и, отчасти, уже выполняет ряд функций. Назовем основные из них, это политико-управленческая, коммуникативная, интегративная, конфликтологическая, аксиологическая, гуманистическая и прогностическая функции, а также функции социализации и гражданского контроля.

В отличие от других институтов общества политический диалог является горизонтальным общественно-политическим институтом. Его главное предназначение или, скорее, миссия – осуществление равноправного двухстороннего диалогового взаимодействия между другими институтами гражданского общества с государственной властью, а также друг с другом. Выполняя гуманистическую и, одновременно, политико-управленческие функции, диалог является ненасильственным способом осуществления власти на основе диалогово-переговорных процедур.

Список литературы :

1. Гражданский форум. Год спустя. – М., 2003 – 84 с.
2. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: от вещания к диалогу/ М.Н.Грачев// Права человека в диалоге культур. Материалы международной научной конференции, 26-28 ноября 1998 года – с.141-143.
3. Кокшарова А.М. Политическая коммуникация как фактор публичной политики/ А.М.Кокшарова// Власть - 2009, №7 – с. 63- 65.
4. Кривец А.П. Роль неправительственного сектора в развитии взаимодействия гражданского общества и власти/ А.П.Кривец// Научные ведомости Белгородского государственного ун-та. Сер. «История. Политология. Экономика» - 2008, №2(42), вып.6 – с154-158.
5. Рахманин В.С. Диалог политических культур как демократический процесс/В.С.Рахманин// Логос – 2009, № 4(49) – с.259-268.
6. Рябцев В.В. Гражданское общество в современной России: проблемы и перспективы становления/ В.В.Рябцев// Вестник МГТУ – т.13, №2, 2010 – с.439-445.

КОНЦЕПЦИЯ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ В ТРУДАХ ЗАПАДНЫХ УЧЁНЫХ Ж. Д'АСПРЕМОНТА, Д. БИТАМА И Ю. ХАБЕРМАСА

Ивановская Божена Александровна

докторант, магистр, Польская Академия Наук, г. Варшава

E-mail: bozena.iwanowska@vp.pl

Современный демократический мир принял определённые принципы, которые выступают как критерии демократии во всех странах. Одним из важнейших критериев являются свободные и справедливые выборы, которые легитимизируют избранные власти. С помощью выборов политические лидеры стараются доказать свою легитимность в глазах граждан собственного государства, а также обществ и представителей других стран. В настоящее время благодаря демократическим миссиям, а также сфере теле- и радиокommunikаций, существует возможность наблюдения за выборами в каждом государстве. В последнее время вопрос о легитимности власти приобретает особое политическое значение. Легитимность власти стала важным элементом не только для тех, кто был избран править, но и тех, кто оказался в зависимом от властей положении – для обычных граждан. Демократический мир не безразличен к отсутствию легитимности власти. В данном случае существуют определённые методы воздействия на страны, управляемые недемократическими правительствами.

Известный английский социолог Давид Битам (David Beetham) утверждает, что определение «концепции власти» и «концепции легитимности» следует рассматривать отдельно [1, с. 42]. Однако, он добавляет, что такое разделение будет ненатуральным, поскольку совокупное взаимодействие власти, правительства, а также норм и легитимизирующих действий составляет своеобразный союз, в котором каждый элемент находится под взаимным влиянием вышеперечисленных элементов [1, с. 42].

Легитимность власти является одним из основных объектов исследования в социологии и политологии, так как определяет взаимосвязь между обществом и властью. В действительности же, легитимность находится в центре внимания этих наук, так как представляет собой один из важнейших вопросов, объясняющих возможные нарушения в функционировании общества. Согласно Битаму, три группы исследователей заинтересованы проблематикой

легитимности — это «юристы, философы морали и политики, социологи» [1, с. 3].

«Для юристов (...) власть правомерна, если её получение и реализация подчинены установленному праву. Для них легитимность эквивалентна соответствию праву» [1, с. 4].

«Для философа морали и политики власть лишь тогда является правомерной, когда нормы, ею управляющие являются справедливыми, соответствуют общепринятым (...) нормативным принципам» [1, с. 5]. Иначе говоря, для философа правомерным является то, что «морально оправдано и справедливо. Легитимность провоцирует моральную возможность оправдания определённых действий властимущих» [1, с. 5].

В свою очередь, социологи не заинтересованы в юридических или моральных размышлениях. Согласно Битаму, социолог заинтересован в выяснении: «эмпирических последствий легитимности для характера отношений власти (...) и для уровня, на котором властимущие могут рассчитывать на послушание либо поддержку со стороны подданных»; основ ожиданий граждан относительно избранных ими властей; причин «эрозии отношений во власти», которые могут повлечь за собой драматические нарушения общественного порядка: замешательства, восстания, революции.

В каждом обществе существуют люди, которые обладают властью над другими людьми. В связи с вышесказанным, власть является «повторяющейся чертой человеческих обществ» [1, с. 3].

Власть может быть реализована разными способами, а подданные часто оценивают её как «отбирающую свободу, часто унижающую и временами угрожающую жизни» [1, с. 3]. Как раз поэтому, власть рассматривается учёными как явление проблематичное, а собственно общества находятся в постоянном процессе поиска способов ограничения власти до определённых рамок. С другой стороны, властимущие постоянно стараются получить «согласие на осуществление их власти со стороны важнейших из их подданных. В тех случаях, где власть была получена согласно допустимым нормам и доказательствам согласия общества, вышеупомянутая называется правомерной (правовитой) либо легитимной» [1, с. 3].

Битам выделяет следующие критерии легитимности власти [1, с. 20]: соответствие установленным в обществе нормам (праву); умение оправдывать принципы и правила, согласно которым власть реализуется, в категориях разделяемых обществом убеждений;

легитимность, находящая своё выражение в согласии и поддержке со стороны общества.

О легитимности нельзя судить в категориях *всё либо ничего*. «Каждое действие властимущих включает в себе нарушения правил либо конвенций; в каждом обществе найдутся люди, которые не согласны с нормами, поддерживающими принципы власти, так же как и те, кто отказывается выражать своё согласие либо те, которые делают это под явным давлением. (...) Легитимность может быть ослаблена, подвержена сомнению либо быть неполной; и суждения о ней обычно являются суждениями скорее о её степени, нежели о её полноте либо недостатке» [1, с. 20].

Концепция легитимности власти была создана Максом Вебером. Согласно Веберу, фундаментальной чертой государства является «правообоснованное использование силы». Заслугой Вебера можно назвать выявленные им три типа легитимной [легальной] власти: традиционный, рационально-правовой и харизматический. Данная типология объясняет возможность обладания одними людьми властью над другими [1, сс. 11-17, 215-216]. Традиционный тип легитимности власти берёт своё начало в обычаях, ценностях, религии и авторитете предыдущих политических лидеров. Согласно Веберу, традиционный тип легитимности блокировал развитие форм власти [1, с. 46].

У харизматического типа легитимности власти свой источник происхождения: кроется он в эмоциональном отношении людей к политическому лидеру. Харизма считалась и продолжает относиться к исключительным качествам личности политического лидера, и имеет позитивное значение. Установлено, что харизматичный лидер обладает необычными качествами, имеет специальный дар лидерства, особый стиль говорения и поведения. Власть, легитимизированная с помощью личной харизмы, может быть реальной причиной обладания той же властью. К данной исключительной группе харизматичных лидеров принадлежали Наполеон Бонапарт, Шарль де Голль, Юзеф Пилсудский, Иоанн Павел II. Из современных лидеров государств к данной группе чаще всего относят бывших президентов Российской Федерации Бориса Ельцина, Республики Польша – Леха Валенсы, Соединённых Штатов Америки – Рональда Рейгана.

Рациональная (легальная, правовая) легитимность власти основана на убеждении, что повиновение вытекает из права. Политическое лидерство, обладание властью над другими людьми установлено согласно праву. Легитимность в данном случае опирается на рациональное основание, которое основывается на уверенности, что установленные правила власти легальны, вследствие чего и избранные

управлять государством, согласно вышеупомянутым правилам, правомерны и легитимны.

Битам определяет три элемента понятия легитимности: правила, убеждения, поведение [1, с. 20]. Правила представляют собой юридические нормы, существующие в данном обществе. Убеждения считаются общепринятыми принципами как для группы властимущих, так и для группы обычных граждан, находящихся в зависимости от власти. Если власть, основанная на правилах, находит поддержку в убеждениях людей, она легитимна. Поведение определяется как активное согласие членов общества быть управляемыми, то есть согласие находиться в зависимом от властей положении. Если подданные принимают участие в свободных выборах или общественных движениях поддержки, тогда не возникает сомнения, что данные группы граждан идентифицируют себя с властимущими группами. Это как раз означает, что властимущие обладают легитимностью.

Формы легитимности власти зависят от политических систем. Одним из распространённых типов политических систем является авторитаризм. Что касается черт авторитаризма, он занимает промежуточную позицию между тоталитаризмом и демократией. Авторитаризм связывают: с тоталитаризмом (по причине его авторитарного, неограниченного законом характера власти); с демократией (функционируют определённые автономные общественные сферы, которые не регулируются обществом, особенно экономика и частная жизнь).

В отличие от недемократических политических систем, где идеология является фактором, легитимизирующим власть, в демократических системах наиболее частой формой легитимности власти являются свободные выборы. В основании вышесказанного находится убеждение, что нация – это источник власти.

Почему власть нуждается в легитимности? Откуда нам знать, легитимна ли власть или нет? По каким критериям мы определяем легитимность властимущих в обществах и политических системах, отличающихся от нашего общества, нашего государства, нашей политической системы? Что происходит, когда легитимности не хватает? Эти трудные и спорные вопросы впервые оказались в центре внимания в 1989 г. благодаря европейским революционерам, что впоследствии послужило основанием для политических потрясений и государственных переворотов в других странах. Нет сомнения, что такие чрезвычайные общественные происшествия, как революция или государственный переворот, являются прямым доказательством

кризиса или упадка легитимности. С другой стороны, взяв во внимание разные виды политических систем, у нас есть возможность наблюдать целое множество причин, правил, принципов, нацеленных на сохранение легитимности, и обеспечивающих властямущим необходимый уровень легитимности.

Битам подчёркивает следующие черты легитимности власти:

а) легитимность важна ввиду её последствий для поведения членов общества;

б) легитимность обеспечивает подданным «моральные основания для сотрудничества и послушания» [1, с.26];

в) легитимная власть вправе ожидать повиновения от подданных, даже в случае, «когда её представления об управлении не совпадают с содержанием определённого права либо инструкций» [1, с. 26];

г) «собственно власть нравственно нуждается в легитимности, хотя не каждая форма власти требует этого в действительной реальности» [1, с. 39];

д) «каждое общество вынуждено регулировать доступ к власти и её осуществлению, а там, где власть осуществляется и регулируется согласно общественным правилам, – эти правила нуждаются в легитимации» [1, с. 39];

е) легитимность власти объясняет понятие повиновения с помощью понятия долга, который она накладывает на людей, чтобы те были послушны, и с помощью оснований и причин, которые она обеспечивает для того, чтобы получить данное послушание, повиновение [1, с. 26];

ж) значение легитимности власти особенно чётко наблюдается в случае, когда легитимность поставлена под знак вопроса либо вообще отсутствует. В таких случаях «властимущие не обязательно отступают, и повиновение подданных не обязательно прекращается, так как властимущие могут и дальше удерживать свою власть с помощью стимулов или санкций» [1, с. 28].

з) легитимность является существенным фактором не только для сохранения общественного порядка, но и для степени сотрудничества и, впоследствии, качественных изменений – результатов осуществления власти [1, с. 28].

Согласно Битаму, существуют внешние и внутренние источники легитимности. В современных обществах внутренним источником легитимности власти является человеческий фактор – обычные граждане. Этот источник предполагает довольно обобщённое основание «легитимности в сфере политики, из которой остальные

правила, существующие в данном обществе, могут черпать свою легитимность через законодательный процесс, не предполагающий ограничений посредством традиций» [1, с. 75].

Голландский учёный Ж. д'Аспремонт (Jean d'Aspremont) утверждает, что легитимность власти тесно связана с демократией. Д'Аспремонт утверждает, что государства являются юридическими лицами, функционирующими посредством своих правительств. Однако, в действительности, правительства – это государственные органы, существующие довольно короткий временной промежуток, который зависит, прежде всего, от формы политического строя и внутренней стабильности государства. Автор подчёркивает, что роль лидера государства в международной политике и на мировой арене представляет собой сущность понятия легитимности в международных отношениях.

Только легитимное правительство уполномочено выступать и действовать от имени целого государства и каждого его гражданина. Это означает, что «легитимность даёт власти уполномочение к действию» [2, с. 878]. Согласно д'Аспремонту, «нет объективных критериев, определяющих легитимность правительств, так как вышеупомянутая вытекает из субъективизма её оценки» [2, с. 878-879]. С одной стороны это означает, что каждое государство обладает свободой действий в признании законной силы той единицы, которая утверждает, что является представителем другого государства в их двусторонних отношениях; с другой стороны, что каждое государство может оценивать легитимность других правительств согласно критериям, которые само устанавливает. Именно по этой причине возникают разногласия относительно легитимности некоторых правительств.

Чаще всего разногласия появляются в тех случаях, когда избранное правительство не признаёт общепринятых элементов демократии. Страны, где действуют такие правительства, условно называются «нетерпимыми демократиями». Необходимо отметить, что подобного рода правительства функционировали и после окончания Холодной Войны: предполагалось, что пренебрежение ними элементов демократии было временным явлением и данные правительства нуждаются в своеобразной переходной стадии [2, с. 879]. Некоторые из вышеупомянутых «нетерпимых демократий» позднее трансформировались в полноценные демократии, другие же удержались на том самом уровне, а в некоторых случаях даже укрепили свои позиции. В международных отношениях пользуются известностью случаи, когда определённое правительство признаётся

легитимным одной группой государств и нелегитимным другой группой государств.

По мнению д'Аспремонта, легитимность, в зависимости от её типа, может играть разные роли. В связи с этим, целесообразно отличать «легитимность по происхождению» от «легитимности по действию» [2, с. 880]. Первый тип относится к источнику власти (способ её установления – по наследству на основе традиций в монархиях или на основе всеобщих выборов в демократических странах), а второй касается способа её реализации (состояние власти – граждане добровольно и сознательно признают право власти управлять, руководить ими). При всём этом, каждый из данных типов легитимности играет свою отличительную роль. Взяв во внимание те же роли, учёный определяет разницу между легитимными (квалифицированными) и делегитимными (дисквалифицированными) правительствами [2, с. 880-881]. Легитимность по происхождению представляет собой, условно говоря, «орудие оценки происхождения правительства (государственный переворот, династия, выборы и т.д.), в то время как легитимность по действию позволяет оценить способ, с помощью которого правительство реализует свою власть» [2, с. 882].

В своих рассуждениях д'Аспремонт утверждает, что дисквалификационная роль легитимности по действию будет драматично расти в связи с возникновением вопроса, касающегося признания правительств и аккредитации их делегатов при международных организациях (имеются ввиду правительства всё тех же «нетерпимых демократий»).

Автор признаёт, что в современном мире аннулирование признания правительства какого-либо государства происходит чрезвычайно редко, и в рамках примера описывает единственный такого рода случай – Тайвань. В связи с тем, что легитимность правительств оценивается только в нескольких специфических ситуациях, государства имеют в наличии достаточно ограниченное количество, скажем условно, орудий или даже инструментов, позволяющих им справиться с трудностями, которые были спровоцированы «нетерпимыми демократиями». Международное признание и аккредитация – это как раз те два инструмента, и было бы удивительно, если бы они не могли быть использованы в процессе борьбы с «нетерпимыми демократиями». Впоследствии этого, мы, вероятнее всего, будем свидетелями «экспансии дисквалификационной роли легитимности по действию» [2, с. 916].

Учёный знакомит читателей с понятиями внешней и внутренней легитимности, а также подчёркивает, что различие между

легитимностью по происхождению и легитимностью по действию касается только внешней легитимности. «Легитимность правительства может быть оценена с двух точек зрения. Можно оценивать внутреннюю легитимность правительства – то есть то, как правительство оценивают сами граждане государства; можно также оценивать правительство с внешней стороны – то есть то, как его оценивают другие государства» [2, с. 882]. Внутренняя легитимность власти обычно относится к достижению общественной справедливости и концентрируется вокруг существования правительства для людей, для народа, для каждого гражданина в отдельности [2, с. 882]. Однако, оценка и уровень внутренней легитимности государства не всегда совпадает с оценкой и уровнем той же легитимности и того же государства на международной арене. Легитимность по происхождению и легитимность по действию играют существенную роль в различных периодах действующего международного права. Ж. д'Аспремонт утверждает, что впоследствии развития идей Дж. Локка и Ж. Руссо, которые нашли не только подтверждение, но также, в некотором смысле, были усилены американской и французской революциями, легитимность стала ассоциироваться с волей народа. Данное явление нашло своё официальное отражение во Всеобщей Декларации Прав Человека в 1948 г., которая провозглашала волю народа источником легитимности правительства.

Заслуживает внимания также тот факт, что после окончания Второй Мировой Войны всеобщее признание обрело убеждение, что единственной гуманной, а значит и приемлемой формой государственного строя, является демократия. Идея демократии возникла из убеждения, что данная форма политической системы способствует закреплению мира и благосостояния. Именно по этой причине демократия имеет доминирующий характер и постепенно распространяется по всему миру. Новые государства Восточной Европы, которые появились на политической сцене в результате распада коммунистического блока, постепенно адаптировали демократические институты власти и присоединились к большой группе демократических государств мира. В некоторых из них демократический процесс достиг значимого прогресса, в некоторых процесс демократизации происходит медленнее или вообще остановился. Данное утверждение относится и к странам на других континентах, где «нетерпимые демократии» имеют определённые демократические черты, как, например, избирательный процесс. В современном мире функционируют международные организации, которые обязывают своих членов соблюдать фундаментальные

принципы демократии. К наиболее важным относятся: Организация американских государств, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Организация Североатлантического договора.

Поэтому «после окончания Холодной Войны внешняя легитимность власти была почти полностью зависима от её [власти] демократического характера» [2, с. 882]. В современном мире демократическая власть (президент, правительство) считается основанной на воле народа, что должно находить своё выражение в свободных и честных выборах. В действительности же, демократия просто базируется на организации и проведении свободных выборов, которые принято определять как демократические, если в них приняли участие представители оппозиции; если можно впоследствии заключить, что данные выборы были честными; а также в том случае, если выборы происходят периодически согласно установленному законодательству. Данная идея легла в основу процесса применения международных санкций в случае возникновения государственного переворота, направленного против демократически избранного правительства, в каком-либо из государств.

Как утверждает д'Аспремонт «понятие демократии должно охватывать определённые требования, а именно основные политические свободы и гражданские права» [2, с. 896-897]. Согласно легитимности по происхождению, правительство является легитимным в том случае, если основывается на воле народа, которая, в свою очередь, находит своё отражение в свободном и честном избирательном процессе.

Д'Аспремонт утверждает, что в тех случаях, когда внимание акцентируется только на одном типе легитимности (по происхождению или по действию), результат теста на легитимность оказывается неудовлетворительным (главным образом это касается «нетерпимых демократий»). Наиболее важным тестом для легитимности является период смены правительств согласно установленной в Конституции процедуре. В этот период каждое правительство вынуждено определить, кого будет считать представителями государства. Процесс признания одним государством правительства другого государства предполагает также своеобразный тест на легитимность – либо посредством официального выражения признания нового правительства, либо посредством установления дипломатических отношений (в то же время данные способы не являются взаимоисключающими).

После окончания Холодной Войны государства почти всегда отказывают в признании правительствам, которые свергли демократически избранные власти, как это имело место в нескольких африканских странах. Случалось, когда новые власти, организовавшие путч, получали со стороны международной политической арены признание, но только временное, и происходило это исключительно в том случае, если новоявленные лидеры обязывались в соответствующий период времени организовать выборы, либо же в случае, где победа была одержана над авторитарными режимами. Некоторые из таких стран завоёвывали уважение и признание со стороны других государств благодаря постепенному движению к демократической форме правления.

Согласно д'Аспремонту, вышеуказанные примеры свидетельствуют о том, что проверка легитимности в основном концентрировалась на легитимности по происхождению, а не на способе, который был принят правительством за основу осуществления власти. Это означает, что в случае возникновения проблемы признания правительства на международной арене, совсем малое внимание уделяется легитимности по действию. Аналогично выглядят ситуации в случаях с аккредитацией делегатов государств при международных организациях. Уникальным примером является Южная Африка, делегатам которой отказано в аккредитации при ООН ввиду осуществления дискриминационной и расистской внутренней политики.

Немецкий социолог и философ Юрген Хабермас (Jürgen Habermas) – автор многочисленных трудов, представляющих невероятно обширные рассуждения на тему права, в которых чётко проявляется концепция легитимности. Он утверждает, что истинная легитимность права находит своё объяснение в теории дискурса «с помощью процедур и коммуникационных предпосылок, определяющих, что кроме обладания законно приданной им организационной формы, они основываются ещё и на домысле, что процессы создания и применения права ведут к рациональным результатам» [3, с. 414].

Описывая измерения законной силы, которая состоит из двух компонентов – принуждения и свободы – Хабермас пишет, что установление права тесно переплетается с легитимностью генезиса права, которое должно иметь рациональный характер, так как гарантирует различного рода свободы. Значение такой законной силы можно объяснить посредством акцентирования внимания одновременно на двух её аспектах, т. е. фактической силе или

одобрении и рациональном признании. Автор утверждает, что легитимность законов измеряется согласно тому, прошли ли они через законодательный процесс или, по крайней мере, нашли ли они объяснение в прагматическом, этическом и моральном измерениях жизнедеятельности обществ. «Легитимность закона не зависит от его фактического применения» [3, с. 30]. Однако, фактическая сила закона или его фактическая реализация подвергается изменениям наряду с верой людей в легитимность, причём данная вера, опять же, основана на домысле, что юридическая норма могла иметь объяснение.

Автор утверждает, что правовой порядок совсем не обязательно должен гарантировать то, что права каждого отдельного лица будут признаваться другими лицами. Взаимное признание прав одних людей другими людьми должно быть основано на правах, легитимность которых гарантирует равные возможности и свободы всем людям так, чтобы свобода выбора каждого человека могла одновременно сосуществовать со свободами и возможностями всех остальных. Данное явление находит своё отражение в демократической идее, выдвинутой Ж. Руссо и И. Кантом, согласно которой «право на легитимность со стороны построенного законопорядка может быть реализовано только через общественно интегрированную силу взаимодействующей и объединённой воли всех свободных граждан» [3, с. 31-32].

Рассуждая о материализации частного права, Хабермас утверждает, что правовой порядок легитимизирован в степени, которая равным образом обеспечивает частную и политическую автономию граждан, но этот порядок «одновременно обязан своей легитимностью формам коммуникации, в которых эта автономия может выражаться и реализовываться» [4, с. 409]. По его мнению, «демократический принцип констатирует, что только те законы могут заслуживать легитимность, которые встретятся с одобрением со стороны всех граждан в дискурсивном законодательном процессе» [3, с. 110].

Хабермас рассуждает над принципами конституционного права. Философ пишет, что политическая власть не поставлена рядом с правом, а скорее, основана на праве и сама установлена в форме права. «Идея правительства права требует того, чтобы госаппарат был организован таким образом, чтобы каждое употребление власти было легитимизированно в категориях законно установленного права» [3, с. 168-169]. Само право получает свой нормативный смысл через процедуру его создания, которая обуславливает его [права] легитимность. Осуществление государственной власти легитимизированно не столько посредством юридической формы,

сколько посредством связи с установленным в государстве правом. Хабермас утверждает, что право как бы берёт взаймы легитимность у высшего морального права и, подобно морали, вынуждено «доказывать свою легитимность» [4, с. 257]. Учёный считает, что идея конституционного государства может быть объяснена с помощью принципов, согласно которым легитимное право генерируется из коммуникационной силы, которая преобразовывается в административную власть через установленное законным путём право. Хабермас подчёркивает, что процесс создания конституции требует «более чем просто принципа дискурса, судя по которому граждане могут убедиться легитимно ли право, которое устанавливают» [3, с. 454].

Рассуждая о роли права в социологической интеграции общества, Ю. Хабермас ссылается на труды М. Вебера и считает, что конституционное государство не основывает своей легитимности на демократической форме создания политической воли граждан: легитимность лишь обозначается в разных аспектах правовой защиты, с помощью которых осуществляется политическая власть. С одной стороны, государство реализует институционализацию процедур с целью введения юридических решений в жизнь, что обладает более важной позицией над соперничающими партиями, а с другой стороны – государство конструируется в виде законной структуризированной иерархии учреждений, легитимизируясь одновременно посредством юридической формы, в которой реализуется политическая власть.

Понятия легитимности и легитимизации находят своё место в рассуждениях на темы власти и политического лидерства. Легитимностью характеризуются правительства и лидеры государств, которые были избраны в результате демократических выборов, но они могут потерять свою легитимность в результате незаконных действий, что обычно отражается в опросах общественного мнения. В случае нелегального захвата власти новое правительство не получает автоматически легитимности, хотя может её приобрести, если действия новых властей будут направлены на демократизацию жизни в стране.

В данной статье были использованы научные труды британского политолога Д. Битама, который чрезвычайно полно представил основные понятия, связанные с концепцией легитимности власти как таковой, а также чётко определил взаимосвязь между властью и легитимностью; научные труды французского учёного Ж. д'Аспремонта, который развил концепцию легитимности правительств, введя в обиход понятия легитимности по

происхождению [*legitimacy of origin*] и легитимности по действию [*legitimacy of exercise*]. Легитимность – это понятие из пограничья трёх научных областей: социологии, политической теории и философии. Как раз поэтому научные труды немецкого учёного Ю. Хабермаса дополняют материал, который послужил основанием для написания данной статьи. Следует при этом подчеркнуть, что труды Ю. Хабермаса носят, прежде всего, философский характер, написаны на высоком уровне абстракции, что отчётливо отличает их от трудов других учёных. В связи с вышесказанным, в трудах немецкого философа ключевое значение имеет не только проблематика легитимности власти, но также легитимности права и демократии.

Список литературы:

1. Битам Д. Легитимизация власти. Лондон: Макмиллан Пресс Лтд. 1991.
2. Д'Аспремонт Ж. Легитимность правительств в век демократии. Глоубал Феллоус Форум: Хаузер Глоубал Ло Скул Проуграм. 2005.
3. Хабермас Ю. Между фактами и нормами. Кембридж: МИТ Пресс. 1996.
4. Хабермас Ю. Включение других наук в политическую теорию. Кембридж: МИТ Пресс. 1998.
5. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. Критика функционального подхода. Том 2. Полити Пресс. 1989.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кокорхоева Дугурхан Султангиреевна

*к. и. н, доц., Ингушский государственный университет,
доцент кафедры всеобщей истории, г. Магас*

E-mail: dugurhan@mail.ru

Политическая институционализация рассматривается нами как «процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость» (по С. Хантингтону) [9, с.32, 34-37]. Институционализация измеряется путем оценки уровня политического участия масс и развития политических институтов.

Актуальность темы состоит в выявлении политических аспектов институционализации власти на материалах полиэтнических республик в составе Российской Федерации.

Качественно различные модели разделения властей складывались за 1990-е гг. в российских республиках и административно-территориальных субъектах федерации (областях, краях, городах). Они зависели от преобладающего типа региональной политической культуры (сравним Карелию, заимствовавшую ряд норм законодательства соседней Финляндии, и «импорт исламизма» в Чечне). Значительна также зависимость типа политической системы республики от того, принималась ли её конституция при монархическом режиме либо в плюралистической среде. По расчетам П.Б. Кононенко[2, с.87-105], 6 из 18 изученных республик принимали конституции при отсутствии доминирующего актора. Этот фактор привел к примерно равному соотношению правовых полномочий ветвей власти. 12 республик принимали свои основные законы при наличии доминирующего актора, но в 4 из них полномочия тоже симметричны. 2 республики (Калмыкия и Ингушетия) закрепили преобладание главы исполнительной власти. 6 республик (Чечня, Татарстан, Башкортостан, Якутия-Саха, Адыгея, Бурятия) юридически дали преобладание своим парламентам, а не президентам. Но политическая реальность не позволяет назвать эти регионы демократичными хотя бы в сравнении с другими российскими. На выбор формы правления повлияли скорее общероссийские процессы монополизации власти, чем биографические черты лидеров отдельных республик.

Наиболее политически значимые нормы федеральных законов конституций и уставов регионов, повлиявшие на выбор модели разделения властей, таковы:

- уменьшение состава законодательных (представительных) органов региона с 250–300 до 50 депутатов. (Республики сохранили право превышать число депутатов сверх 50);
- максимум 40% депутатов могли с 1994 г. работать на постоянной основе, что порождало неравенство статусов и ресурсов влияния, служило способом подкупа депутатов исполнительной властью;
- администрация либо правительство региона формируется главой исполнительной власти, ему же подотчетна; служащие администрации могут быть депутатами;
- настоящая, а не формальная власть концентрируется в руках главы исполнительной власти,

- глава исполнительной власти («губернатор») подотчетен Президенту РФ (с 2001 г. может быть отстранен от должности по указу Президента РФ). Но законодательный орган региона не вправе объявлять импичмент либо отстранять от должности губернатора;

- глава исполнительной власти подписывает и обнародует законы, принятые легислатурой региона; он может наложить вето на региональный закон (преодолевается 2/3 голосов депутатов);

- в большинстве регионов принята мажоритарная избирательная система, что резко затруднило закрепление партий в региональных парламентах.

Более представительная выборка случаев формально-правового разделения властей была изучена А.С. Кузьминым, В.Д. Нечаевым и Н.Дж. Мелвином в качестве материала для количественного анализа режимов [4, с.138-142]. Коллектив авторов, как и П.Б. Кононенко, взял за основу неонституциональную методику М. Шугарта и Дж. Кэри. Конституции и уставы 31 российского региона исследовались на предмет распределения законодательных и незаконодательных полномочий между ветвями власти. Эмпирическими индикаторами служили: порядок формирования администрации (правительства), отставка правительства, контроль парламента над администрацией, роспуск парламента, право вето, формирование бюджета, право издавать указы с силой закона, исключительное право законодательной инициативы, право вынесения вопросов на референдум.

При ранжировании 31 региона А.С. Кузьмин и его соавторы на интервале 1993–2000 гг. выделили 8 типов регионов [4,с.145-147]. По «дизайну» формальных институтов картина упрощается. Большинство регионов имеет слабые полномочия парламентов (Хабаровский и Приморский края, Астраханская, Ивановская, Костромская, Курская, Новгородская, Омская, Ростовская области, Краснодарский край). Из регионов с формально сильными законодательными органами для многих характерен однопартийный состав депутатов (Адыгея, Амурская, Кемеровская области). В ряде регионов есть и сильные полномочия, и многопартийность депутатов, но глава администрации избирался без серьезной конкуренции (Карелия, Коми, Татарстан, Саха–Якутия). На наш взгляд, только 1/3 из исследованных легислатур действительно сочетает весомые реальные и формальные полномочия (в Карачаево – Черкессии, Удмуртии, Белгородской, Воронежской, Курганской, Мурманской, Орловской, Псковской, Смоленской и Челябинской областях).

В итоге анализа все исследователи пришли к выводу о большом разнообразии региональных институтов в 1990-х гг., об их сформированности уже ко времени первых выборов губернаторов (1996–1997 гг.), о высокой устойчивости созданных систем. Вопреки бытующим «штампам» журналистики, не выявлена положительная корреляция между статусом республики и авторитарным типом власти лидера. На наш взгляд, гораздо больше влияют на слияние ветвей власти тип экономической и социальной структуры, этнический и религиозный состав региона. Эти обстоятельства можно синтезировать в понятие «историко-культурный тип» региона.

К концу цикла трансформаций 1990-х гг. сложился достаточно устойчивый плюрализм типов разделения властей в регионах.

Как видим, выбранный тип разделения властей сам по себе не является признаком силы либо слабости законодательных органов. Для постижения политического смысла модели разделения властей требуются дополнительные индикаторы: объем формально-правовых полномочий ветвей власти и их неформального влияния.

Таким образом, институционализация органов власти в республиках Северного Кавказа 1990-х гг. оказала центробежное влияние на политический процесс. Система органов власти республик сформировалась под влиянием децентрализованного, этнического, договорного федерализма 1990-х гг. Асимметричная и договорная модель федерации в 1990-х гг. поощряла этнополитическую мобилизацию, вызывая популярность идей суверенитета и этнопреференциального строения органов власти. Региональная элита в 1990-х гг. автономно определяла порядок формирования органов государственной власти, нормы и процедуры политического представительства. Но вследствие дефицита ресурсов доминирующие акторы политики (региональные элиты) избрали компромиссный путь отстаивания интересов по отношению к федерации.

Качественные изменения системы центр – региональных отношений в русле рецентрализации власти начинаются осенью 1999 г. и идут по настоящее время. Согласно Федеральному закону «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти РФ» от 6 октября 1999 г., воссоздано единство структуры органов власти федерального и регионального уровней [7]. Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина от 13 мая 2000 г. о создании федеральных округов обеспечил воссоздание единства исполнительной власти «по вертикали» [5].

Президенты республик и спикеры законодательных собраний регионов лишились статуса членов Совета Федерации РФ, что способствует более последовательной реализации принципа разделения властей. Вместе с тем, региональные органы власти получили право контроля над органами местного самоуправления, что способствует консолидации элит и ресурсов их влияния.

Важным институтом рецентрализации власти стал Конституционный суд Российской Федерации. Летом 2000 г. КС РФ отменил ряд положений Конституции Республики Адыгея в части, закрепляющей суверенитет республик РФ, паритетное этническое формирование органов власти, договоры о разграничении полномочий и предметов ведения с РФ, государственное двуязычие [3, с.17-18]. По толкованию Конституционного суда РФ, на всей территории государства суверенитет принадлежит только многонациональному народу Российской Федерации, а не отдельным этническим группам. Применение термина «государство» к республикам не отражает признание государственного суверенитета этих субъектов РФ, а фиксирует особенности их конституционно-правового статуса [3, с.21-23]. Согласно постановлению Конституционного суда РФ от 7 июня 2000 г., власть субъектов РФ не суверенна, а является частью единой системы государственной власти РФ.

Изменен механизм избрания законодательных органов власти субъектов федерации, в т.ч. республик. 12 июня 2002 г. издан Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [8]. По нему субъекты федерации до 14 июля 2003 г. ввели в своем законодательстве нормы, обеспечивающие распределение не менее 50% депутатских мандатов между кандидатами, выдвинутыми избирательными объединениями и блоками.

Новая система центр – региональных отношений приобрела завершенность в декабре 2004 г. с принятием федеральных актов о косвенных выборах высших должностных лиц субъектов РФ [6]. Тем самым, статусы президентов республик в составе России, глав администраций краев и областей признаны равными. Введена процедура отзыва высшего должностного лица субъекта РФ в случае нарушения им законодательства, неоднократного невыполнения своих должностных обязанностей [6].

Позитивный момент в отмене выборов глав исполнительной власти республик, - назначение высших должностных лиц в регионах могло стать эффективным инструментом в борьбе с клиентелизмом, коррупцией и криминализацией власти. Тем более, что низкий уровень

соревновательности, который наблюдался на выборах в северокавказских республиках в 1990 - начале 2000-х гг., не соответствовал демократии - некоторые главы республик, возглавлявшие их с советских времен, избирались по три и четыре срока подряд (В. Коков, М. Магомедов).

Можно предложить комплекс норм, приближающих региональные модели разделения властей к равновесному состоянию:

- право законодательных собраний налагать вето на правовые акты администраций и глав исполнительной власти;
- право легислатур выносить вотум недоверия и проводить импичмент глав исполнительной власти;
- взаимное право органов власти на запросы и представления об отмене правовых актов;
- решение споров ветвей власти через согласительные комиссии и уставные суды регионов;
- право губернатора (президента) региона на отлагательное вето по законам, принятым легислатурой;
- расширение численности депутатов и введение постоянной оплачиваемой работы всего их состава;
- право главы исполнительной власти региона и Президента РФ досрочно прекратить полномочия представительного органа на основании судебного решения о грубых нарушениях Конституции РФ, федерального и регионального законодательства.

Список литературы:

1. Гельман В.Я. Россия регионов [Текст] / В.Я. Гельман, С.И. Рыженков, М. Бри. - М.: Весь мир; «Berliner Debatte Wissenschaftsvellag», 2000. – 376 с.
2. Кононенко П.Б. Политические факторы конституционного строительства в республиках Российской Федерации [Текст] // Полис. - 2003. - №6. - С.138–142.
3. Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного суда России [Текст] / Рук.: Л.В. Лазарев, Т.Г. Морщакова, Б.А. Страшун и др. – М.: Изд-во Ин-та публичной политики и права, 2005. – 448 с.
4. Кузьмин А.С. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации [Текст] А.С. Кузьмин, Н.Дж. Мелвин, В.Д. Нечаев // Полис. - 2002. - №3. - С.142–155. (Полностью шкала приведена в работе П.Б. Кононенко).

5. Указ Президента №849 от 13 мая 2000 г. «О полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральном округе» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2000. №20. - Ст.2112.
6. Указ Президента РФ №1603 «О порядке рассмотрения кандидатур на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации» от 27 декабря 2004 г. [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL.:<http://www.kremlin.ru>
7. Федеральный закон № 184 от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1999. - №42. - Ст. 5005.
8. Федеральный закон №67 от 12 июня 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL.:[http:// www.gd2003.cikrf.ru](http://www.gd2003.cikrf.ru)
9. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах [Текст] / С. Хантингтон. - М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 480 с.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПАРТИИ ВЛАСТИ С ОППОЗИЦИОННЫМИ ПАРТИЯМИ В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВА

Косогов Евгений Владимирович

*аспирант, Орловский государственный технический университет,
учебно-научный производственный комплекс, г. Орёл
E-mail: boqatir999@mail.ru*

Многие ученые сходятся во мнении, что первым глобальным экономическим кризисом являлся кризис 1825г., затронувший экономику Англии, США и Франции сразу в нескольких отраслях производства [1, с. 5]. С этого момента данные процессы возникают периодически на всем финансово-экономическом мировом пространстве, сотрясая экономику отдельных стран и вынуждая правительства принимать по выходу из сложившихся ситуаций

экстраординарные и не вполне популярные меры, приводящие к социально-политической нестабильности (например, повышение цен за образовательные услуги в Великобритании вылились в масштабные демонстрации студентов).

В современной России к потрясениям, приведшим к значительному обвалу экономики, в первую очередь относят произошедший кризис в августе 1998г. именуемый не иначе как «дефолт», вызванный последствием огромных государственных займов России, обвалом экономик азиатских государств и установлением низких мировых цен на сырье. Вторым – существенным событием, оказавшим колоссальное влияние на финансовую сферу многих мировых держав, в том числе и России, является мировой финансово-экономический кризис 2008г. К первопричине, его распространения и развития многие исследователи относят ипотечный кризис в США, приведший к падению котировок на фондовом рынке [4]. В результате данный процесс приобрел мировой характер распространения регрессии, оказавшей влияние на повсеместное снижение объемов производства, спроса и цены на сырье, а так же роста безработицы.

Следует отметить, что фактором, инициирующим распространение кризиса в Россию можно считать постепенную интеграцию российской экономики в мировое сообщество, когда каждое политическое и социально-экономическое событие за рубежом оказывает серьезное влияние на стоимость облигаций и акций, на ликвидность, доходы граждан и рост или снижение темпов экономического развития.

Исследование показывает, что мировой финансово-экономический кризис, выявивший слабую основу российской экономики, поставил вопрос об эффективности государственного управления, и соучастия в нем основополагающих элементов гражданского общества – политических партий. Необходимо подчеркнуть, что многие из них пользуются недостаточно высоким политическим весом и авторитетом, как на государственном уровне, так и у граждан Российской Федерации, чего нельзя сказать о партии власти – «Единой России», которую возглавляет Премьер-министр В.В. Путин.

Поэтому, учитывая то обстоятельство, что экономический кризис носит не кратковременный, а затяжной характер, оказывающий влияние на социально-экономическое положение российского общества, «партии власти», по нашему мнению, необходимо, как можно скорее предпринять меры по снижению элементов стагнации в

развитии экономики, в противном случае возможен рост социального недовольства среди граждан. При этом стоит отметить, что российское правительство пытается реагировать на возникающие негативные моменты. Так, например, индексируются пенсионные выплаты, тем не менее, благодаря высокой инфляции увеличения уровня жизни граждан достигнуть не удастся [5].

Как показывает практика, в России отсутствуют политические страховочные механизмы, существующие в демократических государствах в лице дееспособной оппозиции, взаимодействие с которой даст правительству возможность удерживать страну от серьезных социально-политических потрясений. В российском государстве существует определенная угроза деградации выстроенной «сверху» партийной политической системы и возникновения политического вакуума, который попытаются заполнить не просто внесистемные, но и радикальные политические силы, причем как левого, так и правого толка. К данным политическим силам, например, можно отнести оппозиционное движение «Солидарность», руководимое Б. Немцовым и И. Яшиным, движение «Другая Россия», возглавляемое Э. Лимоновым, «Левый фронт» под руководством К. Косякина [3]. Очевидно, что при прогрессивном увеличении радикальных настроений в стране в условиях кризиса велика опасность роста антиправительственных настроений и митингов.

Отметим, что современная партийная система России – это сформированный, в определенном смысле, «сверху» политический порядок, в котором в ближайшее время существенных изменений ожидать не приходится. Поэтому существующий кризис – фактор проверки устойчивости и эффективности политического строя, а также партийной структуры, выработанной и функционирующей в Российской Федерации. Так, например, в случае неудачи намеченных правительством реформ, у граждан России может вполне закономерно появиться желание к поиску другой политической силы, способной вывести страну из кризиса. И этим могут воспользоваться радикальные силы, преследующие свои политические интересы, не всегда отвечающие интересам всего народа. Поэтому, именно поиск путей сотрудничества руководящей партии «Единая Россия» с конструктивной оппозицией, может способствовать улучшению социально-политического и экономического климата в стране. Тем более, что у всех трех оппозиционных партий, входящих в ныне действующую Государственную Думу РФ есть свои планы по выводу страны из кризиса. Поэтому, по нашему мнению, необходимо провести краткий анализ данных программ.

Анализируя программу политической партии «Справедливая Россия», отметим, что в ней, причиной финансово-экономического кризиса в Российской Федерации выделяется сырьевая зависимость экономики России от стран, потребляющих экспортируемого ею сырья. При этом, по мнению руководства партии, при снижении цен на полезные ископаемые наполнение Государственного бюджета может значительно сократиться, что может негативно отразиться на ключевых показателях российской экономики. Именно поэтому возникает необходимость постепенного перехода от сырьевой к высокотехнологичной и модернизационной экономике. Очевидным отрицательным фактором развития финансового регулирования денежных потоков за пределами Российской Федерации партия «Справедливая Россия» относит: стабилизационный фонд и страхование национальной экономики в иностранных ценных бумагах. Это притом, что правительством нашей страны не в полной мере учитываются риски взаимозависимости финансовых кризисов в современном мире, зачастую приводящие к снижению количества денежных средств.

Руководство партии в целях благополучного выхода России из финансово-экономического кризиса предлагает рационально инвестировать внутригосударственные валютные резервы в реальный сектор экономики России, чтобы сохранить рабочие места и способствовать снижению безработицы. Уже с началом кризиса основной упор «Справедливой России» делался на поддержку производственных отраслей и снижению НДС до 10% сроком на 1 год, а также налоговое стимулирование малого бизнеса. Партией предлагалось предоставить на время кризиса социальные льготы слабо защищенным слоям населения (пенсионерам и учащимся). Основное внимание при этом уделялось ЖКХ. В данной сфере планировалось заморозить цены на оплату коммунальных услуг, либо субсидировать их государству если затраты человека на их оплату превышают его доход более чем на 10% [2]. По нашему мнению, предложения руководства партии «Справедливая Россия» имеют свои положительные стороны, так как направлены на стабилизацию российской экономики, и на сохранение приемлемого уровня благосостояния граждан в кризисное время.

Анализ программы партии ЛДПР выявил как значительные отличия от программы «Справедливой России», так и определенное сходство. Подобие программ заключается в том, что они призывают к интенсивному инвестированию в производство страны, контролю над ростом цен на ЖКХ и защите малообеспеченных граждан. Отличия

закключаются в том, что руководство ЛДПР основной задачей выделяет внешнеэкономическую деятельность нашего правительства: наведение порядка во внешней торговле, уменьшение числа посредников в данной сфере и принятии Закона, регулирующего наценки на товары. Так, например, в сельскохозяйственной отрасли ЛДПР предлагает установить гарантированные закупочные цены для производителей зерна. В банковской сфере данная политическая партия предлагает снизить ставку рефинансирования с 13% до 10%, а в последующем до 4%, и ввести ограничения заимствований российских банков у иностранных партнеров.

Касаясь внутренних проблем, руководство партии призывает принять ряд антикоррупционных законопроектов, способствующих снижению взяточничества в государственных структурах и в целом по стране. К мерам, стимулирующим рост производства в России, ЛДПР относит снижение внутренних цен на нефть, газ и электроэнергию. Есть у данной партии предложения, касающиеся политической сферы. Так, например, предлагается принять Закон о верхнем пределе получения депутатских мандатов в Государственной думе РФ. Для исключения элементов авторитарного проявления принятия политических решений их предлагается ограничить до 40% от одной партии [8]. Анализ вышеперечисленных предложений ЛДПР по выходу из кризиса, позволяет сделать вывод, что в программе наличествует ряд конструктивных мер, способствующих развитию российского финансово-экономического сектора экономики и повышению эффективности управления государством.

Пути по выходу из кризиса были предложены и политической партией КПрФ. Сходство антикризисной программы КПрФ с предложениями вышеперечисленных партий заключается в предложении усиленного инвестирования российской экономики, а так же в установлении жесткого контроля над финансовой сферой. Как и ЛДПР, КПрФ призывает к введению более справедливого налогообложения и понижению ставок по кредитам, чтобы осуществить вложение солидных инвестиций в сельское хозяйство и, тем самым, поддержать малый и средний бизнес. Однако, кроме социально-экономических аспектов, коммунисты предлагают вернуть добывающую отрасль в общенародную собственность, что, по их мнению, будет способствовать наведению порядка в ценовом регулировании. Принципиальным отличием программы коммунистической партии следует считать также значительное обеспечение финансирования науки с целью перехода к инновационной экономике [7]. Таким образом, в качестве основных

задач, стоящих перед Россией, КПРФ выделяет усиление контроля со стороны государства и общества над экономической сферой, а также развитие наукоемкой промышленности, что также является необходимым условием для вывода страны из кризиса.

К сожалению, рассмотренные нами программы оппозиционных политических партий КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия», и имеющие конструктивные предложения по выводу страны из кризиса, могут остаться лишь на бумаге. Дело в том, что возможность их хотя бы частичной реализации зависит от желания руководящей партии «Единая Россия», которой была предложена своя программа антикризисных мер [6].

Анализ программы политической партии «Единая Россия» позволил сделать выводы, что к основным мерам по выводу страны из кризиса, руководство партии относит: инвестирование в автомобильную промышленность страны, поддержка финансовой системы, стимулирование и содействие развитию сельского хозяйства, переподготовку работающего населения, оказавшегося на грани увольнения либо уволенного, переориентацию на модернизацию экономики и производства. В целом, все перечисленные задачи являются жизненно необходимыми в условиях финансово-экономического кризиса.

Однако, к сожалению, руководству страны не удалось избежать в процессе их реализации таких негативных моментов как: уменьшение роста производства, рост цен на товары и услуги, увеличение числа безработицы и снижение уровня жизни. В результате не до конца продуманных решений было осуществлено избыточное вложение денежных средств в банковский сектор, что вызвало ущемление интересов граждан в социальной сфере и т.д. Сегодня, в результате стагнации российской экономики наблюдается падение роста промышленного производства. В результате слабой технической модернизации промышленности, производительность и качество товаров, по сравнению с развитыми странами, остается на низком уровне. Единственной отраслью, позволяющей государству инвестировать сверхприбыль в отрасли народного хозяйства и на реализацию социальных гарантий гражданам страны, остается энергодобывающая отрасль.

Вполне очевидно, что главным отличием партии «Единая Россия» от ее политических оппонентов – партий КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» является то, что ей приходится на практике реализовывать поставленные задачи, а также индивидуально нести ответственность за их выполнение. Программа, выдвинутая партией

«Единая Россия» является основополагающей и концептуальной. Однако, по нашему мнению, успешность поставленных и реализуемых задач будет полностью зависеть от конструктивного взаимодействия всех политических сил, существующих сегодня в современной Российской Федерации. Руководству партии «Единая Россия» необходимо учитывать то положительное, что предлагается ее политическими конкурентами, и только в этом случае деятельность «партии власти» может получить поддержку в обществе и успех в проводимых антикризисных мероприятиях.

Список литературы:

1. Гринин Л. Е. Об истории экономических кризисов. Глобальный кризис как кризис перепроизводства денег. // Философия и общество. № 1, 2009. – с. 5
2. Интернет журнал: «Новая политика», «Справедливая Россия» представила свой план действий в условиях мирового кризиса, 16.12.2008г. // <http://www.novopol.ru/--spravedlivaya-rossiya-predstavila-svoy-plan-deystviy-text58094.html>.
3. Козенко А., Джозуа Т., Бориса Немцова приняли в Евросуде на скорую руку // «Коммерсантъ-Власть», №2, от 12 января 2011.
4. Миркин Я., Эскиндаров М., Сценарии кризиса в России и политика противодействия // Российская газета, от 13 марта 2008г.
5. Невинная И., С сегодняшнего дня трудовые пенсии увеличены на 8,8 процента // Российская газета. 2011. 1 февраля.
6. Сайт политической партии «Единая Россия», Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год, 19.06.2009г. // <http://er.ru/text.shtml?8/5435>.
7. Сайт политической партии КППФ, Ярославское областное отделение, Пятнадцать шагов по выходу из кризиса 20.04.2009г. // <http://yarkprf.ucoz.ru/news/2009-04-20-21>.
8. Сайт политической партии ЛДПР, Программа ЛДПР по выходу из кризиса // http://www.ldpr.ru/party/Program/Program_od_LDPR_to_overcome_crisis.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Севостьянов Дмитрий Валерьевич

аспирант КемГУ, г. Кемерово

E-mail: muck666@yandex.ru

Активная общественность делится на группировки, которые связывают правящую часть населения с его основной массой. Кроме так называемых групп интересов, среди общественности есть группы, которые создаются специально для политического действия. Эти мобилизованные для постоянного участия в политической жизни группы граждан называются политическими партиями. Политические партии образуют ядро активной и организованной общественности, поскольку их главной задачей является борьба за распределение государственной власти и контроль над нею. В настоящее время можно сказать, что в результате своего исторического развития партия сформировалась как специализированная, организационно упорядоченная группа, объединяющая наиболее активных приверженцев тех или иных целей (идеологий, лидеров) и служащая для борьбы за завоевание и использование высшей политической власти [1].

Целью нашей работы является систематизация наиболее известных подходов к классификации политических партий – как одного из основных элементов политической системы. Классификация играет важную роль в исследовании феномена партии как таковой, поскольку, учитывая существующее многообразие партий в современном мире политики, она позволит нам наиболее точно охарактеризовать принадлежность того или иного партийного образца к определенному типу. Отсюда – необходимость в исследовании теоретического базиса этой проблематики.

Как справедливо отмечает, крупный специалист А.И. Соловьев, «исторически первые попытки классификации партийных объединений явно тяготели к моральным (подразумевавшим разделение на «хорошие» и «неблагородные» союзы) и количественным («большие» и «малые» партии) критериям» [1].

В марксистской литературе имеет место классификация политических партий по социально-классовому критерию. Согласно ей, в современном мире можно выделить следующие типы политических партий:

1) Партии, идеология, программа и политика которых направлены на утверждение и совершенствование капитализма, различных форм социальных отношений в рамках буржуазного общества. Их различают по конкретным подходам, способам достижения программных целей, определяя как правоконсервативные, центристские и либерально-реформистские. Сторонники марксистского подхода, в частности М.А. Марченко и М.Х. Фарукшин, к классификации партий называют партии, принадлежащие к данному типу, «буржуазными».

2) Партии социалистического выбора, отстаивающие и выражающие интересы трудящихся, главным образом, интересы рабочего класса. Это – коммунистические, социалистические, социал-демократические, лейбористские партии. Общие цели их программ и политики – достижение свободы и равноправия личности, создание социальных гарантий для реализации ее прав и интересов, утверждение в обществе социальной справедливости, реальной демократии, солидарности людей труда; защита наемных работников от социального угнетения и эксплуатации, преодоление отчуждения работника от средств производства и управления обществом; приоритет общественной собственности на средства производства, установление демократического контроля над развитием национального хозяйства с помощью главным образом экономических мер.

3) Партии, призванные защищать интересы преимущественно мелких собственников города и деревни, средних слоев. По международной классификации их именуют демократическими.

4) Партии, идеология, платформа и практические действия которых имеют национально-демократическую окраску. Они возникают под влиянием роста национального самосознания народов, недовольства ущемлением их прав. Именно на такой почве возникли, например, Уэльская и Шотландская партии в Великобритании, Индийский национальный конгресс.

5) Особую группу составляют партии, ориентирующиеся на верующих. Программные платформы этих партий опираются на догматы основных религий. Это православные, католические, протестантские, мусульманские и другие партии [3].

Одна из наиболее распространенных типологий партий: кадровые – массовые, была разработана в начале 50-х гг. известным французским политологом и социологом М. Дюверже. Кадровые партии возникли в процессе эволюции в середине XIX в. из электоральных комитетов и парламентских групп. Они отличаются

сравнительной немногочисленностью, достаточно свободным членством и опираются, прежде всего, на профессиональных политиков, финансовую элиту, способную обеспечить партии материальную поддержку. Эти партии ориентированы на электоральные функции. В них доминируют парламентарии. Вследствие элитного характера они размещены от центра к правому крылу, и обычно представлены либеральными и консервативными партиями. Кадровые партии, деятельность которых нацелена прежде всего на выборы ориентированы не на то, чтобы иметь как можно больше членов, а на то, чтобы объединить актив, представителей социальных элит. [2] Партии стремятся привлечь их на свою сторону, поскольку они пользуются влиянием у избирателей или же имеют состояние, помогающее покрыть расходы на избирательные кампании. В кадровых партиях предпочтение отдается качеству, а не количеству вступивших.

Массовые партии характеризуются многочисленностью и постоянным членством. Они возникли позже кадровых, а связи с распространением всеобщего избирательного права, во многом на волне рабочего движения. Массовые партии отличаются четкая идеологическая ориентация, использование активных воспитательных форм деятельности, наличие тесной связи между членами и различными партийными структурами. Это коммунистические, социал-демократические, популистские и правившие в прошлом фашистские партии.

Типология партий М. Дюверже была дополнена Ж. Блонделем. Он подразделял массовые партии на:

- представительные западного типа;
- коммунистические;
- популистские.

В современной западной политологии более актуальна иная классификация политических партий – не по идеологическому и социально-классовому признаку, а по функциональным и организационным критериям. Этот критерий позволяет более точно дифференцировать партии в качестве политических институтов. Опираясь на первый, американский социолог Стивен Козн выделяет следующие типы политических партий:

1) Партии авангардного типа, появившиеся в ходе развития рабочего движения. Для них характерны повышенные требования к вступающим в партию, детальная регламентация деятельности и внутренней жизни партии, строгая партийная дисциплина и т. д. Главный объект их политики – трудящиеся массы, повседневная

работа по их социальному просвещению и организации во имя торжества справедливости. С. Коэн считает, что если авангардная партия приходит к власти, она быстро становится частью административной системы, ее номенклатурой, действительно, история знает немало подобных примеров.

2) Партии, предназначенные главным образом для избирательных кампаний (сбора средств для их проведения, выдвижения кандидатов, организации агитации в их поддержку и т. д.). Как правило, такие партии не имеют фиксированного членства, партийных билетов, обязательных членских взносов. Они формируются за счет добровольных пожертвований корпораций, частных лиц, общественных организаций и ассигнований из государственного бюджета. Таковы, например, две ведущие партии США – Республиканская и Демократическая.

3) Парламентские партии. Их основные функции схожи с задачами вышеназванных партий. Однако они более многообразны и охватывают весь спектр парламентской деятельности: разработку стратегии и тактики избирательных кампаний, программ, реализации которых они будут добиваться в органах власти; изучение общественного мнения об обстановке в различных регионах и в стране в целом, оценку формальных и неформальных лидеров; подбор и выдвижение кандидатов, их подготовку к участию в избирательной кампании, а затем и к деятельности в системе государственных органов; идеологическую и организационную работу по обеспечению победы кандидатов на выборах; решение технических и финансовых вопросов, связанных с выборами; организацию противодействия конкурирующим партиям и их кандидатам; контроль за деятельностью избранных депутатов и их фракций в парламенте, муниципалитетах и т. д.

4) Партия-община или партия-клуб. Она представляет собой массовую организацию, объединяющую граждан не только по принадлежности к какой-либо политической платформе, сколько по общности взглядов, интересов, культурных запросов. В такую партию люди вступают, чтобы удовлетворить потребности в общении, обсуждении насущных, жизненно важных проблем с близкими по духу. К этой группе можно отнести организацию «зеленых», объединения защитников исторических памятников, «синих» (борются за коренное улучшение социальной экологии), всевозможные ассоциации, клубы по интересам.

5) «Карманные» партии – небольшие по численности организации, созданные, как правило, несостоявшимися лидерами

«под свою» программу для реализации своих эгоистических устремлений. Подобные партии функционируют на уровне немногочисленного руководства и, прежде всего самого лидера, не имея очерченной социальной базы [3].

Партии можно классифицировать также по следующим основаниям:

1) По классовой природе. Рабочие: социал-демократические, коммунистические; буржуазные: мелкобуржуазные, национальной буржуазии, компрадорской, торгово-ростовщической буржуазии; средних слоев: демократические; крестьянские; межклассовые: рабочее - крестьянские, интеллигенции, националистические, конфессиональные, трибалистские (племенные).

2) По средствам политической деятельности. Преимущественно парламентские и преимущественно внепарламентского действия.

3) По отношению к существующему общественному строю. Революционные, реформистские, либеральные, консервативные.

4) По типу организационной структуры. Кадровые и массовые: жестко или гибко организованные.

5) По месту и роли в политической системе общества. Доминирующие (правлящие или неправящие) или маловлиятельные; «левые», центристские, правые; оппозиционные.

6) По отношению к форме государственного устройства. Унитаристские, федералистские, сепаратистские.

7) По идеологической направленности доктрин: социал-демократические, коммунистические, либеральные, консервативные, конфессиональные, монархические, националистические, фашистские (неофашистские) [2].

Суммируя вышесказанное, можно выявить определенные критерии в классификации партий, а именно: морально-этический, количественный, социально-классовый, идеологический, функциональный, организационный.

Список литературы:

1. Соловьёв А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. [Текст] / А.И. Соловьев. — М.: Аспект пресс, 2001.-559с.
2. Ирхин Ю.В., Зотов, В.Д., Зотова, Л.В. Политология. [Текст] / Ю.В. Ирхин, В.Д. Зотов, Л.В. Зотова. - М.: Юристъ, 2002.-511с.

3. Политология: методическое пособие для студентов гуманитарного факультета [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://dvo.sut.ru/libr/sotciolo/053apan/6.htm>

**РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПОВ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В
«ДЕКЛАРАЦИИ О ЛИКВИДАЦИИ ВСЕХ ФОРМ
НЕТЕРПИМОСТИ И ДИСКРИМИНАЦИИ НА ОСНОВЕ
РЕЛИГИИ И УБЕЖДЕНИЙ»**

Таранюк Жан Петрович

аспирант СИМОуР, г. Новосибирск

E-mail: janiki@mail.ru

В 1981 г. в рамках ООН был принят важный документ в области правового регулирования свободы совести. Принятие «Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений» (далее – Декларация 1981) стало очередным шагом по пути развития и юридического оформления принципов свободы совести в международном праве. Этот документ стал определенным итогом предыдущей работы в области международного права касательно религиозной свободы и явился компромиссным вариантом соглашения политиков, правоведов, правозащитников разных стран и представителей различных политических систем. В преамбуле ясно сказано, что документ является продолжением той же правовой линии, что значится во Всеобщей декларации и Международных пактах (1966г.): «... принимая во внимание, что во Всеобщей декларации прав человека и в Международных пактах о правах человека провозглашаются принципы недискриминации и равенства перед законом и право на свободу мысли, совести, религии или убеждения...» [8; с.507-511] .

Декларация (1981), пожалуй, стала наиболее всеобъемлющим документом по международно-правовой защите религиозных прав. Она состоит из довольно пространной преамбулы и восьми статей. Кроме указанной выше ссылки на принятые ранее документы, в преамбуле содержатся следующие важные тезисы:

- религиозная нетерпимость часто является причиной войн;
- религия является одним из «основных элементов

понимания жизни»;

- религиозную свободу следует «полностью соблюдать и гарантировать»;
- свобода религии способствует миру, взаимопониманию и социальному прогрессу;
- в то же время, нетерпимость все еще проявляется во многих регионах мира.

Таким образом, уже в преамбуле ощущается, с одной стороны, чрезвычайная важность вопроса, а с другой, обеспокоенность текущим положением в области религиозной свободы.

Перейдем к анализу текста Декларации. Первые пять статей повторяют основные правовые гарантии свободы вероисповедания, как они ранее были провозглашены во Всеобщей декларации (1948) и Международных пактах (1966): право на свободу совести, религии и мысли (ст.1), право на религиозное воспитание детей (ст.5), право на защиту от дискриминации (ст.2-3).

Однако, появляется целый ряд положений, которые отсутствовали в предыдущих документах. Во-первых, приводится толкование понятия «религиозная нетерпимость и дискриминация». Согласно ст.2 п.2, «„нетерпимость и дискриминация на основе религии или убеждений” означает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на религии или убеждениях и имеющее целью или следствием уничтожение или умаление признания, пользования или осуществления на основе равенства прав человека и основных свобод». Заметим, что этот аспект свободы совести имеет самое непосредственное отношение к вопросу отношения религии и государства. Любые «реверансы» власти в сторону какой-нибудь конфессии или конфессиональной группы, влекущие более удобные условия деятельности, попадут под категорию дискриминации, что противоречит самому принципу свободы совести. Такое определение «дискриминации» должно побудить власти быть чрезвычайно осторожными и исключить практику «особых» отношений с отдельными религиозными организациями.

Во-вторых, фактор внутригосударственного положения в области соблюдения и обеспечения религиозной свободы возводится в разряд межгосударственных, и нарушение или отсутствие свободы религии интерпретируется как нарушение Устава ООН и других документов о правах человека. Статья 3 Декларации (1981) гласит, что «дискриминация людей на основе религии или убеждений является оскорблением достоинства человеческой личности и отрицанием принципов Устава Организации Объединенных Наций и осуждается как нарушение прав человека и основных свобод, провозглашенных во

Всеобщей декларации прав человека и подробно изложенных в Международных пактах о правах человека, и как препятствие для дружественных и мирных отношений между государствами». Вероятно, именно поэтому принятие закона о свободе совести в России в 1997г. вызвало столь бурную реакцию мирового сообщества и обсуждалось в международных организациях разного уровня. Другим следствием этой статьи является то, что такое понимание свободы совести дает право и основания различным международным организациям осуществлять мониторинг реализации свободы совести в различных государствах.

В-третьих, впервые в международных документах была приведена столь расширенная интерпретация понятия свободы совести, мысли и религии. Статья 6 говорит, что «право на свободу мысли, совести, религии или убеждений включает, в частности, следующие свободы»:

- а) отправлять культы или собираться в связи с религией или убеждениями и создавать и содержать места для этих целей;
- б) создавать и содержать соответствующие благотворительные или гуманитарные учреждения;
- в) производить, приобретать и использовать в соответствующем объеме необходимые предметы и материалы, связанные с религиозными обрядами или обычаями или убеждениями;
- г) писать, выпускать и распространять соответствующие публикации в этих областях;
- д) вести преподавание по вопросам религии или убеждений в местах, подходящих для этой цели;
- е) испрашивать и получать от отдельных лиц и организаций добровольные финансовые и иные пожертвования;
- ж) готовить, назначать, избирать или назначать по праву наследования соответствующих руководителей согласно потребностям и нормам той или иной религии или убеждений;
- з) соблюдать дни отдыха и отмечать праздники и отправлять обряды в соответствии с предписаниями религии и убеждениями;
- и) устанавливать и поддерживать связи с отдельными лицами и общинами в области религии и убеждений на национальном и международном уровнях

Принятие Декларации вызвало жаркие дискуссии по некоторым ее положениям. В процессе подготовки документа сторонники атеизма (представители социалистического лагеря) возражали против использования в тексте термина «религия», поскольку видели в этом игнорирование атеистических взглядов. Компромиссным решением

стало включение в преамбулу и ст.1 слов «любого рода» после слова «убеждений» («Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь религию или убеждения любого рода по своему выбору...»). Тем самым были удовлетворены сторонники теизма и атеизма, а понятие «свобода совести» вобрало также в себя не только религиозные взгляды, но и атеистические [7; с.569].

Другим спорным моментом стало положение о праве изменять религию. Как мы заметили выше, Пакты (1966) обошли этот вопрос, не включив гарантии менять свою религию. При подготовке Декларации (1981) против включения этого пункта резко выступили мусульманские страны. В результате, положение о праве изменять одну религию на другую было удалено из текста. Это, бесспорно, ослабило документ по сравнению с Всеобщей декларацией, где положение о праве «менять» религию содержится. Для баланса добавили ст. 8, где сказано, что «ничто в настоящей Декларации не должно истолковываться в смысле ограничения или отхода от любого права, как оно определено во Всеобщей декларации прав человека и в Международных пактах о правах человека». Поскольку во Всеобщей декларации право менять религию закреплено, эта ссылка явилась определенной компенсацией для сторонников включения подобного положения [7].

Однако, очевидно, что эта проблема в мире остается. В 2006г. специальный докладчик ООН в своем докладе с тревогой отмечала, что «в различных регионах мира государство приняло или рассматривает на предмет принятия законодательство, которое либо ограничивает возможность обращения в иную веру, либо относит к разряду противозаконных определенные деяния, способствующие такому обращению» [5].

Анализируя значимость Декларации (1981) для развития религиозной свободы необходимо отметить следующее. Данный документ наиболее всеобъемлющий по содержащимся в нем нормам и положениям из всех международных документов универсального характера. Как сказал об этом профессор права Роджер Кларк: «Наибольшее достоинство Декларации заключается в большей конкретизации общих норм Всеобщей декларации и Международного пакта 1966 г.» [1]. Он отмечает также, что этот документ должен быть одним из основных «в арсенале Генерального секретаря ООН и Верховного Комиссара ООН по правам человека» при рассмотрении вопросов религиозной свободы [1].

Однако, нужно заметить, что статус Декларации (1981г.)

представляет собой «необязательный» документ. Поскольку это именно декларация, провозглашенная, но не подписанная государствами, ее статус ниже чем, например, Международного пакта (1966г.). Поэтому уже давно ведется дискуссия относительно изменения статуса Декларации и превращения ее в Международный договор. Так, специальные докладчики в ООН по проблемам религиозной нетерпимости неоднократно настаивали на усилении Декларации через придание ей договорного статуса. В отчете 1990 года Анжело Видал де Альмейда Рибейро утверждает, что «хотя международная система имеет целый ряд обязательных норм в области свободы религии или убеждений, злободневность проблемы нетерпимости и дискриминации в этой сфере призывают к подготовке международного инструмента специально по устранению этого феномена» [4]. В то же время, профессор Доусонского института церковно – государственных исследований при Бэйлорском университете Дерек Дэйвис считает, что время изменения статуса Декларации еще не наступило. Он, в частности, в 2002 году отмечал, что «существует много трудностей в отношениях между основными религиозными традициями, так что еще очень рано настаивать на универсализации некоторых прав человека». Он считает, что придание Декларации статуса договора «приведет к отказу некоторых государств его подписывать, что, в свою очередь, будет означать окончание прогресса во взаимодействии с этими государствами по признанию принципов Декларации. Более того, многие государства не принимают статус договора, поскольку трактуют его как вмешательство в национальный суверенитет и право на проведение своей собственной политики»[2]. Поэтому сегодня соответствующие структуры ООН ограничиваются стремлением пропагандировать принципы Декларации (1981), как это отмечено в докладе специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений Асмы Джахангир от 26 декабря 2006г [6].

Все же, несмотря на декларационный характер документа, по всеобщему мнению Декларация (1981г.) представляется весьма важным документом. Она является официальным документом ООН и «обладает высоким уровнем морального значения» [2]. Как заметил Б. Тазиб: «Государства расценивают Декларацию 1981 г., или, по крайней мере, некоторые ее положения как нормативные и как часть международного права» [3; с. 187].

Список литературы:

1. Clark Roger S. The United Nations Declaration on the Elimination

- of All Forms of Intolerance and of Discrimination, Based on Religion or Belief. 31 Chitty's L.J. 23, 29 (1983).
2. Derek H. Davis. The Evolution of Religious Freedom, as a Universal Human Right: Examining the Role of the 1981 United Nations Declaration on the Elimination of All Forms of Intolerance and of Discrimination, Based on Religion or Belief. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://www.law2.byu.edu/lawreview/archives/2002/2/dav2.pdf>.
3. Tahzib B. G. Freedom of Religion or Belief: Ensuring Effective International Legal Protection (1996).
4. Vidal A. D'Almeida Ribeiro. Implementation of the Declaration on the Elimination of All Forms of Intolerance and of Discrimination, Based on Religion or Belief. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: U.N.Doc.E/CN/4/1990/46 (1990).
5. Доклад Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений, A/61/340, от 13 сентября 2006. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/520/70/PDF/N0652070.pdf>
6. Доклад Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений Асмы Джахангир от 26 декабря 2006г. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/G07/100/23/PDF/G0710023.pdf>
7. Дэйвис Д. Декларация Организации Объединенных Наций «О ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений» как фактор защиты религиозной свободы. Перевод Е.М. Мирошниковой. / Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. - Выпуск 3. – М. - 2006.
8. СССР и международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. М.: Международные отношения, 1989.

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖИ

Торохова Наталья Евгеньевна

студентка, Иркутский Государственный Университет, г. Иркутск

E-mail: torohova91@list.ru

Мясников Дмитрий Александрович

*к. и. н., старший преподаватель кафедры «Отечественной истории и политологии» Иркутского Государственного Университета,
г. Иркутск*

В условиях глобальных изменений, охвативших все мировое сообщество, большое значение приобретают проблемы адаптации личности к новым условиям. Глобальные проблемы современности (экологические, социальные, национальные, политические, нравственные) оказывают влияние на развитие общества, цивилизации, культуры, при этом важным специфическим объектом воздействия указанных проблем оказывается молодое поколение, которое, повзрослев лет через 20, станет социальной группой, определяющей положение дел в стране. Молодежь – это большая открытая, возрастная, необходимая для нормального функционирования социума группа, поэтому молодежные проблемы являются проблемами всего общества.

Система взаимоотношений «общество – молодежь» представляет собой диалектическое взаимодействие целого и части: общество формирует соответствующий тип молодежи, в то время как последняя во многом определяет тенденцию развития социума, его будущее. Так сказать, молодежь – основа развития и процветания общества. Заинтересованность общества проблемами молодежи означает создание условий для развития потенциала молодого человека (его интеллекта, духовности, образованности, национального менталитета, патриотизма и т.п.), их реализацию, а также проведение продуманной гуманистической (человеколюбивой) молодежной политики, способствующей укреплению связей между поколениями. Всё, что мы имеем на сегодняшний день, является отголосками той политики, имевшей место быть до 90-х годов прошлого века. Политические переломы, происходившие в конце XX столетия дали базу для создания новой молодёжи, новой ветви её социально-политического развития, которой действительно необходимо участвовать в жизни страны.

Все механизмы социализации, так или иначе, касаются решения трех групп проблем: социально-психологических, естественно-культурных и социально-культурных. Социально-психологические проблемы связаны со становлением самосознания молодых людей, их самоопределением, самоактуализацией, самоутверждением и саморазвитием. На этапе молодости эти проблемы социализации имеют особое, специфическое содержание, появляются разные способы их решения, происходит становление молодого человека как гражданина, имеющего права и обязанности.

Естественно-культурные проблемы также оказывают влияние на процесс социализации молодежи в современном Российском обществе. Его содержание связано с достижением человеком определенного уровня физического и сексуального развития. Проблемы эти часто касаются региональных различий, поскольку темпы физического и полового созревания могут заметно различаться: на юге они оказываются значительно более высокими, чем на севере. Естественно-культурные проблемы социализации могут затрагивать также вопросы формирования эталонов мужественности и женственности в различных культурах, этносах, регионах.

Социально-культурные проблемы социализации имеют своим содержанием приобщение личности к определенному уровню культуры, к той или иной совокупности знаний, умений и навыков.

Все перечисленные проблемы социализации и их решения являются объективной необходимостью для личности. В случае осознания таких проблем она вполне способна их плодотворно решать — конечно, при наличии необходимых объективных предпосылок для этого.

Ставка на молодежь — давний инструмент как поддержания национального духа, так и внешней экспансии, как диалога культур, так и подрыва ценностных систем. И в современной России этот вопрос звучит, что называется, во весь голос.

Сегодня провозглашать, что молодежь наше будущее, а на деле бояться ее безответственности, говорить, что молодёжь аполитична, — это слабая политика, ни к чему хорошему не приводящая. Нужна реалистическая оценка состояния молодежи и молодежного движения. На этой основе государству и обществу следует ставить перед молодыми россиянами высокие задачи в экономике, науке, культуре, политике и обеспечивать исходные условия для того, чтобы предлагаемые молодежью решения становились практически осуществимыми *здесь и сейчас*.

В связи с этим, особую актуальность приобретают проблемы осмысления политической социализации молодежи в изменяющихся условиях переходного общества. Процессы, происходящие в

молодежной среде России, весьма противоречивы, неоднозначны, подчас разнонаправлены. В целом российская молодежь высказывается за продолжение перемен в сторону повышения социально-экономического благополучия страны, создания гражданского общества, строительства правового государства, укреплению международных отношений. Объясню почему: современные европейские государства росли на осколках Римской империи, и им легче было строить свою государственность, перенимая культуру, язык, политические традиции и т. д. России в этом плане сложнее, поскольку свою историю она писала с чистого листа и можно понять возникавшие и возникающие проблемы. Однако это не мешало нам быть сильным государством.

В начале 90-х годов XX века утверждается понятие «российская молодежь» в возрастных границах от 15 до 30 лет [1, с. 16.]. Считается, что к этому времени у молодых людей сформировывается мотивационный потенциал и адекватное общественной системе поведение. Однако ряд ученых считают, что сегодня границы между молодежью и взрослым населением в определенной степени становятся все более размытыми. Ученые делают справедливый вывод, что нижняя и верхняя границы молодежного возраста подвижны и зависят, прежде всего, от уровня социально-экономического развития той или иной страны, а также от политических обстоятельств, этнических особенностей, национальных традиций конкретной страны, исторического типа общества [2, с. 122]. В качестве основного *конституирующего признака молодежи принимается фактор социализации*. Важнейшей стороной социализации является становление молодого человека как *профессионала и гражданина*. Чем сложнее сфера профессиональной деятельности, тем больше длительность фазы «молодости», и чем выше статус социальной группы, тем продолжительнее данная фаза [3, с. 19].

Социализация понимается как процесс становления личности, усвоения социального опыта, в ходе которого формируются наиболее общие, устойчивые черты личности [4, с. 25]. Осмысление проблемы социализации на современном этапе возможно лишь с учетом отечественного и зарубежного опытов. Будучи процессом включения личности в сферу социальных отношений в качестве субъекта этих отношений, социализация преследует цель формирования социально активной личности, действия которой регулируются социальными нормами и общественными интересами. В каждом историческом типе

общества по-разному и в различных формах происходит приобщение новых поколений к основным социальным ценностям.

Современные преобразования российского общества направлены на ускорение его развития за счет предоставления демократических свобод и прав гражданам во всех проявлениях их социальной активности, особенно в сфере экономики и общественно-политической деятельности. Демократизация общественной жизни и либерализация российской экономики позволяет проявлять социальную активность в политической и экономической сферах жизни общества. Политическая социализация молодежи - это объективный процесс ее вхождения в политическую сферу страны, в нашем случае, России. В обществе существует институциональное, целенаправленное воздействие на молодежь в форме воспитания подрастающего поколения.

В начале XXI столетия у молодежи больше возможностей участвовать в общественной и политической жизни своих стран, чем когда-либо прежде, в том смысле, что имеется больше шансов того, что к мнению молодых граждан прислушаются, попытаются сделать их социализацию проще. Как бы то ни было, исследования показывают, что демократизации общественно-политической среды и либерализации избирательного законодательства недостаточно, чтобы на самом деле расширить возможности для занятия активной гражданской позиции молодежью, ее включения в общественно-политические процессы, повышения явки молодых избирателей на национальные и здешние выборы: как известно, молодёжь иначе реагирует на политические и социальные изменения, происходящие в стране, чем старшее поколение. Устойчивый социально-экономический рост и политическая стабильное положение Российской Федерации в среднесрочной и долгосрочной перспективе находится в зависимости от успешности включения наиболее «ресурсных» социальных групп, главной из которых является молодёжь, в процессы обновления и модернизации общественно-экономической системы страны. В этой связи нужно изучить инструменты и условия включения данных групп вносить важный позитивный вклад в решение задач перехода к общественно-экономической системе нового вида, брать на себя ответственность и участвовать в процессах принятия решений на разнообразных уровнях. Политическая активная молодежь является «стратегическим резервом» общества, поставившего задачи обновления и модернизации – построения «умной экономики» и «умной политики» в условиях неоднородного и многомерного социокультурного и экономического

пространства, активная молодёжь является основным фактором обновления общества. За молодёжью традиционно признается ведущая роль в продажи социальных и политических соглашений, ненасильственных движений, отсутствие ксенофобных настроений, набирающей обороты толерантности.

Политическая социализация рассматривается как процесс интеграции индивидов в политическую систему. При всем многообразии определений политической социализации, ее сущность сводится к «введению индивида в политическую культуру», которую политолог и культуролог Г. Алмонд рассматривал как политические ориентации индивидов «относительно политической системы и ее различных частей, и позициям относительно собственной роли в этой системе»[5, т.1 с. 479]. Содержанием данного «введения в политическую культуру» является «процесс активного усвоения индивидом идеологических и политических ценностей и норм общества и создание их в осознанную систему социально-политических установок, определяющую позицию и поведение индивидов в политической системе общества»[6]. В современных исследованиях ведущими институтами и агентами политической социализации российской молодежи рассматриваются: система образования, СМИ, органы государственной власти, общественные и политические организации, церковь и семья[7, с. 17-18]. Из традиционных институтов политической социализации молодежи наиболее действенными продолжает оставаться система образования и семья.

В последние годы важную роль в воздействии на политическое сознание и поведение современной российской молодежи начинают играть политические институты и агенты политической социализации: органы государственной власти, политические партии, общественные организации, общественные деятели и политическая элита. Среди институтов политической социализации, ведущие позиции начинают занимать политические партии. Это является следствием усиления влияния политических партий, в т. ч. и на региональном уровне. Так среди политических партий, представленных в Государственной Думе Федерального Собрания России, только в Уставе Всероссийской политической партии «Единая Россия» в качестве одной из задач формулируется задача ведения работы с молодёжью, привлечение ее к участию в осуществлении молодежной политики Партии, способствование созданию молодой смены политически активных граждан, разделяющих идеологию Партии[8].

Политическая социализация может быть представлена и как способ регулирования и воспроизводства политических отношений. В процессе социализирующих действий через ее агентов задаются и легитимируются определенные образцы политического поведения и политической активности, политической культуры и политического сознания. Короче говоря, политическая социализация – это вступление личности в политику: формирование политических представлений, ориентаций и установок, приобретение навыков политического участия, вращение в определенную политическую культуру.

Задача молодёжи – не только усвоить, переработать и воспроизвести материальные условия жизни и опыт, накопленный предыдущими поколениями, но и преобразовать их, используя свой собственный.

Список литературы:

1. Молодежь России: социальное развитие - М., 1992. С. 9-14; Молодежь России: тенденции, перспективы / Под ред. И.М. Ильинского, А.В.Шаронова) - М., 1993. С. 16.
2. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. С. 122.
3. Вишневский Ю.Р., Ковалева А.И., Луков В.А., Ручкин Б.А., Шапко В.Т. Практикум по социологии молодежи. М.: Социум, 2000. С. 19.
4. Бабочкин П.И. Становление жизнеспособной молодежи в динамично изменяющемся обществе. М., 2000, с. 25
5. Социологическая энциклопедия. В 2-х томах. М., 2003. Т.1. С. 479.
6. Стенографический отчёт о заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы Российской Федерации. Выступление Президента РФ Д.А. Медведева // <http://www.kremlin.ru/transcripts/6693>.
7. Храмцова Ф. И. Политическая социализация молодежи в Республике Беларусь: гендерное определение: Автореф. дисс. доктор. полит. наук. М., 2009. С. 17-18.
8. Стенографический отчёт о заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы Российской Федерации. Выступление Президента РФ Д.А. Медведева // <http://www.kremlin.ru/transcripts/6693>.

ЭНИГМА ЗАРОЖДЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ НАУЧНЫХ РАЗРАБОТОК СОВРЕМЕННЫХ СИНОЛОГОВ

Халаяпина Наталья Владимировна

к.и.н., доц. каф. Межд. от-й КР(С)У, г. Бишкек, Кыргызская Республика

E-mail: halainat.8@gmail.com

«Дракон, попавший в грозовые тучи, уже не тот,
что когда – то жил в пруду...»
Фан Сюаньлин

Начало процесса зарождения Китайской цивилизации уходит вглубь веков, когда в результате радикального изменения климата на планете Земля, вызванного, по всей видимости, произошедшей глобальной катастрофой, повлекшей за собой общую трансформацию циркулирующей системы атмосферных потоков, на земле наступает последний из двух периодов Кайнозойской эры – антропогенный (или, четвертичный), охватывающий интервал геологического времени от 1 млн. (или, 900 000 тыс.) лет назад до настоящего времени и подразделяющийся на хронологические этапы плейстоцена и голоцена. Именно в это архаическое время, именуемое современной наукой эпохой Плейстоцена, протянувшейся приблизительно с 1/900 000 до 11/10 тыс. лет назад, происходит последние в истории Земли оледенения, чередуемые межледниковыми периодами (интергляциалы), когда в связи с резким похолоданием климата, субтропическая растительность средних широт постепенно уступает место лесам и степям современного облика, массово вымирают более 30 видов крупных млекопитающих, а их место занимают новые представители животного мира. В эту же пору Плейстоцена на земле появляются самые ранние и весьма разнообразные виды архантропов и синантропов, костные останки которых время от времени обнаруживают археологи в самых различных территориальных зонах земли [1;1].

Следует заметить, что в настоящее время существуют две основные гипотезы причин внезапной гибели флоры и фауны, а также почти всех древнейших обитателей нашей планеты в предшествующий плейстоцену период Плиоцена (5 – 1 млн. лет назад). Первая говорит о внезапном наступлении мощнейшей вулканической активности, приведшей к радикальному изменению всех слоев атмосферы, за которым последовало суммарное уменьшение потоков солнечной

энергии, приведшей в конечном итоге к резкому понижению планетарной температуры воздуха и гибели общей биотопной среды обитания живых организмов. Вторая – о падении на Землю огромного астероида, вызвавшего череду сильнейших землетрясений, за которыми последовало повсеместное извержение вулканической магмы, вызвавшей повсеместную серию грандиозных пожаров, приход гигантских волн цунами и последующее оледенение земной поверхности.

По всей видимости, в этой апокалипсической драме крушения облика прежнего животворящего мира, о которой сохранилось немало этимологических сказаний в дошедших до наших дней древнейших мифах и преданиях почти всех народов мира, погибли далеко не все обитатели земли. Одними из немногочисленных выживших в этой страшной катастрофе были антропоморфные змееподобные существа и разного рода земноводные рептилии, свидетельства о реальном существовании которых вплоть до наступления «Великого потопа», произошедшего приблизительно около 12 тыс. лет назад, можно найти в шумерских, египетских, греческих, индийских, славянских, американских и китайских преданиях. Так, в древнеиндийской эпической поэме «Махабхарата» содержится информация о загадочных «нагах» (с санскр. – «змея») – полубожественных существах со змеиным туловищем и одной или несколькими человеческими головами и руками, изгнанных с поверхности земли в подземный мир Паталу после того как верховный бог Брахма «разверз землю», а царь Джанамеджая страшным пламенем сжег всех уцелевших, так что «в огонь попали многие тысячи и миллионы змей». С тех пор, согласно индуистским преданиям, новым местом обитания нагов стала самая нижняя часть Паталы – Нагайока («Мир нагов») [2;6].

Согласно другому индуистскому преданию, наги были «божественными змеями», обитателями «страны Нагадвипа» (с санскр. «остров Драконов» – совр. Нагпур, находящийся в инд. штате Махараштра) задолго до прихода туда ариев во II тыс. до н. э. Как гласит ведическое сказание, когда арийские племена, возглавляемые браминами (с санскр. – «жрецы»), впервые появились в северо-западной части Индостана, они обнаружили там «племя мудрых людей, полубогов, полудемонов», бывших учителями других народов, а затем ставших наставниками индусов. Нагадвипа («Страна Нагов») рассматривается в «Вишну – пуранах» (II 3, 6) в качестве одной из девяти областей Бхаратаварши (т. е. Индии). П. А. Гринцер обращает внимание на тот факт, что «с корнем «нага» связано большое число

индийских топонимов (местности, горы, озера и т.д.). Предполагается, что реальными нагами могли быть племена монголоидной расы, имевшие своим тотемом змею (кобру), и что мифологическая интерпретация была, таким образом, наложена на историческую основу» [3;7].

Следует заметить, что и за пределами Индостанского полуострова, «наги» были хорошо известны и повсеместно почитались в качестве особого рода божеств во всей Юго-Восточной Азии: в Тибете их называли «лу», в Бирме – «натами», в Лаосе – «прайя нак», в Китае – «лун» (драконами) и т.д.

«Сюжет о гибели могущественной цивилизации змее-людей в результате какой-то катастрофы распространен и в преданиях многих других народов, – пишет известный исследователь исчезнувших цивилизаций А. В. Колтыпин – Например, о нем повествует египетский папирус времени XII – XIII династий фараонов (XX–XVII вв. до н. э.) «Сказания потерпевшего кораблекрушение»: выброшенный на какой-то остров египтянин встретил на нем гигантского змея в золотой чешуе с человеческой головой. Змей назвал себя владыкой погибшей страны Пунт и рассказал моряку скорбную историю о том, как «упала звезда с неба» и разрушила все его государство, уничтожила все население, состоящее из змеев.

Весьма любопытно, что в сказаниях трех различных народов, живущих в различных уголках земного шара, приводится один и тот же сценарий погубивший прежний мир катастрофы. Он был разрушен огнем. И здесь необходимо упомянуть древние ацтекские письменные источники «Кодекс Ватиканус», «Кодекс Риос», «Кодекс Теллериано-Ременис» и эпос майя «Пополь-Вух», согласно которым огнем было уничтожено второе, третье и четвертое поколение человечества...

Индейцы кечуа в Перу утверждали, что их предки из исчезнувшей земли были змеями, покрытыми волосами. Прародителями индейцев муисков, живущих на территории Колумбии и хопи (на юго-западе США) также считались змеи, а сами они называли себя змеями. У некоторых племен мексиканских индейцев главный колдун или знахарь носил титул «Нагал» (производное от этнонима «наг»). Индейцы Южной, Центральной и Северной Америки от Огненной Земли до Аляски употребляют слово «арага», обозначающее глава, учитель и змей...

В разных местах земли (Египте, Индии, России и т.д.) найдены изображения змее-людей с головой человека и телом змеи и наоборот. Предания о первозмеях, змее-людях, демонах-змеях встречаются практически у всех живущих на Земле народов. Почти повсеместно в

них указывается, что это были сильные, могущественные, ядовитые, но, в то же время, необычайно умные и мудрые создания, наделенные разнообразными и воистину фантастическими способностями» [4;4].

Согласно древнейшей китайской антропогонической мифологеме, подтвержденной новейшими археологическими артефактами, территориальный ареал генезиса Китайской цивилизации находился в области междуречья Хуанхэ и Янцзы. Именно там легендарные первопредки китайских архантропов – брат и сестра Фу-си и Нюй-ва, взирающих на нас со старинных фресок в виде огромного вида антропоморфных существ, с головой и телом человеческими, заканчивающимися змеинными хвостами, покинув пещеры Куньлуня, где они, видимо, скрывались от страшной катастрофы, создали из хуан ту («желтая земля/глина») первых людей.

Следует обратить внимание на тот факт, что древнекитайские предания объясняют причину создания Нюй-вой из желтой глины (лёсса) р. Хуанхэ первых людей (жэнь), которых она сотворила «глядя на свое отражение в воде», двумя причинами. Первая из них опирается на тезис ощущения «ею в сердце своем ужасного одиночества и пустоты» и необходимости «оживить землю». Вторая – на невозможность иметь потомства от брака со своим братом/мужем Фу-си, т. к. «по пришествию ста дней», Нюй-ва ничего так и не смогла родить, кроме как «комочка мяса». И тогда обескураженный и опечаленный Фу-си «схватил нож и давай рубить – крошить мясной комок. И вот что удивительно, каждый кусочек мяса тут же превращался в человека» [5;10].

В свое время один из авторитетнейших знатоков древнекитайской мифологии Юань Кэ замечал: «Миф о том, что брат с сестрой – Фу-си и Нюй-ва вступили в брак и положили начало роду человеческому, зафиксирован в книге танского автора Ли Жуна «Описание неповторимого и странного» («Ду и чжи»). Там мы читаем: «В старину, кода вселенная была только что создана, жили Нюй-ва со своим братом на горе Куньлунь, людей же в Поднебесной еще не было. Решили они стать мужем и женой, но устыдились. Тогда брат повел сестру на вершину Куньлуня и произнес заклинание: «Если Небу угодно, чтобы мы поженились, пусть дым устремится столбом ввысь; если нет – пусть дым рассеется». Дым поднялся столбом. Тогда сестра приблизилась к брату, сплетя из травы веер, чтобы прикрыть лицо. Так произошел и ныне существующий обычай, который предписывает на свадьбе невесте держать веер...

Достоверность этого «древнего уже в древности» предания подтверждается рельефами на камне и керамических кирпичках эпохи

Хань, а также преданиями, распространенными среди народностей Юго-Западного Китая – мяо, яо, и, тун и др. В резьбе по камню и кирпичу эпохи Хань мы часто видим Фу-си и Нюй-ва имеющих голову человека и туловище змеи. Фу-си и Нюй-ва изображаются до пояса в виде людей в головных уборах и в халатах, а ниже пояса – в виде змеи (иногда дракона), с крепко переплетенными хвостами и лицами, обращенными друг к другу, или же спиной друг к другу. Фу-си держит в руках угольник, Нюй-ва – циркуль. На некоторых изображениях он держит солнце, в которое вписана золотая ворона, а нуу в руках луна с изображением жабы. Некоторые изображения украшены облаками, среди которых парят крылатые посланцы неба с человеческими головами и змеиными телами. Встречаются рельефы, на которых изображен маленький мальчик с искривленными ногами, который тянет двух взрослых за рукава...

После изучения этих изображений не остается никаких сомнений в том, что Фу-си и Нюй-ва в древних преданиях изображались мужем и женой. Эти изображения и записи в древних книгах позволяют нам с уверенностью сказать, что, согласно китайской мифологии, род человеческий пошел от небесных божеств – полулюдей-полуживотных. Они были обожествленными первопредками и позже превратились в духов-охранителей...[6;10].

Необходимо заметить, что представление о Фу-си, Нюй-ва и Шэнь-нуне как о «трех первопредков» (сань хуан) и, одновременно, «трех властелинах», окончательно оформились в Чжоускую эпоху (XII/XI – III вв. до н. э.). В ханьских книгах под сань хуан понимались, помимо Фу-си и Нюй-ва, Шэнь-нун («Божественный землевладелец»), Чжу-жун («Заклинающего огонь»/«Огненный змей»), Гун-гун («Ведающий разливами/потопами») и др. персонажи, также обладавшие змеиными телами и человеческой верхней частью туловища. Известный современный синолог Б. Л. Рифтин замечает, что в китайских апокрифических сочинениях нашей эры в качестве сань хуан называют Тянь-хуана («Властитель неба»), Ди-хуана («Властитель земли») и Жэнь-хуана («Властитель людей»). В сочинении «Дуншэнь ба ди мяо цзин» («Сокровенная книга о восьми государях – пещерных духах») описывается уже не три, а девять владык. Все они древнекитайскими летописцами характеризуются в качестве существ, имевших змеиные или драконьи туловища, но обязательно обладавшими человеческими головами и руками [7;3].

Детальное научно-техническое исследование открытых ранее и обнаруженных в настоящее время на территории современного Китая разного рода палеоантропологических, палеонтологических и

археологических материалов свидетельствует о том, что древнейшим человекообразным существом во всей Восточной Азии следует рассматривать т. н. ланьяньского архантропа. Его костные останки, датированные 700 000 – 500 000 тыс. лет до н.э., были найдены группой китайских историков в середине 60-х годов XX в. в уезде Ланьянь, в долине р. Бахэ (приток Хуанхэ) провинции Шэньси. По мнению У Жукана, впервые изучившего и описавшего «ланьяньского архантропа», а также остатки древнейших людей, раскопанных в окрестности деревни Чэньцзяо и Гунванлина, все они принадлежали к одному из видов ископаемых архантропов и были очень близки к обнаруженным в начале XX в. недалеко от Пекина скелетным останкам гоминида, получившим название «пекинского синантропа». Было установлено, что несмотря на общевидовую схожесть, между «пекинским синантропом», датированном 400 000 – 200 000, и «ланьяньским архантропом» имеются весьма существенные различия, в первую очередь, морфологического характера.

«Череп архантропа из Ланьяня по многим особенностям примитивнее черепов пекинских синантропов и даже большинства питекантропов Индонезии, – делает вывод авторский коллектив академической монографии «Древние китайцы: проблемы этногенеза». – У ланьянца исключительно массивные надглазничные валики, резко наклонный лоб, крайне малая высота черепа, утолщенные черепные кости. Длина ланьяньского черепа – 189 мм, ширина – 149 мм, высота – только 87 мм. Особенно поразительна последняя величина – она меньше высоты черепов не только синантропов, но и питекантропов. Крайне мал также объем мозга ланьяньского архантропа; по У Жукану, он составляет около 780 куб.см. Все перечисленные признаки позволили У Жукану считать ланьянца одной из наиболее ранних форм архантропов и сближать его с самым древним и примитивным видом питекантропов – *pithecanthropus robustus* из Джетиса» [8;5].

Таким образом, произведенные китайскими и рядом зарубежных экспертов археологические и палеоантропологические исследования можно рассматривать в качестве дополнительных артефактов, в целом подтверждающих общую правдивость описания древними летописцами всех тех эпохальных событий, которые происходили на земле в те далекие архаические времена зарождения человеческой цивилизации. Доподлинно установлено, что ориентировочное время появления на Среднекитайской равнине первых архантропов датируется 800 000 – 500 000 тыс. годами до нашей эры. Приблизительное в это же время, но, вероятно, несколько ранее, примерно 1 млн. или 900 000 тыс. лет назад, планету Земля

постигла очередная (вторая?) глобальная катастрофа, в результате которой погибли почти все древнейшие обитатели земли за исключением лишь небольшой популяции динозавров (драконов) и отдельных представителей ранее господствующей цивилизации антропоморфных существ, включая не только змеечеловеков, но и сфинксов (один из образов которых взирает на нас в знаменитой долине пирамид Гизы), а также кентавров, циклопов и др.

Следует заметить, что знаменитые легенды Древней Греции и стран Средиземноморья также изобилуют свидетельствами о существовании разного рода антропоморфных чудовищ, с которыми отчаянно сражались отважные античные герои древности: многоголовой Гидры, у которой вместо отрубленных голов тут же вырастали новые; порожденной богиней земли Геей драконообразного Пифона и морского змея Тифона; Лернейского асида; полудевы-полузмеи Ехидны, морского дракона Нерейя и его дочерей нереид и многих других гекатонхейров. Всех их обычно причисляли к т. н. хтоническим существам (от греч. хтонос – «земля»), которые бинарно были связаны одновременно с мощью породившей их земли/воды и умерщвляющей силой преисподней. Древнегреческие авторы именовали их автохтонами (от греч. autochthon – «коренной», «местный») – порожденными самими глубинами земли/воды в самом начале мистерии творения мира. Античное предание гласит, что первым царем Аттики был Кекроп (Кекропис) – получеловек и полужмея, от имени которого страна долгое время, до спора между Посейдоном и Афиной, называлась «Кекропия».

В западной и, особенно, в восточнославянской мифологии также сохранилось немало легенд о древнейших загадочных обитателей земли. В Западной Европе их обычно называли «фоморами» (от ирл. fomóire – «нижние/ подземные демоны»), в Восточной Европе – «виевичами». Считалось, что виевичи это потомки всемогущего и ужасного «пана Вия – сына Черного Змея (Чернобога)» или «Кошца Бессмертного». Отец Вия Чернобог, раньше жил на земле, но был низвергнут в пропасть после поражения его племени или расы в битве со светлыми богами во главе с верховным богом Сварогом или богом огня Семарглом, сына Сварога, в результате которой был разрушен первый мир, в котором еще не было людей. «Все потомки Черного Змея изображались в былинах, песнях и сказках в виде демонов-змеев в тот период, когда они еще жили на Земле, тогда еще не родился Вий. Позднее, когда змее-люди ушли жить под землю, они приобрели человекоподобный облик и стали называться виевичами... Сыном Вия был горный великан Горынь,

ставший прообразом героя русских былин и сказок Змея Горыныча. Другими сыновьями Вия были богатыри-великаны Дубыня и Усыня – им также иногда приписывались образы змея или дракона. Наделение сыновей Вия змееподобным обликом было связано либо с дошедшими до составителей сказаний воспоминаниями об истинной внешности, присущей им еще при жизни на земле, либо даром оборотничества, используя который демоны-змеи могли принимать необычную для них форму...

В славянских преданиях «Сварогова цикла» говорится, что племя Черного Змея (змеев или виевичей) потерпело поражение в битве за Землю со светлыми богами во главе со Сварогом или Семарглом – сыном Сварога. В результате этой битвы (в которой погибло несметное количество змеев, а «вся Земля была с кровью смешана, капли крови на каждом камушке»), был разрушен первый мир, в котором еще не было людей. Это – чрезвычайно важное обстоятельство, потому что и ракшасы, фоморы и наги воевали уже с людьми. А их, согласно славянским преданиям, до первой катастрофы еще не было» [9;4, с. 106 – 207].

В Библии также есть упоминания о чудовищных существах, обитавших в глубинах морей и олицетворявших собой всю непостижимость божественного замысла земного творения: левиафан, бегемот, огромная рыба, поглотившая праведного Иона, а также загадочные и ужасные Раав и Таннин. И несмотря на то, что в библейских текстах фактически ничего не говорится о существовании на земле в допотопные времена могущественной цивилизации антропоморфных змеевидных существ, однако именно с «древним змием, называемом дьяволом и сатаной, обольщающим всю вселенную», связан центральный сюжет изгнания Адама и Евы из Эдемского сада. Именно змей, изображаемый на древних христианских фресках в виде образа с головою и туловищем человеческим и змеиным хвостом вместо ног, обманом уговорил Еву съесть запретный плод с райского дерева. За вину в состоявшемся грехопадении сотворенных из земного праха людей, змей был изгнан Богом в дольний мир, причем в книге Бытие довольно четко говорится о последующем радикальном генетическом изменении его биологической сущности, равно как и о том, что змей изначально не входил в когорту «творений Божьих».

Следует заметить, что опираясь на эти грозные судьбоносные слова Всевышнего, одна из древнейших гностических сект «Офитов», члены которой прославляли и почитали библейского змия в благодарность за принесение людям высшего сакрального знания об

их истинной духовной природе, утверждали, что под «женою» следует понимать Еву, которую змей не только обманул, но и обольстил, произведя от нее Каина и сестру Каломену. Свои воззрения «офиты», помимо прочего, подкрепляли этимологией лингвистических артефактов: корень имени Ева (Хавва) восходит к еврейскому слову Хай – «Жизнь», а также к арамейскому Хэвья – «Змея» (или «Змееподобная богиня»), о чем косвенно свидетельствует змееобразное строение человеческого кишечника, что будто бы говорит о мистическом присутствии в каждом из людей одного из его сокровенных прародителей [10;2].

Весьма примечательно выглядит и тот факт, что своим верховным космологическим божеством гностики, включая и «офитов», считали именно Абраксаса (ABRAXAS) – повелителя небес и эонов, образ которого был запечатлен на культово-магических геммах в виде существа с головой петуха, телом человека и двумя змеями вместо ног. В учениях гностиков широко распространено предание о том, что «в начале мироздания на землю высадились «крылатые змеи». Это были, вероятно, полубоги, которые предвещали возникновение исторических цивилизаций у каждого народа. «Змея – замечает Мэнли П. Холл, – истинный принцип мудрости, поскольку она влечет человека к самопознанию. Следовательно, познание себя происходит от неповиновения человека Демиургу, Иегове. Каким образом змей попал в сады Эдема, если иметь в виду, что все твари, сотворенные Богом в течение шести дней, были добрыми, до сих пор удовлетворительно не объяснено интерпретаторами Библии» [11;8].

Таким образом, почти все легенды и теологические учения мира, несмотря на культурологическое местоположение их возникновения и некоторые детальные разночтения, фактически тождественны в передачи идеи о том, что древнейшие хтонические существа были порождены самой Землей: греч. богиней Геей; егип. божеством земли Гебом («Отец всех змей»); рус. Матерью Сырой землей; китайским Ту-бо («Князем земли») и т.д. Сопоставляя эпические сказания с современными научными открытиями в области археологии и антропологии, можно прийти к выводу о том, что древнейшими обитателями нашей планеты действительно могли быть разного рода антропоморфные существа, гибель которых наступила около 1 млн. лет назад в результате какой-то глобальной катастрофы, вызвавшей резкое повышение радиационного поля, подтверждения которой таятся в глубинных недрах земли. По прошествии некоторого времени, вновь произошла космогоническая мистерия сотворения нового животворящего мира планеты Земля, о чем весьма

красноречиво и достаточно объемно повествуют библейские тексты книги «Бытие». Думается, что небольшой части реликтовых архонтов все же удалось выжить в этом ужасном крушении прежнего мироустройства путем «ухода под землю», а потом вновь появиться на поверхности земли, но уже потеряв способность к размножению. Чтобы сохранить жизнь и обеспечить преемственность в продолжение земного бытия своего рода, змееобразные существа вынуждены были искать брачных связей с новыми обитателями земли – созданными по образу и подобию Божьему людьми.

Произведенные экспертами американского аэрокосмического агентства NASA новейшие исследования в области изучения воздействия космической радиации на ДНК человека и животных, свидетельствуют о невозможности размножения человека в космосе из-за ионизирующего воздействия космической радиации, убивающей яйцеклетку в течении 2-го или 3-го триместра, а также необратимого сокращения общего количества сперматозоидов. В случае же резкого увеличения содержания в биосфере Земли радиоактивных изотопов, в действие также вступает механизм радиационного мутагенеза, приводящей к неминуемой депопуляции всех живых организмов, не сумевших вовремя адаптироваться к условиям резкого биоценозного изменения природно-географической и климатической среды обитания.

Вероятно, на территориальном пространстве нынешнего Китая в незапамятные, допотопные времена также обитали загадочные антропоморфные змееобразные существа, сведения о которых содержатся в древнейших китайских преданиях. Двоим из трех легендарных «первопредков» (сань хуан) китайского этноса – брату и сестре Фу-си и Нюй-ва, удалось пережить в «священных горах Куньлуня» постигшую мир страшную катастрофу. Однако по выходу из горных пещер на поверхность земли, они увидели ужасающую картину полной гибели прежнего мира вместе со всеми его обитателями. Лишь небольшому числу их сородичей, включая динозавров (драконов) и некоторых других видов антропоморфных земноводных рептилий, удалось выжить и выползти на свет в разных частях земли. Однако бывшее могущество, равно как и способность к продолжению своего рода, навсегда была ими утеряна.

Согласно повествованиям древнекитайской мифологии, после смерти Фу-си и Нюй-ва, попечительскую заботу об их человекообразных потомках возложил на себя дракон Хуан-ди («Желтый государь/император»), главная резиденция которого также находилась в «священных горах Куньлуня», откуда он постоянно

прилетал, чтобы научить людей искусству выживания в сложных природно-географических условиях бытия. Именно Хун-ди обучил людей рыть колодцы, мастерить телеги и лодки, подарил изобретенный им топор, копья, лук и стрелы для охоты на животных, а также разного рода домашнюю утварь, одежду, иероглифическое письмо и др. Вместе со своими соплеменниками «лун» (драконами), он неустанно расчищал горные склоны для посевов и прокладывал дороги. Пребывание Хуан-ди на земле исчислялось приблизительно трехсотлетними годами, однако правил он «Поднебесной» (Тянься) около ста лет – с 2698 по 2598 гг. до н. э. Четырнадцать из 25 его сыновей стали основателями знаменитых родоплеменных кланов в Китае, включая легендарного Юйя – родоначальника первой имперской династии Ся (2205/2100 – 1767/1600 гг. до н.э.), именуемой также «людьми драконова племени», которые продолжили дело своих прародителей в сфере цивилизационно-культурного обустройства Тянься до тех пор, пока их господство в Чжунго («Срединное царство») не было свержено «людьми феникса», создавшими государство Шан-Инь (XVII – XII вв. до н. э.).

Таким образом, для подавляющего большинства древних и современных китайцев, Фу-си, Нюй-ва, Шэнь-нуне, Хуан-ди и другие загадочные существа являются не только любимыми мифологическими персонажами далекой старины, но и глубоко почитаемыми реальными первопредками (сань хуан) китайского этноса (миньцзу), помогшими им выжить и сотворить одну из самых величайших цивилизаций мира. Весьма примечательно выглядит тот факт, что возникновение на Среднекитайской равнине этнической общности Чжуся («все Ся») происходит на рубеже III – II тыс. до н.э., т. е. хронологически совпадает со временем прихода и расселения на Евразийских просторах арийских племен, создавших идеократическую геополитическую общность «Арийанам – Вайджо» («Мир/простор ариев»). Вполне возможно, что славянские предания о внезапных появлениях со стороны востока ужасающих «змеев – Горынычей» и похищение ими «Василис прекрасных, в определенной степени отражает реальность тех далеких событий, когда для продолжения рода необходимы были женские особи человеческой породы. В пользу этой гипотезы свидетельствует открытые современными синологами археологические, антропологические и иконографические артефакты, а также наличие почти у всех представителей желтой (монголоидной) расы эпикантуса – «монгольской складки» у внутреннего глаза и характерного отсутствия второго века. Поэтому для фактически всех представителей желтой расы, на биогенетическом уровне, змеи и

драконы ассоциируются с положительными и добрыми героями, образы которых принято торжественно выносить на восхваление в праздничные дни. У европейских народов наоборот, драконы и разного рода змееподобные существа всегда олицетворяли страх и ужас, а победа над ними считалась апогеем воинской храбрости и мужества. Все это в целом подтверждает непреходящую энигматичность генезиса древнекитайской цивилизации, беспристрастное научное разгадывание которой представляется одним из самых захватывающих и перспективных научных направлений в современной синологии.

Список литературы:

1. Географическая энциклопедия под ред. Григорьева А. А., т 1-5 – М.: «Советская энциклопедия», 1960.
2. Гностики или о «лжеименном знании». Переводы с коптского, древнегреч., англ, испан. и др. – Киев: «УЦИММ-ПРЕСС», 1997.
3. Духовная культура Китая. Мифология. Религия. Энциклопедия в 5 т. под глав. ред. Титаренко М.Л. – М.: «Восточная литература» РАН, 2007.
4. Колтыпин А. В. Исчезнувшие обитатели Земли – М.: «Вече», 2009.
5. Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза – М.: «Наука», 1978.
6. Махабхарата, т.1-7 – Ашхабад: «Туркменистан», 1955 – 1963.
7. Мифология. Большой энциклопедический словарь под глав. ред. Мелетинского Е. М. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998.
8. Мэнли П. Холл Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии – Новосибирск ВО «Наука», 1992.
9. Колтыпин А. В. Исчезнувшие обитатели Земли – М.: «Вече», 2009.
10. Юань Кэ Мифы древнего Китая – М.: «Наука», 1987.

УКРАИНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ, ПРИНЦИПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

Чаплинская Татьяна Николаевна

аспирант кафедры политологии ННУ им. В.А. Сухомлинского

Email: Tigriza25@bk.ru

Украинское национальное возрождение выступает как целостный процесс становления и развития собственной национальной государственности, пробуждения национального самосознания и достоинства, развития национальной культуры и языка, утверждения экономической независимости. Суть его заключается в реализации национальной идеи и воплощении в ней национального интереса во всех сферах жизнедеятельности украинской нации.

Государственное самоосуществление - ключевая идея не только для украинцев, но и для всех людей, которые сегодня проживают в Украине и связывают свою судьбу, судьбу своих детей и внуков с Украинским государством. Именно поэтому украинское общество должно иметь систему ценностных ориентаций, четких идеологических координат, духовным и моральным ядром которой является украинская национальная идея. Характерно, что сущность украинской национальной идеи, по мнению автора, совпадает с содержанием национальной цели: построение независимого, демократического, правового, социально справедливого и экономически эффективного государства. Единственным гарантом обеспечения достижения этой цели являются сознательные граждане Украины, усилия которых должны быть интегрированы национальной идеей как объективно необходимым в экономической структуре прогрессирующим фактором.

На сегодняшний день проблема формирования и функционирования национальной идеи является чрезвычайно актуальной среди политологов, философов, историков, этнографов. «Белым пятном» внедрения украинской национальной идеи, как в теории, так и в практической деятельности, остается, собственно, украинская национальная экономика. В настоящий момент судьба Украины зависит от интенсивности развития отечественного производства, всего экономического рыночного комплекса [5, с. 93].

В идеологической системе создания государства ключевой является украинская национальная идея. Она является ферментом обновления общества, социальным стимулом борьбы за сохранение своего этнического сообщества, которое украинское население вело в

течение всего исторического пути развития. Национальная идея сплавляет народ в одно целое на базе социально-политических, морально-этических и психологических основ его менталитета и бытия. Это стремление к идеальному существованию нации во всех сферах жизни на основе национального сознания, ценностных установок нации, это духовное состояние народа.

Высшим проявлением национальной идеи является понимание политической цели - создания государства культурного, экономического, духовного развития.

Можно выделить следующие принципы, на которых базируется украинская национальная идея:

1. Исторический, то есть права на собственную территорию, на которой возник и существует украинский этнос;

2. Этнический, то есть возникновение и развитие украинского этноса и его перерождение в нацию;

3. Духовный, то есть наличие культурных, социальных языковых признаков, которые присущи лишь этой нации [4, с. 36].

Охарактеризовать украинскую национальную идею можно в следующих направлениях:

1. Семья - основная ячейка общества, которая вместе с государством отвечает за воспитание молодого поколения.

2. Развитие украинской национальной культуры, государственного языка с учетом интересов национальных меньшинств, которые проживают в Украине.

3. Уважение национальных источников, развитие национального наследия, полное понимание сегодняшних проблем и заданий; ориентация при их решении на мировые демократические стандарты.

4. Плюрализм и государственная поддержка разных форм собственности, которые гарантируют настоящую свободу и благополучие личности.

5. Человек, его здоровье, честь, достоинство, права и свободы - основные ценности, охраняемые государством.

6. Использование позитивного мирового опыта, относительно развития институтов демократии, совершенствования форм и методов деятельности государственного аппарата и местного самоуправления, признания методов взаимных консультаций и согласований, достижения согласия в обществе - основные и первоочередные мероприятия государственного руководства.

7. Защита окружающей среды - стандарт повседневной жизни украинского общества.

Жизнеспособность национальной идеи можно обеспечить при поддержке государством таких приоритетов, как национальное самосознание, духовное освобождение, морально-этическое здоровье [3, с. 152].

Положительно оценивая внимание научных работников относительно вопроса национальной идеи, как фактора создания государства, актуальными становятся следующие задания:

- на основе всестороннего изучения литературы и источников разных направлений темы определить имеющиеся пробелы в отечественной и зарубежной политической мысли с целью проведения анализа концепции государственного строительства и местного самоуправления в Украине на современном этапе;
- изучить этническую специфику Южного региона Украины и учитывать полученные результаты при формировании государственной и национальной политики, деятельности органов государственного управления;
- обнаружить пути совершенствования механизма межэтнического общения, согласования интересов украинской нации и национальных меньшинств;
- выяснить ведущие направления, формы и средства деятельности политических партий и общественных объединений при активизации этнонационального фактора в развитии украинского демократического государства;
- исследовать состояние и пути повышения эффективности культурно-образовательной работы в среде украинской нации и этнических меньшинств;
- обобщить и внести предложения относительно последующего усиления исследований этнонациональных проблем создания гражданского общества [1, с. 258].

По мнению автора, необходимо отметить актуальность многих теоретических обобщений, которые были наработаны в течение века, соблюдения которых поможет преодолеть препятствия на пути создания современного украинского государства:

- сохранение украинской нации при необходимости создания национально-государственной независимости;
- вера в духовные и физические возможности украинского народа в государственном строительстве;
- предоставление приоритетной роли юридической науке и юристам в формировании концепции государственного строительства для будущей независимой Украины;

- отбрасывание идеи движущей силы лишь одного класса в общественном развитии;
- люди, которые избираются на руководящие должности, должны иметь соответствующие моральные, психологические, профессиональные качества;
- поиск реальных путей государственного строительства, исключая при этом лозунги жертвенности, авантюризм и кабинетные доктрины, фанатизм, которые ведут к катастрофе;
- признание народа (народа, который творит власть, народа, а не господствующей народности) основным элементом государственного строительства;
- обоснование утверждения, что украинский народ является интегральной частью человечества, как и другие народы;
- предоставление украинского гражданства всем жителям Украины, невзирая на социальное, этническое происхождение, вероисповедание, национальное сознание;
- осуждение геноцидных режимов;
- необходимость проведения честной и доброжелательной внешней политики относительно своих соседей.

Для того, чтобы украинская государственность на пути своего развития не повторяла ошибки прошлого, необходимо изучать наследство советников украинской государственности, особенно это следует делать современным государственным и политических деятелям нашего государства.

На нынешнем этапе развития украинского общества важным является поиск исходных позиций, которые будут способствовать такой научной разработке украинской национальной идеи, которая впитала бы основные мысли относительно создания государства, партий, общественных организаций на поприщах украинского геополитического пространства. С точки зрения автора, такой стратегической парадигмой может быть общественная интегративная идеология как мировоззренческая база для человеческих взаимоотношений, этики, которая будет господствовать в гражданском обществе, к которому Украина стремится в наше время.

Во-первых, основой для решения этой проблемы станет тот идеал, в который верит народ, - демократическое государство. Во-вторых, отношение народа к идеалу через его осуществление. В-третьих, стремление к согласию в украинском обществе. Если проанализировать сегодняшнее состояние украинского общества, то общественные процессы развиваются именно в этом направлении. Основой прогресса в создании государства должна быть

цивилизованная национальная идея, которая должна базироваться на продуманную экономическую политику, серьезные правовые принципы и законодательные основы для согласия.

В «Малой энциклопедии» национальная идея определяется как «духовная первооснова, источник личностного развития человека; социально психологический механизм интеграции социальных групп, этносов, религиозных конфессий, партий, движений; источник общественного продвижения того или другого этноса, его государственно-созидательной энергии; механизм уравнивания и гармонизации жизнедеятельности народов, которые населяют определенное ландшафтно-климатическое пространство и имеют общую историко-политическую судьбу, ориентацию на будущее» [2, с. 753].

Украинская национальная идея - теоретическое обоснование и осознание экономических, политических, культурных, религиозных запросов, принципов украинства, а также форм общения с другими народами на основе национально правового равенства и путей их реализации и консолидации общества.

Национальная идея должна опираться на собственную интеллектуально духовную матрицу, на собственные традиции, на собственный потенциал.

Относительно сути и содержания, национальная идея - это не какой-то определенный взгляд на отдельное общественное явление, а система взглядов, идей относительно комплекса вопросов, связанных с существованием и развитием общества, нации, всего народа, который живет в стране (имеем в виду современную Украину).

Национальная идея - это своеобразный национальный идеал, который истолковывается в литературе как совокупность народных стремлений к лучшей организации жизни, развития общества в соответствии с теми социальными стандартами, в которых совмещаются исторические традиции, представление о хорошей и счастливой жизни народа с современными заданиями, которые он должен решать на своем пути [2, с. 753].

Признавая общее направление национальной идеи, следует помнить, что она является плодом самосознания нации, формируется на том уровне самосознания, которого нация достигла на определенном этапе своего развития, которая изменяется и развивается с развитием общественных отношений и мировым развитием вообще.

Целями национального уровня является достижение настоящего политического и экономического суверенитета на пути эффективного труда и полного обеспечения прав каждого гражданина. Именно такая

четко направленная ориентация развития закономерно может и должна быть объединяющим, политически консолидирующим и экономически интегрирующим фактором в нашем государстве.

К сожалению, курс развития Украины как специфически молодого государства нужно еще только разработать, овладев перед тем социально-экономической методологией в ее современных измерениях. Это значительно снижает воспитательный потенциал украинской национальной идеи. Понятие независимости в обществе иногда приобретает даже негативный оттенок. Главная причина этого заключается в отсутствии всесторонне обоснованной целевой концепции независимого развития на национальном уровне. Ведь никто из руководителей нашего государства ни до, ни после провозглашения суверенитета не выступал с такой развернутой концепцией публично. И неизвестно, существует ли она вообще, хотя бы в научном плане.

Хотя за последние годы были проведены в государстве встречи, совещания, конференции, семинары, симпозиумы разного масштаба при участии представителей власти, религиозных организаций, научных учреждений, однако как на государственном, так и на региональном уровнях проблемы общего беспокойства о духовном воспитании подрастающего поколения остаются достаточно неопределенными. И не центр в этом плане определяет политику относительно очерченной темы, а регионы. Исходя из того, что в независимой Украине духовное воспитание подрастающего поколения должно носить государственный, а не корпоративный характер, стоит к этой деятельности приобщить все те факторы, как светского, так и религиозного характера, которые являются фундаментом формирования будущего нашей страны. Именно здесь целесообразно совместить усилия просветительских заведений государства, научных учреждений, заведений культуры, органов власти. Все это значительно повысит воспитательный потенциал украинской национальной идеи.

Список литературы:

1. Касьянов Г.В. Теорії нації та націоналізму: Монографія. – К.: Либідь, 1999. – 352с.
2. Мала енциклопедія етнодержавознавства — К., 1996. — С. 753.
3. Римаренко Ю.І. Національний розвій України: проблеми і перспективи. – К.: Юрінком, 1995. – 272с.
4. Смолій В.А., Гурій О.І. Як і коли почала формуватися українська нація. –К.: Наук. думка, - 1991.

5. Українська національна ідея і сучасність // Під заг. ред. Г.І. Гончарука. – Одеса: Астропринт, 1999. – 256с.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО РАДИКАЛИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (90-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

Шаожева Наталия Анатольевна

к.и.н., старший научный сотрудник ЦСПИ КБНЦ РАН, г. Нальчик

E-mail: Disana05@mail.ru

Этнический радикализм, как правило, возникает в стохастической среде, когда ни внутренняя политика государства, ни экономические реалии не могут быть спрогнозированы. Если же управленческие структуры – в результате неточной оценки ситуации осложняют существующие системы межэтнического общежития социально-политических, этнических, правовых, экономических реалий, то процесс накопления и разрешения противоречий в обществе может приобрести моноконтролируемый характер.

В этом смысле ситуация на Северном Кавказе, ее развитие, начиная с конца 80-х годов XX века представляет собой яркий пример постоянного не всегда корректного вмешательства государственных управленческих структур федерального центра в полиэтнический и многоконфессиональный конгломерат регионального сообщества [3].

Возникновение и развитие общественных процессов, приведших национальные субъекты Северного Кавказа к нынешнему своему положению видимым истоком своим имеет эволюцию в сфере научных и культурных интересов интеллигенции народов региона, связанные с глобальными изменениями внутри страны, начавшиеся после 1985 года. Объединения по интересам, сложившиеся в верхушке интеллектуальной и творческой элиты Кабардино-Балкарии еще в доперестроечный период, во второй половине 80-х получили официальное оформление в виде нескольких культурно-национальных организаций.

Первоначально деятельность национальных организаций была реально ограничена именно вопросами общегуманитарного характера.

Однако уже на рубеже 80-х – 90-х годов XX века содержание деятельности национальных организаций претерпевало существенные изменения. Обозначились первые конфликты национальных интересов кабардинского и балкарского народов. Они не лежали в сфере обеспечения институтов жизнедеятельности этносов, поэтому, на наш взгляд, были искусственно привнесены в их общественную практику.

Речь идет, конечно же, о первом и самом серьезном противоречии в устремлениях кабардинцев и балкарцев, зафиксированном в оппозиции «Хасэ» и «Тёре» по земельному вопросу.

Политизация деятельности и «Хасэ», и «Тёре» была обусловлена влиянием недавно возникших контингентов первоначальной бизнес-элиты Кабардино-Балкарии, а, в свою очередь, ее интерес к национальным движениям был инициирован изменением общей социально-политической и, главное, электоральной обстановки в стране. Противодействие новой элите общества со стороны кругов властной компетенции, традиционных для СССР, привело формирующееся бизнес-сообщество к осознанию обязательности обладания легитимной властью. Тем более, что социально-политическая обстановка в стране этому вполне способствовала.

В Кабардино-Балкарской Республике также образовался узкий круг людей, обладавшей в конце 80-х – начале 90-х, пожалуй, наиболее мощным экономическим ресурсом. При выраженном ослаблении местных властей, начальных процессах дезинтеграции государства, фактической недееспособности вертикали общесоюзной государственности сохранить самое себя, сформировавшаяся оппозиция сделала ставку на национальные движения в условиях официально объявленной демократии.

Состояние властных органов на местах было точной проекцией соответствующих структур столицы страны, в наметившихся же в Кабардино-Балкарии политических процессах возник момент консолидации общественных движений по причине временного совпадения интересов. Думается, что какой-то контингент участников национальных движений реально полагал, что с изменением кадрового состава высших управленческих структур изменится общая социально-политическая обстановка и в республиках Северного Кавказа.

В эту часть входили и те группы кабардинской и балкарской творческой элиты, которые и стояли у истоков национального движения. Политические амбиции некоторой части деятелей национальных организаций простирались до гарантированных мест в будущем составе высших властных органов.

Национальные движения Кабардино-Балкарии, если не принимать во внимание некоторые декларативные выпады в адрес друг друга, действовали вполне синхронно и координированно, что, конечно же, обеспечивалось идеологическим влиянием и финансовыми подпитками.

Однако радикальные этнические устремления некоторой части деятелей и лидеров балкарского национального движения не были секретом ни для кого. Эта часть деятелей надеялась на то, что произойдет масштабная смена кадров высшего управленческого звена.

Но положение дел быстро менялось. И менялось уже во многом с подачи кабардинской стороны, в этот момент активно занятой налаживанием внутрирегиональных связей с национальными движениями всего Северного Кавказа. Идеи образования «Северокавказской Федерации» (в вариантах – «Конфедерации») впервые прозвучали еще в конце 80-х годов, активнейшими провозвестниками этой политической линии были деятели кабардинского и, в целом, адыгского национального движения. В 1991 году после принятия Грузией новой Конституции четко обозначились центробежные тенденции в Абхазии.

Предотвращать прогнозируемую государственную дестабилизацию Грузии, России в новых геополитических условиях и с учетом стремительно разрушавшейся экономики было попросту невыгодно. В то же время идеи Северокавказской Конфедерации требовали принятия мер по обеспечению собственной целостности, так как перспектива возникновения консолидированной группы этносов Северного Кавказа, объединенных общей территорией проживания и в границах этой территории соприкасающихся с Абхазией, действительно могла показаться угрожающей – по крайней мере, в перспективе.

Поэтому уже весной 1991 года был принят «Закон о реабилитации репрессированных народов»[2]. Поверхностная оценка данного документа свидетельствует о том, что в пределах Российской Федерации он был обращен именно на Северный Кавказ, где в подавляющем своем большинстве и проживали депортированные в свое время народы. И консолидированность политических устремлений всего региона была полностью нарушена. Таким образом, территориальные претензии народов Северного Кавказа друг другу приобрели нормативную базу, очаги напряженности и конфликтов – в Дагестане это был ареал проживания чеченцев-аккинцев, для ингушей – территория осетинского Пригородного района, в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии сняли проблему возможного объединения этносов региона в единое целое.

Одновременно с этим Федерация активизировала сепаратистские тенденции на уровне субъектов. В Кабардино-Балкарии была публично озвучена идея образования республики Балкария.

Своеобразной страховкой Москвы на случай нежелательного разворачивания событий оставался «Закон о реабилитации репрессированных народов», однако реализационная его часть была совершенно несостоятельна, тем более – с учетом правовой асимметричности закона. Реабилитация репрессированных народов, как минимум, должна была проходить параллельно восстановлению систем хозяйствования и обеспечению додепартационного уровня жизненной безопасности невыселенных народов, каковым, например, в ряде случаев были присоединены территории репрессированных этносов в счет изъятия их исторических земель; после возвращения депортированных народов в конце 50-х годов XX века, изначально изъятые территории возвращены не были.

Таким образом, в случае возникновения правовых коллизий при реальной попытке отделения части народов от России, «Закон о реабилитации» мог оказаться нефункциональным. Понимая это, структуры федерального центра, ответственные за целостность и безопасность государства инициировали принятие, по крайней мере, еще двух пакетов нормативных документов, еще более раздробивших политическую карту Северного Кавказа – это законы о возрождения казачества [1] и законы о местном самоуправлении [4].

Уже к концу 90-х годов прошлого века политическая активность национальных движений свелась к нулю.

К сожалению, приходится констатировать, что превентивные действия государства, долженствующие предотвратить центробежные устремления национальных субъектов региона во многом исходили из недостаточно верных посылок. Озабоченные иллюзорной консолидированностью народов Северного Кавказа в их якобы сепаратистских попытках, государственные структуры основной акцент своих действий ориентировали на создание систем нетрадиционного оппозиционирования этносов региона. Угроза отторжения южных республик от Российской Федерации при этом сохранила свою теоретическую перспективу – впрочем, на уровне этнического целеполагания не столь значительную – а вот степень радикализованности наиболее активных групп населения при этом достиг нежелательных масштабов.

Список литературы:

1. Закон « О казачестве» от 1994 г. – КонсультантПлюс: Высшая школа. – Вып. 13, 2010 г.

2. Закон о реабилитации репрессированных народов. – От 26 апреля 1991 г., № 1107-1. – КонсультантПлюс: Высшая школа. – Вып. 13, 2010 г.
3. Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 2003 – 419 с.
4. Федеральный Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления», от 6 июля 1991, № 1550-1. - . – КонсультантПлюс: Высшая школа. – Вып. 13, 2010 г.

«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ»

Часть II

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

10 марта 2011 г.

В авторской редакции

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 24.03.11. Формат бумаги 60х84/16. Бумага офсет №1.
Гарнитура Times. Печать RISO. Усл. печ. л. 9,5. Тираж 550 экз. Заказ 15.

Издательство ЭНСКЕ
630049, г. Новосибирск, Дуси Ковальчук, 270.
E-mail: enske@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-
макета в типографии ЭНСКЕ
630049, г. Новосибирск, Дуси Ковальчук, 270.